

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 17

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

ТОМ IV

Berkeley, 1985

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 17

edited by

Lazar Fleishman *Jerusalem*
Joan Delaney Grossman *Berkeley*
Robert P. Hughes *Berkeley*
Simon Karlinsky *Berkeley*
John E. Malmstad *New York*
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

Berkeley, 1985

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

IV

ПОКОЙНИЦА В ДОМЕ. СКАЗКИ

*** * ***

ЗЕЛЕНЬКИЙ СОЛОВЕЙ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВЛАДИМИРА МАРКОВА

И

ФРИДРИХА ШОЛЬЦА

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

Berkeley, 1985

«Примечания» © 1985

by Vladimir Markov and Friedrich Scholz

PRINTED IN U.S.A.

ISBN 0-933884-44-3

М. КУЗМИНЪ.

ПОКОЙНИЦА ВЪ ДОМЪ
СКАЗКИ.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ

А. БОЖЕРЯНОВА.

ИЗДАНИЕ М. И. СЕМЕНОВА.

С.-Петербургъ. 1914 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Покойница въ домѣ (1912)	5
Сказки (1912—13)	111
1. Принцъ-желаніе	113
2. Рыцарскія правила	123
3. Шесть невѣстъ короля Жилберта	131
4. Дочь Генуэзскаго купца	140
5. Золотое платье	148
6. Гдѣ всѣ равны	156
7. О совѣтливомъ Лопландцѣ	162
8. Высокое окно	166
9. Послушный подпасокъ	174

Покойница въ домѣ.

— —

I.

— Я всегда ставлю на седьмыхъ. Потомъ смотрю лошадь и жокея.

— И что же выходитъ?

— Выходитъ то, что я въ выигрышѣ. Вотъ сегодня вы и Сережа всѣ свои деньги проиграли и злитесь поэтому... Нечего, нечего, я вижу, что вы злитесь: Сережа сдвинулъ фуражку на затылокъ, и вы тоже нѣсколько взволнованы, а у меня, кромѣ своихъ, еще тридцать рублей прибавилось, такъ что я могла бы даже угостить васъ скромнымъ обѣдомъ, если-бъ дома папа не ждалъ насъ. И вы, Андрей Семеновичъ, поѣзжайте къ намъ, папа васъ тоже ждетъ.

— Я въ вашемъ распоряженіи, Екатерина Павловна,—отвѣчалъ безусый офицеръ, щелкая каблуками.

Автомобиль катилъ ужъ по Троицкому мосту, а Екатерина Павловна все продолжала говорить,—такъ ни о чемъ, будто ей доставляло удовольствіе просто наполнять воздухъ звуками своего голоса и смотрѣть направо и налѣво изъ-подъ широкой съ трауромъ шляпы своими карими съ малиновымъ оттѣнкомъ глазами. Она была похожа на брата круглымъ, нѣсколько полнымъ лицомъ съ ямочками на щекахъ, прямымъ, приподнятымъ носомъ, густыми темными волосами и бровями расширенными микъ вискамъ, какъ хвосты кометы. Ничто

казалось, не омрачало ея, и только войдя въ переднюю и сбросивъ пальто на руки лакею, она, вздохнувъ, пронесла:

— Бѣдная мама: все устроить, какъ хотѣла, и умереть! Я не могу объ этомъ подумать.

Студентъ взялъ ее подъ руку и сказалъ:

— Не говори только этого при отцѣ, Катя, не разстраивай его.

— За кого ты меня считаешь?—отвѣтила сестра и повела на него малиновымъ глазомъ.

— Я такъ сказалъ. Я знаю, что ты молодецъ!

— Катерина Павловна не только молодецъ, но у нея вообще твердый и завидный характеръ,—произнесъ молодой офицеръ съ убѣжденностью.

— Всѣ мы тверды до поры, до времени,—замѣтила Катенька, улыбаясь, и прибавила, будто чтобы переменить разговоръ:—Къ намъ скоро пріѣдутъ тети Софи и Елена изъ Берлина. Вѣдь вы знаете, что мама была отчасти нѣмка, хотя и носила французскую фамилію Ламберъ.

— Да, да, я знаю. Что же, ваши тетушки—замужнія, или вдовы?

— Не знаю. Кажется, обѣ старыя дѣвы. Я не имѣю о нихъ никакого представленія. Отецъ получилъ вскорѣ послѣ похоронъ письмо отъ одной изъ нихъ, котораго онъ мнѣ не показывалъ, но которое считаетъ удивительнымъ по возвышенности чувствъ и христіанской настроенности. А потомъ объявилъ, что онѣ сюда пріѣдутъ. Вотъ и все, что я знаю. Конечно, если онѣ хоть отчасти похожи на маму, онѣ должны быть ангельскими душами.

— Ваша матушка была удивительная женщина, которая при всей возвышенности характера обладала большою жизненностью и настоящею любовью къ землѣ, что перешло и къ вамъ, мнѣ кажется.

Катенька, указывая на плотно затворенныя двери рукою, съ которой она еще не сняла черной съ бѣлыми швами перчатки, сказала:

— Вы знаете, въ комнатѣ мамы все, все осталось безъ переменъ съ того дня, какъ она заболѣла. Открыто пианино, на которомъ она играла по вечерамъ, открыта книга, которую она читала, и на рабочемъ столѣ все еще лежитъ голубая матерія ея послѣдняго шитья. Я не люблю, когда отецъ туда ходитъ.

Разговоръ прервался, потому что въ комнату вошелъ Павелъ Ильичъ Прозоровъ—отецъ Кати и Сережи, высокій человѣкъ, приближавшійся къ пятому десятку: сѣдина смягчала рыжевато-золотой цвѣтъ его довольно длинныхъ волосъ и дѣлала еле замѣтной небольшую бороду; голубые глаза на свѣжемъ розовомъ лицѣ, нерѣшительная походка и движенія очень отличали его отъ дѣтей, похожихъ, вѣроятно, на покойную мать; лишь звонкій, нѣсколько картавый голосъ, да манера откидывать голову назадъ, выставляя шею, напомнили, что всѣ трое носили фамилю Прозоровыхъ. Въ длинномъ сюртукѣ, закрытомъ жилетѣ и низкомъ отложномъ воротникѣ онъ былъ похожъ на англійскаго проповѣдника или стариннаго доктора, болѣе чѣмъ на писателя, чьи острия, элегантныя и парадоксальныя статьи плѣняли тѣхъ немногихъ, которые ихъ читали. Получивъ за годъ передъ этимъ большое и неожиданное наслѣдство, онъ могъ спокойно и съ любовью заниматься излюбленными имъ наукой и чтеніемъ, окруженный тѣмъ достаткомъ, котораго, конечно, ему не дало бы положеніе оригинальнаго и уединеннаго мыслителя. Но здѣсь постигло его испытаніе въ видѣ смерти жены, Ирины Артуровны, урожденной Ламберъ, на которой онъ женился по страсти во время своихъ заграничныхъ скитаній, которыя онъ предпринялъ,

какъ каждый передовой русскій его времени. Направивъ жизнь, Ирина Ламберъ неожиданно умерла, оставивъ неутѣшнымъ вдовца и достаточно опредѣлившимися дѣтей.

И эти два мѣсяца, что они жили втроемъ, были грустнымъ, но довольно спокойнымъ и какъ-то еще болѣе любовнымъ временемъ. Какъ цвѣты въ букетъ, изъ котораго вынуть средній цвѣтокъ, сами крѣпче сжимаются, чтобы наполнить лепестками и листьями образовавшуюся пустоту, такъ и эти трое людей, казалось, еще тѣснѣе привязались другъ къ другу послѣ того, какъ ушла отъ нихъ та, которую они по-разному, но одинаково сильно любили.

За столомъ велись негромкія бесѣды о вещахъ постороннихъ, такъ какъ дѣти и гость считали Павла Ильича, можетъ быть, и справедливо, наиболѣе слабымъ и удрученнымъ недавней потерей. Они разговаривали съ нимъ, какъ съ больнымъ, хотя онъ, повидимому, тоже крѣпился, и не только проговорилъ весь обѣдъ, но даже перешелъ со всѣми въ гостиную пить кофе.

Но все-таки, когда онъ удалился къ себѣ, молодые люди вздохнули съ облегченіемъ, и разговоръ принялъ болѣе живой и свободный характеръ.

Стоя у окна, черезъ которое виденъ былъ янтарь поблѣднѣвшаго неба, Сережа сказалъ:

— Поѣдемте, господа, кататься! Такой чудный вечеръ.

— Мало мы еще сегодня трепались? Я и отъ скачекъ не отдохнула, и потомъ теперь поздно. Во всякомъ случаѣ, если Андрей Семеновичъ поѣдетъ, поѣзжайте вдвоемъ: я останусь.

— Безъ васъ намъ будетъ скучно,—сказалъ офицеръ.

А сережа отъ окна продолжалъ:

— Я не знаю, когда я вижу весною это блѣдное небо, чувствую вѣтеръ съ моря, на меня находятъ какая-то расслабленность и безпокойство. По-моему всѣ путешествія, всѣ романы должны начинаться весною. Это одна изъ тѣхъ немногихъ обще-принятыхъ истинъ, которыя вѣрны. Потому что по вечерамъ весной чувства неопредѣленны и смѣшаны, составлены изъ желанія любить, изъ безнадежности, изъ чувства близкой смерти и изъ страсти къ перемѣнѣ мѣсть.

— Все это очень хорошо, но я никакого желанія перемѣнять мѣсто не имѣю.

— Подумай, Катя, какъ будетъ очаровательно, когда янтарь небесъ отразится въ твоихъ прелестныхъ малиновыхъ глазахъ!

— Сережа сказалъ очень вѣрно. Это было бы дѣйствительно очаровательно,—замѣтилъ серьезно офицеръ.

Но Катенька, взглянувъ на него, съ улыбкой замѣтила.

— Я вамъ, пожалуй, доставлю это удовольствіе. Поѣду съ вами, чтобы „янтарь небесъ очаровательно отразился въ моихъ чудныхъ малиновыхъ глазахъ“, но вы напрасно вѣрите Сережѣ: онъ—страшный плутъ и хвалитъ мои глаза только потому, что они похожи на его собственные.

II.

Черезъ пять большихъ оконъ майское солнце такъ освѣщало комнату, по которой ходилъ подъ руку Павелъ Ильичъ съ дочерью, что было похоже, будто они гуляютъ по палубѣ большого парохода. Это сходство усиливалось еще тѣмъ, что они ходили уже больше часа, какъ будто никакихъ дѣлъ у нихъ не было,—не

существовало ни письменнаго стола въ кабинетѣ, ни автомобиля у подъѣзда, ни писанин, ни прогулокъ, а были они заброшены радостно и одиноко на средину чужого свѣтлаго моря. И какъ это ни странно, Катенька все время говорила съ отцомъ о покойной матери, вспоминая заграничныя поѣздки, ея слова, шутки, платья, которыя она любила, густыя брови, расширявшіяся къ вискамъ, какъ хвосты отъ кометы, и ямочки на щекахъ. Казалось, растрavляя раны, она хотѣла вывести отца изъ нѣкоторой апатіи, душевной подавленности, которая ей представлялась опаснѣе ясно выраженной скорби.

— Ты помнишь, отецъ, тѣхъ чаекъ, на которыхъ мы съ мамой любили смотрѣть, когда жили въ устьяхъ Арно? Мама вовсе не была грустна, но вдругъ сказала: „Кто знаетъ? Можетъ быть, это души рыбаковъ, погибшихъ въ морѣ, вьются около милыхъ мѣстъ?“ Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего особеннаго; я думаю, они тысячу разъ написаны, и мысль избита даже, но мнѣ никогда не забыть того голоса, той интонаціи и взгляда, ахъ! взгляда, съ которымъ мама это сказала... Мама была въ бѣломъ платьѣ, съ узкими зелеными ленточками и въ широкой соломенной шляпѣ отъ загара, которую она завязывала подъ подбородкомъ, словно капоръ сороковыхъ годовъ. Я такъ все помню, папа, хотя, ты знаешь, это было давно.

— Тебѣ тогда было лѣтъ десять, по-моему. Меня съ вами не было. Вы жили тамъ втроемъ.

— А миссъ Эчъ, англичанка, у которой всегда были коробочки съ имбиремъ и бутылочки съ лавандой? Развѣ ты ее позабылъ? Она тогда жила съ нами.

— Миссъ Эчъ была достойная женщина.

— Теперь я понимаю, что-она была достойная женщина, но тогда она мнѣ казалась безконечно смѣшной,

а Сережа всегда съ ней воевалъ и былъ очень доволенъ, когда однажды она упала въ море.

— Да, да, Ирина мнѣ и объ этомъ рассказывала. Но онъ не былъ злымъ мальчикомъ.

— Ахъ, нѣтъ, притомъ ему было только двѣнадцать лѣтъ, всѣ въ этомъ возрастѣ безжалостны, а теперь посмотри, какой онъ сталъ душечка. Вообще, папа, у тебя прелестныя дѣти и тебѣ было бы грѣшно жаловаться. Не правда-ли?

Отецъ прижалъ рукою къ себѣ Катинъ локоть и повторилъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Конечно, у меня прелестныя дѣти, и жаловаться мнѣ было-бы грѣшно.

Но Катенькѣ послышались будто другія слова, въ отвѣтъ на которыя, поднявъ глаза, она сказала тихо:

— Теперь мы тебя будемъ любить еще больше, потому что мы любимъ ее.

— Это пока не пришла настоящая любовь.

Катенька покраснѣла и сказала съ запинкой:

— Это дѣло совсѣмъ другое, и одно другому нисколько не мѣшаетъ.—Помолчавъ, она еще добавила:— Я это знаю.

— Развѣ уже?

Въ отвѣтъ та только кивнула головой, не останавливая прогулки и съ лицомъ, все такъ же залитымъ румянцемъ. Положимъ, Катерина Павловна, равно какъ и ея братъ, при нѣжности кожи краснѣли очень быстро, при чемъ краска заливала не только щеки, но шею, уши и даже лобъ. Но на этотъ разъ Павелъ Ильичъ понялъ, кажется, вѣрно причину внезапнаго румянца, потому что, сдѣлавъ еще шаговъ десять, дочь снова начала:

— Ты меня прости, папа, что я тебѣ раньше ничего не говорила, но дѣло въ томъ, что мнѣ самой было

неясно. Да и теперь, хотя мое чувство выяснилось, я совсѣмъ не знаю, какую оно найдетъ встрѣчу.

— Это Зотовъ?

— Да, Андрей Семеновичъ.

— Что же, онъ, кажется, хорошій и порядочный человѣкъ.

— Ахъ, ты разсуждаешь совсѣмъ не такъ. Развѣ нужно для любви знать, порядочный ли это человѣкъ, и развѣ, полюбя, я разлюбила бы, даже узнавъ, что любимый—шулеръ, воръ и намѣнникъ? Во мнѣ мамина кровь, а можетъ быть, и твоя.

— Можетъ быть, и моя,—отвѣтилъ медленно Павелъ Ильичъ.

Тогда Катенька внезапно остановилась и, положивъ обѣ руки на плечи тоже остановившемуся отцу, посмотрѣла прямо ему въ глаза. Солнце дѣлало прозрачными ея малиноватые глаза, когда она, поднеся совсѣмъ близко свое лицо къ лицу отца, еле слышно прошептала:

— Мы тебѣ не простимъ, если ты забудешь маму.

III.

Сережа хлопнулъ книгой о книгу, и ѣдкій запахъ пыли и старой бумаги усилился въ темной каморкѣ, сплошь заваленной большими книгами въ свиной кожѣ, изданиями классиковъ въ пергаментѣ, маленькими книжками XVIII вѣка, на корешкахъ которыхъ весело виднѣлись еще и теперь не поблекшія красныя, синія и зеленыя наклейки изъ цвѣтной кожи, не переплетенныя груды разрозненныхъ журналовъ, перевязанныя толстыми веревками, и какія-то подѣденныя крысами рукописи. Сережа быстро перебиралъ томъ за томомъ, откладывая въ сторону книги. содержанія легкаго, лю-

бовнаго, романы приключеній и мистическія фантазіи. Катерина Павловна сидѣла на табуреткѣ, глядя въ открытую дверь на то, что дѣлалось въ передней комнаткѣ букиниста, и не слушая, что ей рассказывалъ старичекъ въ картузѣ съ длиннымъ козырькомъ, въ очкахъ, въ тепломъ пальто, несмотря на май, и съ бородою, какъ у Аксакова. Они пріѣхали сюда на извозчикѣ, чтобы не казаться богатыми любителями, не знающими цѣнъ и не читающими купленныхъ книгъ. Они съ удовольствіемъ торговались, дѣлая невинныя хитрости, будто ведя веселую и занимательную игру. И торговецъ съ бородой Аксакова хитро щурилъ глазъ подъ очками и считалъ себя большимъ политикомъ, продавая рѣдкое изданіе Данта за безцѣнокъ и дорожась хорошо сохранившимся хламомъ.

— Петрарка, да, Петрарка,—пѣвецъ любви! Но знаешь, Сережа, я почему-то не вѣрю такой любви, одной на всю жизнь, расцвѣтшей въ канцонахъ и сонетахъ; по моему, тутъ есть отвлеченіе, лишающее чувство его веселости, жизненности, милой неправильности и измѣнчивости. Тутъ есть нѣкоторая безжизненность.

— Конечно, ты совершенно права, но остерегайся говорить это тому, кого ты полюбишь.... Онъ сочтетъ тебя за вѣтреную кокетку или позерку.

— Я не говорю, что не можетъ быть единственной и вѣрной любви,—возьми хотя бы отца. Но это все не то. А когда чувство фиксируется искусствомъ, возвышается и идеализируется, любовники представляются въ какихъ-то вѣнкахъ, говорящими *à qui tіеux tіеux* канцоны подъ звуки лиры,—украшенное и поднесенное такимъ образомъ чувство кажется смѣшнымъ и надутымъ, хотя, можетъ быть, они и любили другъ друга искренно. Не умѣя сказать попросту самое простое, сердечное и конкретное,—они дѣлаютъ любовь возвы-

пенной, прекрасной, безжизненной и нѣсколько смѣшной.

— Тебѣ смѣшонъ увѣнчанный Петрарка, а можетъ быть, черезъ сто лѣтъ будетъ смѣшна и нестерпима наша простота, какъ намъ уже непонятна ярость первыхъ декадентовъ.

— Катюль и Верленъ будутъ всегда милы влюбленнымъ.

Сережа вдругъ поднялъ лицо отъ книгъ и спросилъ, смѣясь:

— Отчего ты, Катя, сегодня вздумала разсуждать о любви, и что тебѣ сдѣлалъ Петрарка? Не собираешься ли ты влюбиться? Имѣй въ виду, что это дѣлается само собой, и, разсуждая такъ же здраво о любви, какъ ты сейчасъ, можно въ одинъ прекрасный день проснуться Лаурой, ни болѣе, ни менѣе.

Катерина Павловна покраснѣла и, наклонясь къ рыжему коту, тершемуся у ея ногъ, сказала:

— Влюбляться я не собираюсь, но и Лаурой быть не надѣюсь.

— Во всякомъ случаѣ я думаю, что если бы ты сдѣлала меня повѣреннымъ своихъ сердечныхъ тайнъ, ты бы выбрала для этого другое мѣсто, чѣмъ лавка Тихоныча—замѣтилъ Сережа, пересчитывая отобранныя книги.

Они торопились разобрать свой уловъ, дѣля между собой книги, тѣмъ болѣе, что Сергѣй Павловичъ ждалъ къ себѣ вечеромъ товарищей и хотѣлъ къ ихъ приходу разставить въ недавно купленномъ шкапикѣ эти аппетитные старые переплеты.

Катерина Павловна любила эти собранія у брата, когда немногочисленные посѣтители по-молодому вели разговоры объ искусствѣ, жизни и философіи, конечно, не вродѣ героевъ Достоевскаго, но, скорѣе, варьируя мысли Ницше или изощряясь въ парадоксахъ, думая

подражать Чайльд. Нельзя сказать, чтобъ все здѣсь было умно, остроумно и талантливо, но молодость дѣлала ихъ эстетизмъ не безжизненной гримасой пресыщенныхъ снобовъ, а придавала ему безтолковый, нѣсколько смѣшной, но болѣе живой характеръ. Конечно, могло вызвать улыбку, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и трогательно стараніе Сережи, чтобы въ комнатѣ съ розовыми обоями мебель была обита именно до ядовитости ярко-зеленымъ сукномъ, чтобы чай подавался въ золоченыхъ, съ большими зелеными же листьями чашкахъ, чтобы въ вазочкахъ были помѣщены какіе-нибудь рѣдкіе цвѣты и вообще заботы о всяческихъ милыхъ пу-стякахъ, которые принято считать несвойственными молодости.

Когда прозвучалъ послѣдній парадоксъ и послѣдній гость-лицензъ отыскалъ свою треуголку, Екатерина Павловна, взявъ подъ руку брата, вернулась съ нимъ въ его комнату и сказала:

— Ты не усталъ, Сережа? Можно съ тобой погово- рить?

— Къ твоимъ услугамъ,—отвѣчалъ тотъ, опускаясь рядомъ съ сестрой на диванъ.—О чемъ же ты хочешь говорить со мной, Катя?

Катенька, разглаживая складку на платьѣ, начала нетвердо:

— Ты хорошо знаешь Андрея Семеновича?

— Готова?

— Да. Вѣдь вы съ нимъ, кажется, дружны?

— И даже очень. Но я не знаю, съ какой стороны ты хочешь узнать его?

Видя, что сестра молчитъ, онъ снова началъ:

— Можетъ быть, ты въ него влюбилась? Тогда вполне понятно твое любопытство.

— Я въ него не влюбилась, но, кажется, собираюсь это сдѣлать.

Сереза всталъ и, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился:

— Я не совсѣмъ понимаю, какъ можно собираться полюбить. По-моему это приходитъ само собой. Я ничего не могу совѣтовать, но не очень желать бы для тебя, чтобъ ты полюбила именно Андрея Семеновича, потому что онъ слишкомъ тяжелый человѣкъ для любви. Помнишь, какъ говоритъ у *Vielè Griffin*:

Qu'il est donc lourd tout cet amour léger!

— Ты думаешь? — медленно спросила Екатерина Павловна. — Очень печально, если это такъ, потому что, по правдѣ сказать, я его уже люблю, и даже хотѣла просить тебя нѣсколько помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Если ты его любишь, то что же тогда разсуждать? А помочь я тебѣ всегда радъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ завтра, — сказала Катя, вставая и цѣлуя брата. — Да, кстати, завтра, кажется, пріѣзжаютъ тети Софи и Елена, папа получилъ телеграмму.

— Вотъ какъ, — равнодушно промолвилъ Сереза и еще разъ поцѣловалъ сестру.

IV.

Екатерина Павловна одѣлась очень скромно, такъ какъ былъ утренній часъ и притомъ, по слухамъ, сестры Ламберъ были старыми дѣвами высоконравственнаго направленія мыслей. Она съ нѣкоторою тоской думала, ѣдучи на вокзалъ, что вотъ войдутъ въ ихъ жизнь какія-то новыя личности, ничѣмъ не связанныя съ ними, кромѣ того, что они были сестрами покойной матери. Она съ братомъ хорошенько даже не знали, какъ узнать пріѣхавшихъ гостей, и ѣхали, такъ сказать, наугадъ, думая, что пассажировъ въ первомъ

классъ въ это время года будетъ не очень много и что они узнаютъ тетокъ по какому-либо сходству съ Ириной Артуровной. Разговора о нихъ не было и Катенька во время всего пути думала и говорила только о Зотовѣ, какъ будто она съ братомъ ѣхала на прогулку.

Свѣтило солнце, молодые люди были веселы, такъ что ничто, кромѣ чернаго платья Катеньки и крепа на рукавѣ Сережи, не говорило о томъ, что они недавніе сироты. Они стали у входа, чтобы не пропустить никого изъ пріѣзжихъ, но никого подходящаго не замѣтили, пока, наконецъ, изъ второго класса не вышли двѣ дамы въ черномъ, съ густыми вуалями. Одна была повыше, другая пониже, у обѣихъ были блѣдныя, нѣсколько одутловатыя лица, большіе бѣлесоватыя глаза и небрежно причесанные свѣтлыя волосы; походка ихъ была неровная, такъ что временами казалось, что онѣ обѣ прихрамываютъ. На видъ имъ было обѣимъ лѣтъ по сорока, онѣ казались почти одинаковаго возраста. Имѣя въ рукахъ аккуратные саквояжи, онѣ прямо подошли къ молодымъ людямъ и сказали обѣ вразъ:

— Бѣдныя дѣти, не печальтесь: Иренъ васъ не покинетъ.

Слова эти были произнесены по-нѣмецки, даже скорѣе не произнесены, а пропѣты, при чемъ какъ-то тоже вразъ, одна дама прижала свою щеку къ щекѣ Катеньки, другая же къ щекѣ Сережи, затѣмъ очень методично онѣ перемѣнились партнерами и продѣлали ту же церемонію въ обратномъ порядкѣ. Катенька не могла удержать легкаго смѣха, на что въ отвѣтъ та изъ дамъ, что была пониже, ласково улынулась, сдѣлавшись вдругъ лѣтъ на двадцать моложе:

— Это хорошо, дѣвушка, что ты смѣешься,—Богъ любить тѣхъ, что радуются.

Она потрепала Катю по щекѣ, и обѣ заковыляли къ

выходу. Онъ всему какъ-то удивлялись, будто маленькія: и тому, что имъ пришлось ѣхать въ автомобиль, и тому, что на улицѣ мало еще людей, и встрѣчнымъ церквамъ, и особенно Лѣтнему саду.

— Вотъ это Иренъ, навѣрно, любила: большія деревья и прямая дорога,—сказала одна изъ нихъ, указывая рукою въ фильдекосовой перчаткѣ, гдѣ одинъ палецъ былъ даже продранъ, на только что покрывшіяся зеленью купы Лѣтняго сада.

Павель Ильичъ встрѣтилъ ихъ на верхней площадкѣ, въ черномъ скюртукѣ, скорбный. Обѣ дамы подошли прямо къ нему и сказали вразъ:

— Бѣдное дитя, не печальтесь, Иренъ васъ не покинетъ.

И затѣмъ старшая изъ нихъ приложила свою щеку къ его щекѣ, а другая, сложивши руки, ожидала, когда придетъ ея очередь. Потомъ и эта сдѣлала то же, что старшая, и обѣ зашли за спину Павла Ильича, обойдя его съ двухъ сторонъ. Но Прозоровъ не размѣялся подобно своей дочери, а совершенно неожиданно отвѣтилъ въ тонъ дамамъ:

— Я не сомнѣваюсь, что Иренъ меня не оставитъ. потому я не печалюсь.

Затѣмъ сестеръ Ламберъ повели мыться.

— Онъ очень милый, тетушки. Знаешь, онъ забавный какія-то,—сказала Екатерина Павловна брату.

— Нашла тоже! Забавный! Чортовы куклы,—непочтительно отвѣчалъ Сережа.

— По-моему онъ скорѣе Божьи коровки, хотя въ общемъ штучки.

— Я во всякомъ случаѣ не очень доволенъ, что онъ къ намъ пріѣхали.

Выйдя изъ умывальной, Елена Артуровна обвиняла Катенькиныхъ станъ рукою и, отведя ее въ сторону, сказала:

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, Кэтхенъ.

— Пожалуйста, тетя, я слушаю, но толькозовите меня лучше Катей.

— Отчего же? Кэтхенъ очень хорошее имя, но если хочешь Катя, пусть Катя. Отчего, Катя, у васъ розовое мыло?

Екатерина Павловна въ недоумѣніи подняла глаза и спросила:

— Отчего же у насъ и не быть розовому мылу? Такъ, случайно купили розовое.

— Иренъ этого бы не любила, она любила Пирсъ-Сонъ,—отвѣтила дама, прищуривая глаза.

Екатерина Павловна, дѣйствительно, вспомнила, что мать любила темное англійское мыло, и, покраснѣвъ, отвѣтила:

— Вы правы, тетя, я сегодня же отдамъ распоряженія; это была простая невнимательность.

Елена Артуровна похлопала Катю по плечу со словами:

— Ты, Катя, добрая дѣвушка. Конечно, нужно быть внимательнѣй; мыло—это, конечно, пустяки, но Иренъ все видитъ, и нужно угадывать ея волю.

— Это очень трудно, тетя,—раздумчиво произнесла Катя.

— Для тѣхъ, кто любить, это легко. Нужно направить свои мысли и сердце къ одному, и тогда все будетъ понятно. Нужно лишиться своей воли, чтобы взять въ себя волю другого, того, кого любишь. Ты не можешь себѣ представить, дѣвушка, какая это радость.

Голосъ госпожи Ламберъ звучалъ взволнованно и убѣдительно, ея большіе блесоватые глаза всплывали, и все лицо сразу помолодѣло, какъ тогда на вокзалѣ. Катенька смотрѣла на нее съ удивленіемъ, потомъ вдругъ поцѣловала ее въ губы, произнеся:

— Какъ это все странно, милая тетя! Странно и хорошо. А мыло я сегодня куплю сама.

V.

При ближайшемъ разсмотрѣннн, конечно, можно было замѣтить разницу въ дѣвицахъ Ламбергъ; не считая того, что одна изъ нихъ была вдова, а не дѣвица, Еленѣ Артуровнѣ было сорокъ пять лѣтъ, между тѣмъ какъ ея сестрѣ Софьѣ едва минуло тридцать шесть. Елена Артуровна отличалась страннымъ свойствомъ вдругъ молодѣть лѣтъ на пятнадцать и дѣлаться точно похожей на покойную Прозорову; ея бѣлесоватые глаза голубѣли, широкое лицо теряло свою одутловатость, и тогда можно было вообразить, что у нея могла быть сестра смѣлая, прямая, энергичная, не безъ причудъ, но съ широкимъ сердцемъ, какою встрѣтилъ Ирину Павелъ Ильичъ въ своихъ заграничныхъ скитанiяхъ. И чаще всего это бывало въ минуты сильнаго воодушевленiя, когда Елена Артуровна вспоминала о сестрѣ; притомъ ея голосъ былъ такъ похожъ на голосъ той, что, закрывъ глаза, можно было подумать, что Ирина Артуровна не уходила въ другой мiръ, а продолжаетъ сидѣть за обѣденнымъ столомъ, наблюдать своихъ дѣтей и весело вести домашнюю, полную смысла и радости жизнь, такъ что особенно убѣдительно и странно звучали въ ея устахъ такiя фразы, какъ: „Ирина здѣсь, она васъ не покинула, она насъ слышитъ“. Она говорила это часто и такъ просто, что, дѣйствительно, могло показаться, что откуда-то доносится голосъ самой матери, подтверждающей свое таинственное присутствiе. Обѣ сестры расположились по своему желанiю въ двухъ небольшихъ комнатахъ на антресоляхъ, оставшихся отъ людскихъ, въ одну изъ которыхъ вела

лѣстница прямо изъ кабинета Павла Ильича. Въ опредѣленные часы объ Ламберъ, переглянувшись другъ съ другомъ, неизмѣнно удалялись въ свои каморки, и неизвѣстно, что тамъ дѣлали. Возвращались онѣ минутъ черезъ двадцать съ еще болѣе стоячимъ взглядомъ блесоватыхъ глазъ, ослабѣвшими губами и съ очевидной разбитостью во всей фигурѣ. Въ такія минуты онѣ были молчаливы и когда начинали говорить, то голосами слабыми, доносившимися будто изъ-подъ воды. Всякій шумъ тогда ихъ пугалъ какъ-то особенно, и именно тогда-то было болѣзненно жутко слышать голосъ Елены, когда она, закрывши глаза, произносила почти шопотомъ: „Ирина здѣсь, она насъ слышитъ“.

Катенькѣ всегда были непереносимы эти минуты, а когда присутствовалъ Сережа, то онѣ просто злился и пожималъ плечами. Не разъ сестра ему говорила:

— Ты знаешь, Сережа, какъ я люблю маму, но я не могу выносить, когда тетя Лена это дѣлаетъ, мнѣ хочется топтать ногами и громко крикнуть ей: „это неправда, неправда! А если мама насъ и слышитъ, то почему однѣ вы это знаете? Развѣ мы не больше вашего знали, любили и жили съ ней? Потомъ, я вѣрю, что она сама настолько насъ любила, что теперь свое присутствіе сумѣла бы сдѣлать легкимъ и радостнымъ, а не неприятной тяжестью“. Я боюсь, что это сильно вліяетъ на отца.

— Да вообще было бы гораздо лучше, если бы онѣ скорѣй убирались; но онѣ, кажется, этого не собираются дѣлать.

Дѣйствительно, ничто не указывало на скорый отъѣздъ сестеръ Ламберъ, такъ же какъ далеко не очевидно были причины ихъ пріѣзда. Онѣ жили и жили на своихъ автросоляхъ, уходили въ извѣстные часы неизвѣстно для чего, говорили: „Ирина здѣсь, она

насъ слышитъ“. Такъ изо дня въ день. Впрочемъ, нѣ-которая эволюція все же совершалась въ домѣ. Во-первыхъ мыло „Pearls's Soap“ было только началомъ, послѣ котораго послѣдовали и другія указанія на то, что любила Ирина и чего нѣтъ. Иногда Софья или Елена Артуровны заявляли даже не о томъ, что Ирина любила то-то и то-то, но что Ирина любила бы, хотѣла бы, предпочла бы. Второю переменною было то, что часто по вечерамъ или, если хотите, по ночамъ скри-пѣла дверь въ покойчикъ Софьи Артуровны, а она спускалась по внутренней лѣстницѣ прямо въ кабинетъ Павла Ильича для продолжительныхъ бесѣдъ, назидательныхъ и волнующихъ. Въ самомъ фактѣ бесѣдъ не было, конечно, ничего особеннаго, но вдругъ за однимъ изъ завтраковъ Павелъ Ильичъ, обратясь къ Сережѣ, сказалъ:

— Сережа, въ четвергъ тебѣ придется поѣхать въ Москву.

— Зачѣмъ?—спросилъ тотъ съ недоумѣніемъ. — Я не знаю, зачѣмъ мнѣ туда ѣхать.

— Бѣдное дитя, ничего не надо знать, такъ хочетъ Ирина,—прошептала Софья Артуровна.

Сережа густо покраснѣлъ и промолвилъ:

— Отецъ, ты прости, но я нахожу это страннымъ и не поѣду.

Обѣ сестры Ламберъ вилеснули руками, а Павелъ Ильичъ, нахмурившись, сказалъ твердо:

— Сергѣй, ты поѣдешь!

Сережа долго смотрѣлъ на отца, наконецъ, появивъ плечами, отвѣтилъ:

— Если ты приказываешь, конечно, я поѣду, но за послѣдствія не ручаюсь.

— Зачѣмъ, папа, Сережѣ нужно въ Москву?—спросила Екатерина Павловна.

Елена Артуровна схватила ее за руку и воскликнула:

— Какъ ты не понимаешь, дѣвушка? Это желаніе вашей покойной матери,—и посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, какъ на чловѣка, не понимающаго простѣйшихъ вещей.

— Я сказалъ уже, что я поѣду, но я бы просилъ избавить меня отъ подобныхъ разговоровъ и вообще отъ всякихъ мистификацій.

Объ Ламберъ закивали укоризненно головами и произнесли объ разомъ, нараспѣвъ:

— Ай, ай, какъ ни стыдно, Сережа! Такой молодой и такой безвѣрный.

Но Сережа едва ли слышалъ это замѣчаніе, потому что, хлопнувъ дверь, онъ уже вышелъ изъ комнаты.

VI.

Катенька была нѣсколько сердита на тетокъ, не столько за то, что услали Сережу, сколько за странное и непонятное вліяніе ихъ на отца. Притомъ ей было непріятно, что сестры Ламберъ взяли какъ бы монополію на память ея покойной матери. При ихъ пріѣздѣ она относилась къ нимъ скорѣе, какъ благосклонная наблюдательница, но послѣ исторіи съ Сережей это отношеніе стало походить болѣе на отношеніе подозрительнаго шпиона. Отъ ея недовѣрчиваго и внимательнаго глаза не ускользало ни одно слово, ни одно движеніе какъ тетокъ, такъ и отца, особенно если они касались покойной матери. Очевидно, эта наблюдательная позиція въ свою очередь не укрылась отъ глазъ сестеръ Ламберъ, потому что однажды послѣ завтрака Елена Артуровна отозвала Катю и, обнявъ ее за талію, сказала:

— Ты, кажется, чѣмъ-то недовольна, Катя?

— Нѣтъ. Отчего ты думаешь?

Елена Артуровна улыбнулась и отвѣтила:

— Ты недовольна мною и сестрой Софи, и я знаю за что.

Катя хотѣла было возражать, но Елена, крѣпче обнявъ ее, продолжала:

— Ты ревнуешь Ирину къ намъ, это вполне понятно, и я тебя не виню. Но если бы ты хоть минутку подумала благоразумно, тебѣ стало бы ясно, какъ это ненужно, именно ненужно!... Ты думаешь, что мы не имѣемъ права считать Ирину болѣе близкой намъ, чѣмъ тебѣ, твоему отцу и брату? Конечно, мы очень долго не видались съ сестрой, но это нисколько не уменьшаетъ силы нашихъ чувствъ. И потомъ—это главное—есть люди, которымъ воля и желаніе ушедшихъ яснѣ видны и чувствительнѣе, нежели другимъ, хотя бы эти послѣдніе и были связаны узами ближайшаго родства и самой подлинной любовью. Это совсѣмъ особенный даръ, особая благодать, которая, конечно, посылается помногу нашей волн, но которую удерживать, укрѣплять и развивать всецѣло зависитъ отъ насъ самихъ. Ты понимаешь, что я говорю?

Екатеринѣ Павловнѣ было какъ-то странно и неловко слушать эти объясненія; потому она отвѣтила неохотно и не глядя на собесѣдницу:

— Конечно, я понимаю... Но мнѣ не совсѣмъ ясно, какое отношеніе это имѣетъ къ данному случаю. Или ты считаешь себя и тетю Софи именно этими особенными людьми? Тутъ легко ошибиться и счесть себя за то, чѣмъ считаться не можешь.

Глаза Елены Артуровны поголубѣли, щеки покрылись румянцемъ, и она стала выкликать довольно громко, несмотря на то, что въ сосѣдней столовой лакей убирала со стола:

— Нѣтъ, въ этомъ ошибиться никакъ нельзя, никакъ! И притомъ это вовсе не такое легкое и радостное свойство, какъ ты можешь думать! Какъ всякая благодать, это имѣть свои незабываемыя радости и свои тяжести, очень большія. Это даетъ права, но налагаетъ и обязанности. И вотъ наша обязанность именно въ томъ и заключается, чтобы передавать и истолковывать твоему отцу желанія умершей, такъ какъ умершіе имѣютъ желанія, имѣютъ волю и даже капризы, которые намъ кажутся иногда необъяснимыми, оттого что мы гораздо меньше знаемъ, чѣмъ они. Эта обязанность священна, и бѣжать ея значило бы быть трусомъ...

Елена Артуровна, какъ мы уже сказали, говорила громко, и ея возбужденное состояніе производило на Катеньку тягостное и жалкое впечатлѣніе. Ей казалось, что еще минута—и съ тетей Еленой сдѣлается припадокъ. Потому она сама обняла узкія плечи госпожи Ламберъ и сказала ласково:

— Зачѣмъ такъ волноваться, тетя, я же тебѣ сказала... Что я могу имѣть противъ тебя и тети Софи? Вы сестры моей матери, и потому я васъ люблю. Чего же больше? Поступки отца иногда кажутся мнѣ необъяснимыми, но и за это я не могу сердиться на васъ. То, что ты мнѣ говорила, мнѣ совершенно чуждо, потому что меня нисколько не интересуютъ метафизическія и философскія тонкости. Ты прости, что я объ этомъ говорю, но ты сама вызвала этотъ разговоръ. Я вѣрю въ Бога, люблю иногда ходить въ церковь, но дальше этого я не иду, потому что идти дальше мнѣ кажется очень отвѣтственнымъ и неприятнымъ. Я вѣрю, что духъ безсмертенъ, но желаній моей покойной матери я знать не могу и не желаю, потому что боюсь непоправимыхъ ошибокъ и печальныхъ искушеній.

Когда Катенька смолкла, Елена Артуровна совершенно неожиданно сказала ей:

— Теперь я вижу, Катя, что очень скоро мы будемъ большими друзьями.

При этихъ словахъ она такъ смѣшно, по-дѣтски сморщила лицо, что Катенька невольно улыбнулась и спросила весело:

— Отчего, тетя, вы такъ думаете?

— Я увѣрена, что мы будемъ друзьями,—твердила Елена Артуровна. Потомъ она вздохнула и прибавила:

— Но, бѣдная Катя, тебѣ предстоить много испытаній, сердечныхъ испытаній.

Катя снова улыбнулась и промолвила:

— Я не думала, тетя, что ты занимаешься и предсказаніями. И потомъ, развѣ ты что-нибудь понимаешь въ сердечныхъ дѣлахъ?

Та пропустила мимо ушей Катины слова и въ порывѣ радости шепнула:

— И тогда, когда мы будемъ друзьями, ты мнѣ позволишь называть тебя Кэтхенъ, потому что это очень трудно выговаривать: Катя.

— Хорошо, тетя, я могу откликаться и на Кэтхенъ,—отвѣтила племянница и поцѣловавъ госпожу Ламберъ, пошла изъ комнаты, но та ее вернула и добавила:

— Такъ какъ мы уже почти друзья, милая Кэтхенъ, то вотъ тебѣ мой первый дружескій совѣтъ: никогда не люби человѣка, который звался бы Андреемъ.

VII.

Хотя Екатерина Павловна и говорила, что не вѣрить предсказаніямъ и пророчествамъ, однако упоминаніе тети Елены имени Андрея сильно поразило ея

воображеніе. Перебирая въ памяти всѣ мелочи ближайшихъ дней, она убѣдилась, что, кромѣ Сережи, никто не зналъ объ ея любви къ Андрею Семеновичу, которая для нея самой была еще не вполне опредѣлена. Екатерина Павловна забыла, что она сама, ходя по большой гостиной, призналась въ своемъ чувствѣ отцу, и, перебравъ всѣ подходящія объясненія проникательности Елены Артуровны, она, наконецъ, бросила догадки, просто подумавъ: „Такъ, сболтнула тетя первое, что ей на языкъ пришло“.

Не дружба, а какое-то странное влеченіе и связь тѣмъ не менѣе образовались между госпожею Ламберъ и барышней Прозоровой. Катеньку это томилло и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекало. Она стремилась къ теткѣ,—и ей было стыдно, какъ будто она участвовала въ какомъ-то нехорошемъ секретномъ дѣлѣ.

Сережа изъ Москвы скоро вернулся, такъ же неожиданно вызванный, какъ и отосланный. Въ Москвѣ ему рѣшительно нечего было дѣлать. Близкихъ и знакомыхъ у него тамъ не было, старую столицу онъ не любилъ, и тѣмъ не менѣе возвращался онъ оттуда безъ особенной радости. Въ первый же день пріѣзда, разговаривая съ сестрой, онъ говорилъ:

— Меня возмущаетъ такое обращеніе со взрослымъ человѣкомъ: поѣзжай въ Москву, возвращайся обратно, дѣлай то, говори это, будто какая-то пѣшка. Кажется, никто моимъ начальствомъ этихъ старыхъ дѣвъ не ставилъ, и если я исполню ихъ желаніе, то только изъ любви къ отцу, котораго, опять-таки изъ любви къ нему, и постараюсь освободить отъ ихъ вліянія.

Катенька задумчиво отвѣтила:

— Онѣ намъ непонятны, Сережа, но безусловно имѣютъ какую-то силу. Отецъ по-моему сталъ гораздо спокойнѣе, онъ нѣсколько утѣшился. А наша враждеб-

ность къ нимъ, можетъ быть, происходить только отъ нашего непониманія.

— Тебя ли я слышу, Катерина? Неужели за эти десять дней онъ оплели и тебя?

— Какъ ты можешь это думать,—сказала Катя, покраснѣвъ.—Но признаюсь, что отношенія мои, въ особенностяхъ къ тетѣ Еленѣ, нѣсколько измѣнились, особенно послѣ того, какъ она мнѣ сказала удивительную вещь объ Андрѣѣ.

— Неужели ты съ ней говорила о Зотовѣ?

— Въ томъ-то и дѣло, что я ничего не говорила. Она мнѣ сама сказала, чтобъ я страшилась моей любви къ нему.

— Это чортъ знаетъ что такое. Конечно, не то, что она сказала, потому что мало ли что болтаютъ старыя бабы, а то, что ты придаешь этому такое значеніе. Кстати,—добавилъ онъ небрежно,—Андрей сегодня будетъ у меня. Я купилъ въ Москвѣ удивительный чайникъ ему въ подарокъ, ты не можешь себѣ представить какая прелесть! Андрей въ Москву мнѣ писалъ, и меня даже нѣсколько досадовало, что онъ такъ много распространялся въ этихъ письмахъ о тебѣ...

— Ты не можешь себѣ представить, Сережа, какъ мнѣ трудно и чего-то страшно.

— Ну, полно! Повѣрь, это скоро пройдетъ. Какая же ты эстетка и современная женщина, если будешь такъ распускать нюни? Даю тебѣ слово, что все поверну по-своему.

Катенька улыбнулась и отвѣтила:

— Что ты храбришься! Мы тоже слышали вѣдь, какъ одинъ эстетъ и современный юноша ѣздилъ въ Москву единственно потому, что этого пожелали двѣ старыя дѣвы, которыхъ онъ терпѣть не могъ.

— Тѣмъ болѣе намъ нужно быть энергичными!

Чего я одинъ не сдѣлаю, то мы сдѣлаемъ вдвоемъ. Тутъ нечего разводить богадѣльню, тѣмъ болѣе, что дѣло касается не насъ однихъ, а также и отца.

Катенька, подумавъ, прибавила:

— А также и покойной мамы.

— Тѣмъ болѣе! Значить, союзъ на жизнь и на смерть.

— На жизнь и на смерть,—всело отвѣтила сестра.

Но какъ ни бодрилась Екатерина Павловна, какая-то отрава въ ней оставалась. Какая-то сѣрая и липкая муть вошла въ ея душу, и казалось временами необходимымъ встряхнуться, омыться въ свѣтлыхъ и звонкихъ струяхъ всегда молодой жизни, отогнать отъ себя настойчивое воспоминаніе о бѣлесоватыхъ глазахъ, одутловатыхъ блѣдныхъ лицахъ и хромающей походкѣ сестеръ Ламберъ, объ ихъ странныхъ, то нелѣпыхъ, то таинственныхъ словахъ, а можетъ быть, отогнать и воспоминанія объ умершей—въ пользу живущихъ людей, съ румянцемъ на щекахъ, съ подвижнымъ иногда жалкимъ, иногда восхитительнымъ тѣломъ, которые могутъ не отвлеченно чувствовать, страдать и любить. Когда Екатерина Павловна бывала съ братомъ или выходила на улицу, это чувство пробуждалось въ ней съ такою силой, что ей хотѣлось кричать, пѣть, цѣловать собственную руку, чтобъ чувствовать теплую, милую кожу, а подъ нею красную кровь. Но именно интенсивность, преувеличенность этихъ чувствъ и указывали на степень зараженія Екатерины Павловны, потому что едва она оставалась одна или видѣла передъ собою тетю Елену или Софи, озирала комнаты, въ которыхъ вѣялъ теперь запахъ, будто проникавшій съ антресолей, запахъ затхлый и благочестивый, сходный съ запахомъ не то ладана, не то непровѣтренной комнаты или старого серебра, тотчасъ же она чувство-

вала себя охваченной тягостной и сладкой полудремотой, въ которой сердце бьется медленно, мысли, чувства, желанія ослабляются и тупѣютъ и живешь какъ загнипнотизированный, исполняя своими движеніями волю и желанія таинственныхъ, страшныхъ, дорогихъ и враждебныхъ покойниковъ.

VIII.

Снова янтари вечерняго неба отразились въ малпновыхъ глазахъ Екатерины Павловны, когда они шли по пѣшеходной дорожкѣ, вдоль широкой проѣзжей аллеи. Справа была рѣка, вся желтая, расходящаяся широкими, гладкими полосами отъ проѣзжавшей лодки. Слева же зеленѣлъ въ тѣни прудъ, казавшіяся въ полумракѣ темнымъ и заглохшимъ; лягушки неистово квакали, отвѣчая робкимъ трелямъ соловья. Надъ ними шумѣлъ аэропланъ, удаляясь къ городу, подобно большой стрекозѣ съ легкимъ трепетомъ казавшихся прозрачными крыльевъ. Экипажи ѣхали медленно, будто похоронная процессія, и выѣхавшіе на прогулку соблюдали молчаніе, дѣлая видъ, что они наслаждаются природой. По лужайкамъ стлался уже туманъ, было сыро, и свѣтло, а одинокій фонарь далекой баржи мерцалъ топазомъ на блѣдномъ, какъ мозельвейнъ, небѣ.

Автомобиль, свернувъ въ сторону, предоставилъ путникамъ дѣлать „sent pas“ отъ Елагина моста до Стрѣлки. Но нужно признаться, что и Екатерина Павловна, и господинъ Зотовъ не обращали вниманія на сѣверную природу, которая сдѣлала всѣ усилія, дала всѣ свои краски, чтобы явиться въ своемъ томящемъ хрупкомъ и болѣзненномъ очарованіи. Одинъ Сережа говорилъ, и то онъ не столько чувствовалъ томность этихъ золотыхъ сумерекъ, сколько рассуждалъ, такъ сказать, въ качествѣ официального цѣнителя.

Екатерина Павловна и Андрей Семеновичъ слушали его молча, а можетъ быть, и совсѣмъ не слушали, потому что, когда онъ кончилъ, Катенька проговорила совсѣмъ не на тему очень обыкновенную, почти вульгарную фразу. Она сказала:

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Андрей Семеновичъ, не годится такъ поступать съ друзьями. Во-первыхъ, Серсжа уже сколько времени пріѣхалъ, а во-вторыхъ, вы и въ его отсутствіе могли бы заглянуть къ намъ, потому что безъ Серсжи мнѣ было еще скучнѣе.

— Я не думалъ, что вы способны скучать, Екатерина Павловна,—отвѣтилъ офицеръ серьезно.

— Почему же мнѣ и не скучать? Скуку нельзя при-
вить, какъ оспу въ дѣтствѣ, хотя было бы, конечно, не дурно, чтобы всѣ гадости прививались намъ заранѣе...

— А вы считаете скуку за гадость?

— Что-же она такое, какъ не гадость? Человѣкъ долженъ быть здоровъ, дѣятеленъ и веселъ, а всѣ эти тамъ настроенія, тоска, безнадежныя любви—по моему это просто болѣзни. Отъ нихъ нужно пить микстуру или прижигать ихъ ляписомъ.

— Повѣрьте, Екатерина Павловна, что не все на свѣтѣ можно прижечь ляписомъ. Это, конечно, очень благоразумно и гигиенично, то, что вы говорите, но я сомнѣваюсь, чтобы это было вполнѣ вѣрно.

— Я удивляюсь, какъ вы можете въ такія сумерки вести салонный разговоръ,—фыркнулъ Сергѣй Павло-
вичъ.

— Во-первыхъ, хотя „янтарь и отразился въ моихъ малиновыхъ глазахъ“, но сумерки я нахожу сырыми, а во-вторыхъ, нашъ разговоръ вовсе не салонный, и я бы назвала его скорѣе обмѣномъ мыслей...

— Въ васъ есть какая-то перемѣна, Екатерина Павловна,—отозвался Андрей Семеновичъ. — Вы сильно измѣнились за послѣднее время.

— Развѣ?—встрепаеувшись, спросила Катя.

— Тутъ поневолѣ измѣнишься, когда у насъ поселились эти старыя дѣвы,—сказалъ Сережа.—Удивляюсь, какъ я-то остался такимъ же. Но меня никогда нѣтъ дома, а бѣдная Катя сидитъ цѣлый день съ этими кинморамн...

— По-моему я нисколько не измѣнилась,—отвѣтила Катя, какъ-то вдругъ похудѣвшая и поблѣднѣвшая,—а у тетей, конечно, есть много смѣшныхъ чертъ, но въ сущности, въ глубинѣ, онѣ очень хорошія и насъ любить.

— Нѣтъ, ты, Катя, дѣйствительно измѣнилась!—недовольно проговорилъ Сережа и посмотрѣлъ на сестру.

Она шла теперь спиной къ закату, уже померкшему, въ бѣломъ узкомъ платьѣ, глаза ея казались черными, и было выраженіе большой усталости на ея блѣдномъ кругломъ лицѣ.

— Идемте скорѣй! — сказала Катя, торопясь къ стоянкѣ автомобилей.

Во время пути она ни слова не сказала, даже не глядѣла на своихъ спутниковъ. Только когда они остановились на аллеѣ, не доходя до моста, и Сережа отошелъ, чтобы помочь шоферу исправить машину, Катя, не мѣняя положенія головы, сказала еле слышно:

— Вы не ошиблись, Андрей Семеновичъ, я дѣйствительно сильно измѣнилась, потому что теперь мнѣ стало ясно, что я васъ люблю.

Зотовъ хотѣлъ было что-то сказать, но Катя остановила его ручкой.

IX.

Андрея Семеновича очень удивило Катенькино признаніе. Онъ привыкъ къ ласковому и веселому

отношенію съ ея стороны, она ему нравилась, какъ человѣкъ и какъ дѣвушка, но онъ никакъ не могъ предполагать въ ней особенныхъ чувствъ къ себѣ. Къ тому же это было въ первый разъ, что онъ встрѣтился съ любовью „барышни изъ общества“. Это было для него ново, и онъ не зналъ, какъ поступать. Притомъ она первая ему призналась, и призналась какъ-то не радостно, не легко, и это его смущало и обязывало еще больше. Онъ не чувствовалъ къ ней страстной любви, но привыкъ ее уважать и ясно понималъ, что если тутъ возможны какія-либо чувства, то, конечно, изъ числа тѣхъ, которыя развиваются спокойно и надежно и увѣнчиваются, говоря попросту, законнымъ бракомъ. Тѣмъ болѣе ему хотѣлось все обдумать и взвѣсить раньше, чѣмъ прійти къ какому-либо рѣшенію. Онъ рѣшилъ поговорить съ Сережей, думая, что тотъ лучше знаетъ сестру и можетъ ему помочь не только совѣтомъ, но и практически.

Сергѣй Павловичъ выслушалъ внимательно то, что говорилъ ему Зотовъ, и подъ конецъ произнесъ:

— Знаешь, Андрей, я едва ли тебѣ въ чемъ-либо могу быть полезенъ. Конечно, я знаю, что сестра не кокетка и зря болтать не будетъ, но за послѣднее время она дѣйствительно, такъ измѣнилась.. Я совсѣмъ ея не узнаю, ужъ самый фактъ, что она первая тебѣ призналась, такъ не похожъ на нес... Но если все это дѣло моихъ почтенныхъ тетюшекъ, то имъ придется считаться со мной. Все, что я могу сдѣлать для тебя, это послать ее къ тебѣ; поговори съ нею самъ, и тамъ видно будетъ.

И дѣйствительно, когда черезъ нѣсколько минутъ Екатерина Павловна зашла въ комнату брата, послѣдній, воспользовавшись первымъ предлогомъ, оставилъ ее одну съ Зотовымъ. Хотя Екатерина Павловна была

нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но не казалась такою усталой и взволнованной, какъ въ тотъ вечеръ на Елагиномъ островѣ, и говорила она съ обычною беззаботностью, пока Андрей Семеновичъ, безъ видимой связи съ предыдущимъ разговоромъ, не сказалъ какъ будто бы совсѣмъ некстати:

— Вы не можете себѣ представить, Екатерина Павловна, какъ я счастливъ, какъ я вамъ безмѣрно благодаренъ за то, что вы мнѣ сказали.

Катенька слегка нахмурилась, потомъ, покраснѣвъ, промолвила какъ бы небрежно:

— Ахъ, тамъ, на островахъ! Я думала, что вы позабыли... Я тогда была въ очень странномъ настроеніи.

— Слѣдуетъ ли понимать васъ такъ, что вы жалѣете о томъ, что тогда сказали? Если вамъ угодно, я никогда не буду говорить объ этомъ...

— Нѣтъ, я никогда не жалѣю о своихъ словахъ. Можетъ быть, будь я въ другомъ духѣ тогда, я бы ихъ не сказала, а подождала перваго шага съ вашей стороны. Но это нисколько не лишаетъ правдивости самыя чувства. И потомъ, можетъ быть, ждать отъ васъ признаній совершенно бесполезно, такъ какъ я не знаю, какой отвѣтъ я найду въ васъ.

Катенька кончила свою рѣчь съ улыбкой, будто говоря не о себѣ, а о чувствахъ постороннихъ людей, для нея довольно безразличныхъ. Но Андрей Семеновичъ, казалось, этого не замѣчалъ, потому что отвѣтилъ съ полной серьезностью:

— Конечно, я бы никогда не посмѣлъ первымъ заговорить о томъ, что вы сказали такъ легко, осчастлививъ меня неожиданно и незаслуженно.

Катенька глянула на него, все еще улыбаясь, и сказала вбокъ, не поворачивая головы:

— Изъ вашихъ словъ можно заключить, что вы, какъ говорится, любите меня.

— Я ужъ давно люблю васъ, Екатерина Павловна, и притомъ могу вамъ сознаться, что до сихъ поръ я никого не любилъ такъ, какъ васъ.

— Что вы дѣлали и кого любили до сихъ поръ, меня не касается, а полюбите ли вы кого-нибудь, любя меня,—это зависитъ отъ меня, и повѣрьте, что я стараюсь, чтобы этого не случилось. Если только я сама кого-нибудь не полюблю. Тогда, конечно, другое дѣло.

Андрей Семеновичъ вздохнулъ и началъ печальнымъ и глухимъ голосомъ:

— Зачѣмъ вы такъ говорите, Екатерина Павловна? Вѣдь вы совсѣмъ не такъ легко думаете и чувствуете. Я васъ достаточно видѣлъ, чтобы знать, насколько не идетъ къ вамъ такая маска.

— Ну такъ вотъ, безъ всякихъ масокъ и легкомыслия я вамъ повторю то, что уже сказала. И принимаю вашъ отвѣтъ. Принимаю вашу любовь.

Андрей Семеновичъ взялъ обѣ Катенькины руки, прижалъ ихъ молча къ губамъ, она же, наклонясь, поцѣловала его въ щеку; тогда онъ всталъ и, щелкнувъ каблуками, сталъ прощаться.

Екатерина Павловна не пошла его провожать, а осталась на томъ же диванѣ, раскраснѣвшаяся, съ опущенными глазами и легкой улыбкой на полуоткрытыхъ губахъ. Посидѣвъ такъ нѣкоторое время, она встала, и прошептала:

— Боже мой, какъ это хорошо! Но отчего такъ грустно?—и вышла на открытый балконъ.

Вѣтеръ съ моря дулъ прямо въ лицо, свѣтило солнце, по рѣкѣ двигались барки, и зелень Лѣтняго сада направо еще не приняла темнаго цвѣта. Мысли

Катеньки не сдѣлались болѣе ясными, но потеряли грустный оттѣнокъ. Ей казалось, что она успокоилась, но внѣшній ея видъ нисколько на это не указывалъ. Такъ же горѣли щеки, улыбались губы, а малиновые глаза блестѣли болѣе обычнаго.

X.

На дачѣ въ Павловскѣ, куда въ первые лѣтніе дни переселились господа Прозоровы, уже не было внутренней лѣстницы, которая вела бы изъ помѣщенія госпожъ Ламберъ въ кабинетъ Павла Ильича. Обѣ тетушки помѣщались въ нижнемъ этажѣ, тамъ же, гдѣ жилъ и глава семьи, а верхній этажъ былъ всецѣло предоставленъ Катенькѣ и Сережѣ.

Катерина Павловна не очень жалѣла, что они не отлетѣли этотъ годъ за границу, можетъ быть, втайнѣ желая не разставаться съ Андреемъ Семеновичемъ Зотовымъ, ушедшимъ въ Красносельскій лагерь, можетъ быть, не желая покидать отца, который не хотѣлъ уѣзжать дальше Павловска, а можетъ быть, и вслѣдствіе продолжавшейся странной дружбы съ тетей Нелли.

Катенька рѣже, чѣмъ въ городѣ, видѣла своего брата, который постоянно исчезалъ—то на скачки, то въ Красное, то въ Крымъ, то на Волгу. Елена Артуровна охотно вводила племянницу изъ дому, гдѣ оставались вдвоемъ Павелъ Ильичъ и Софи. Возвращаясь изъ парка въ тотъ часъ, когда небо снова начинало свѣтлѣть послѣ краткой, бѣлой ночи, онѣ всегда находили Прозорова съ свояченицей на балконѣ, мечтающихъ и молчаливыхъ. Конечно, тѣ просто ожидали возвращенія съ прогулки нашихъ дѣвицъ—больше ничего. А мечтательны и молчаливы были оттого, что

кого же не заставит молчать и мечтать съверная прозпательная почъ? И не было ничего удивительнаго, что голоса ихъ звучали слабѣе, руки при пожатіи были мягче, а глаза разсѣяны сладкой разсѣянностью. Притомъ обѣ гуляющія сами были разсѣяны и задумчивы, возвращаясь домой.

Въ это время всѣ въ домѣ Прозоровыхъ начали видѣть сны, и какъ это ни странно, первую изъ сновидицъ оказалась Катенька. Былъ безсолнечный теплый день, тихій дождь сонно стекалъ съ крыши и бѣлыхъ тонкихъ березъ, разсаженныхъ передъ балкономъ; Павлу Ильичу нездоровилось, онъ ушелъ къ себѣ послѣ завтрака и прилегъ, тогда какъ тетя Софи читала около него англійскаго Диккенса. Катенька стояла на верхнемъ балконѣ, опершись на перила, ни о чемъ не думая, слушая, какъ шелестѣлъ мелкій дождь и вздрагивали еще желто-зеленые листья. Сережа былъ въ Красномъ. Изъ комнаты слышались легкіе хромающіе шаги. „Это навѣрное Нелли“,—лѣниво подумала Катенька, но какое-то оцѣпенѣніе мѣшало дѣвушкамъ пошевелиться или хотя бы обернуть голову къ вошедшей. Легкіе шаги приблизились, легкая рука опустилась Катенькѣ на плечо, и знакомый голосъ съ акцентомъ будто продышалъ ей въ ухо:

„Съ листа на листокъ катимся, отяжеленная любовью. Что капля можетъ знать и можетъ ли подняться кверху? Листъ дрожить, стекаетъ свѣтлая капля—и такъ все ниже“.

Екатерина Павловна зажмурилась и слушала, не шевелясь. А голось надъ ухомъ все дышалъ: „Бѣги, дитя, бѣги Андрея. Тебя ждуть у черныхъ воротъ“.

„Какой вздоръ“,—подумала Катя.—Какія капли? Какія черныя ворота?... и что ей сдѣлалъ бѣдный Андрей Семеновичъ?“ Но Катина мысль внезапно пре-

сѣклась, такъ какъ она отлично поняла, что это голосъ не тети Нелли, а покойной матери. Екатерина Павловна быстро обернулась, но никого не увидала. Лишь хлопнула балконная дверь, да черезъ стекло мелькнула фигура въ сѣромъ платьѣ. А снизу Катю звалъ уже подлинный голосъ Елены Артуровны:

— Кэтхень, дитя мое, надѣнь калоши, дождь прошелъ! Проидемъ хотя бы до вокзала. Ты, кажется, спишь тамъ у себя наверху? Я зову тебя уже минутъ пять.

Катенька, спустившись, внимательно посмотрѣла на темно-зеленое платье госпожи Ламберъ, видное изъ подъ сѣраго непромокаемаго пальто. Но она ничего ни сказала о случившемся, лишь мелькомъ спросила черезъ нѣсколько минутъ:

— Вы, тетя, сейчасъ подымались ко мнѣ наверхъ, уже надѣвши пальто или безъ него?

— Какая ты сонуля, Кэтхень: да я и не думала къ тебѣ подыматься. Я снизу тебя позвала.

Помолчавъ, Катя спросила:

— А что папа?

— Павелъ Ильичъ очень усталъ сегодня. Теперь онъ спитъ, и Софи легла: она тоже устала. Въ такіе дни всѣмъ спится, это отъ дождя.

Катенька подняла глаза на мокрѣя деревья и прошептала:

— Съ листа на листокъ стекають отяжеленныя любовью. Можетъ ли капля подняться кверху? Нѣтъ, все ниже и ниже.

— Что ты шепчешь, Катя?

— Такъ, я вспоминаю... Вы, тетя, очень несправедливы къ Андрею Семеновичу. Это мнѣ тѣмъ болѣе непріятно, что вы знаете, какъ сердечно я люблю его.

Елена Артуровна ничего не отвѣтила и молча ко-

выгляла въ сѣромъ пальто. На вокзалѣ онѣ совершенно неожиданно встрѣтили Сергѣя Павловича; онъ поцѣловалъ сестру, слегка покосившись на госпожу Ламберъ, и весело заговорилъ:

— Тебѣ поклопы, Катя: отъ Зотова Андриуши, отъ го товарищей, изъ города.. Ну, а что у насъ? Что отецъ? Я уже, кажется, цѣлую недѣлю дома не былъ.

— У насъ всё спячь,—отвѣтила Катя.

— Могу сказать—весело время проводите! Если и ты все будешь спать, Катя, ты не только жениховъ, а царство небесное проспичь.

— Въ снахъ часто бываетъ откровеніе,—замѣтила тетя Нелли.

— Ахъ, Елена Артуровна,—нетерпѣливо воскликнулъ Сережа,—не ко всѣмъ подходитъ библейская точка зрѣнія. Я ничего не имѣю противъ нея, но Катя мнѣ—сестра, и мнѣ жалко, что изъ веселой дѣвочки она дѣлается какой-то мокрой курицей. Вы посмотрите, на что она стала похожа!

— Господа, да бросьте вы обо мнѣ говорить! Катя похудѣла, Катя поскучнѣла, Катя мало ѣсть, Катя много спить... что за наказаніе!—И Катенька, стараясь улыбнуться, взглянула своими приподнятыми малиновыми глазами въ глаза брата, такіе же какъ у нея, и сказала тихонько:—Повѣрь мнѣ, Сережа, я все такая же и попрежнему люблю Андрея Семеновича... Чья это дача?!—воскликнула она вдругъ, останавливаясь у чугунной рѣшетки, за которой виднѣлся узкій цвѣтникъ и большой домъ съ плотно занавѣшанными окнами. Изъ дома доносились заглушенные звуки рояля, а на черныхъ чугунныхъ воротахъ были поставлены два дельфина хвостами вверхъ.—Какъ странно! сколько разъ мы ходили на станцію, а я не замѣчала этого дома!

— Это потому, что я повелъ васъ другой дорогой. Возможно, что ты никогда не была здѣсь,—отвѣтила Сережа.

Катенька все продолжала стоять, смотря на черныхъ дельфиновъ, отъ которыхъ на черную же рѣшетку спускались нити вьющагося растенія.

— Это дача Вейсъ,—сказала Елена Артуровна и написала зонтикомъ по мокрому песку: „Вейсъ“.—Я ихъ хорошо знаю и думаю, что и ты, Катя, скоро узнаешь,—замѣтила тетя Нелли.

— Но куда мы ихъ не знаемъ, идемте домой: что же стоять передъ чужимъ домомъ? И потомъ я съ утра ничего не ѣлъ,—сказалъ Сережа, и всѣ двинулись въ путь.

Оказалось, что Прозоровы жили сейчасъ же за поворотомъ но, дѣйствительно, не ходили до сихъ поръ по той уединенной улицѣ, гдѣ находилась дача Вейсъ.

На балконѣ уже былъ накрытъ столъ, но ни Павла Ильича, ни тети Софи не было. Очевидно, оба еще почивали. Однако, когда Екатерина Павловна, постулавъ, вошла въ комнату Софьи Артуровны, та сидѣла за маленькимъ столомъ и что-то писала.

— Вы, тетя, не заняты?—спросила Катенька съ порога.

Софья Артуровна подняла свои бѣлесоватые глаза и неспѣша отвѣтствовала:

— У меня для тебя всегда есть время, Катя, а безъ дѣла я не сижу.

— Сережа пріѣхалъ,—помедливъ, сказала Катенька.

— Ну такъ что же? Онъ—славный мальчикъ, Сережа. Очень упрямый только и вѣшний.

— Можетъ быть, но не въ томъ дѣло. Онъ хочетъ ѣсть, и я хотѣла спросить, будемъ ли мы ждать, когда проснется папа, или пообѣдаемъ безъ него?

— Милая Катя, ты знаешь, что ты хозяйка въ домѣ и можешь распоряжаться, какъ тебѣ угодно. Что же касается меня, то я подожду Павла Ильича.

Но она не принималась вновь за прерванное письмо, а сидѣла, откинувшись на спинку стула, будто ожидая продолженія разговора.

Видя, что Катя молчитъ, она снова начала:

— Очень странные дни мы переживаемъ. Но это ничего, потому все выяснится и всѣмъ будетъ хорошо... Я сегодня видѣла во снѣ покойную сестру. Но странно, очень странно.

И, проведя рукою по лбу, она продолжала мечтательно:

— Помни, Катя, что счастье ждать тебя у черныхъ воротъ, а Андрея нужно забыть.

При упоминаніи черныхъ воротъ Катя сдѣлалась сама не своя.

— Не мучьте меня, тетя! — воскликнула она горестно: — я не знаю, что мнѣ дѣлать. Вы поймите, что у меня умъ и сердце разрываются, я будто въ плѣну, и главное, я не знаю, въ чьемъ плѣну. Мое чувство говоритъ мнѣ одно, но что-то большее, нежели чувство, опредѣляетъ мои поступки. Вотъ уже второй разъ сегодня, или нѣтъ, третій, я слышу упоминаніе о черныхъ воротахъ, и я не знаю, что это значить. Меня это пугаетъ. Я разсуждаю по-земному: я любила маму и чту ея память, но я не вѣрю, не вѣрю, чтобы она хотѣла меня пугать и запутывать. А между тѣмъ сегодня — такъ странно! — все мнѣ говоритъ про одно и то же... Я не хочу объ этомъ думать, потому что чѣмъ больше я думаю, тѣмъ меньше понимаю.

И Катенька склонилась на плечо госпожи Ламберъ. Та стала ее гладить, разсѣянно смотря бѣлесоватыми глазами на потолокъ.

— Многое совершается помимо нашей воли,—сказала она, наконецъ, мягко, но настойчиво.— И хочешь ты, или не хочешь, а желанія нашей милой ушедшей отъ этого не измѣнятся.

— Никто ихъ не можетъ знать, это ложь, вы обманываете папу или самихъ себя!

— Ты сама не знаешь, что говоришь, дитя.

Софья Артуровна густо покраснѣла, встала и сказала равнодушнымъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ идемъ обѣдать; ты сама говорила, что Сережа хочетъ ѣсть...

XI.

Когда Екатерина Павловна подошла въ сумерки къ крыльцу своей дачи, она увидѣла цѣлый ворохъ нарубленныхъ березовыхъ вѣтокъ.

— Что это такое? Развѣ завтра Троица? — спросила она у находившейся тутъ горничной.

— А какъ же! Троица,—отвѣчала та и, немного помедливъ, продолжала: — Да вотъ не знаемъ, какъ и быть: дворникъ привезъ березки, а Елена Артуровна не позволяетъ ихъ въ горницу вносить.

— Вы что-нибудь путаете: или Елена Артуровна позабыла, что завтра Троица, или вы ее не поняли. А березки, конечно, нужно внести въ комнату и разставить. Да не забудьте утромъ достать скошенной травы на полъ.

Катенька сердито вошла въ домъ, гдѣ все было темно и спокойно. У сестеръ Ламберъ двери были заперты, и Екатерина Павловна, взявши оставленный въ гостиной томъ „Домби и сынъ“, невнимательно его перелистывала, будто ожидая чего-то. Сквозь тюлевья занавѣски было видно позеленѣвшее небо и доноси-

лись свистки отдаленных паровозовъ. Катенькѣ вдругъ стало необычайно скучно, и почему-то вспомнилось дѣтство, самое раннее дѣтство, до ихъ заграничныхъ скитаній. Въ этотъ день нянька всегда водила ихъ въ церковь. Сладкій ли и какой-то распаренный запахъ вялыхъ березовыхъ листьевъ нагонялъ на нее эти воспоминанія, или едва уловимый легкій аромат ладана, распространявшійся незамѣтной струйкой изъ комнатъ берлинскихъ тетушекъ по всему дому, наводилъ ея мысли на долгую церковную службу, но Екатерина Павловнѣ захотѣлось ярко освѣщенныхъ иконъ, оплывающихъ свѣчь, жаркой и тѣсной толпы, праздничнаго пѣнія, и умплительныхъ возгласовъ изъ алтаря. Двери безшумно открылись въ тускло освѣщенную комнату тети Нелли, запахъ ладана донесся сильнѣе, и сама Елена Артуровна показалась на порогѣ. Ея бѣлесоватые глаза посинѣли, сіяя внутреннимъ сіяніемъ, одутловатое лицо было бѣло, вся фигура, несмотря на полноту, казалась окрыленной, такъ что, когда она, прихрамывая, быстрыми шагами подошла къ Катенькѣ, можно было подумать, что она не идетъ, а летитъ.

— Это ты, Кэтхенъ? я тебя не замѣтила въ сумеркахъ. Я только что о тебѣ такъ крѣпко и хорошо думала и я имѣю нѣчто сказать тебѣ.

— Вы, тетя, знали, что завтра Троица?

— Конечно. Сошествіе Святого Духа! Еще бы.

— Отчего же вы не позволили внести березокъ?

— Березки! ну, что же березки? это такъ виѣшне! Это все языческая обрядность. День Святого Духа мы должны праздновать въ духѣ.

— Но я привыкла къ этому съ дѣтства, это вошло въ мою плоть и кровь, это меня волнуетъ, трогаетъ, смягчаетъ и растапливаетъ сердце.

— Я и считала тебя очень чувствительной язычницей, и ты не можешь себя представить, до чего кстати весь этот разговор! Я именно думала о твоей чувствительной, слишком чувствительной привязанности къ вѣщнымъ вещамъ... и къ вѣщнымъ людямъ, что уже значительно серьезнѣе.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, тетя, и почему вы именно сегодня такъ думаете обо мнѣ?

— Я молилась о тебѣ въ числѣ другихъ близкихъ, — отвѣтила просто Елена Артуровна и, расправивъ сѣрое платье, сѣла на козетку рядомъ съ племянницей. Глаза все такъ же синѣли синимъ сіяніемъ, когда она, обнявъ станъ дѣвушки, заговорила взволнованнымъ и задушевленнымъ голосомъ:

— Я не только сегодня, а давно уже думала о тебѣ, Катя. Оттого, что я по-настоящему держу тебя въ сердцѣ и мнѣ не безразлична твоя судьба. Ты думаешь слѣдовать своему чувству, а между тѣмъ совсѣмъ не то, ахъ, совсѣмъ не то тебѣ нужно.

— Ахъ, что мы можемъ знать... Я даже плохо знаю, что я чувствую.

— Вотъ именно, я и хотѣла сказать, дитя мое, что ты не знаешь своего чувства, — съ живостью подхватила тетя Нелли.

— Можетъ быть, вы знаете и мои чувства лучше, чѣмъ я сама? — спросила Катенька съ нѣкоторой насмѣшкой.

Но тетя Нелли увѣренно и просто отвѣтила:

— Да, я лучше знаю ихъ, и не столько я, какъ Тотъ, Которымъ управляются всѣ наши чувства, мысли и поступки.

Отъ внесенныхъ березъ пахло распареннымъ сладкимъ духомъ вялыхъ листьевъ, небо ва тюлевой занавѣсью, зеленѣя, все болѣе и болѣе блѣднѣло, отъ сѣ-

рыхъ складокъ платья Елены Артуровны неся еле уловимый запахъ ладана, и Катенькѣ неудержимо захотѣлось уйти изъ этого соннаго и задушевнаго плѣна куда нибудь, гдѣ солнце свѣтило бы ярко, люди ступали крѣпко, говорили громко и знали бы опредѣленно и точно то небольшое, что они могутъ знать. Ей хотѣлось очутиться на яхтѣ, чтобы дулъ вѣтеръ, а море темнѣло бы мелкою рябью, или сидѣть на скачкахъ съ братомъ, съ Андреемъ и ихъ товарищами, слѣдя за разноцвѣтными жокейскими шапками, или просто находиться въ ресторанѣ, чтобы пѣнилось вино въ хрусталѣ, а красныя куртки оркестра отражались въ стѣнныхъ зеркалахъ,—все что угодно, только бы не этотъ полумракъ, полуслова, получувства и полузнанія! А Елена Артуровна между тѣмъ продолжала:

— Я знаю человѣка, съ которымъ тебѣ очень важно познакомиться. Это очень тонкая и чуткая натура, всеѣмъ не похожая на тѣхъ виѣшнихъ людей, которыми ты себя окружаешь. Я думаю, ты могла бы съ нимъ подружиться. Онъ утонченный музыкантъ и притомъ богатый и, по-моему, очень красивый человѣкъ,—добавила тетка, слегка улыбаясь.

— Я въ первый разъ вижу васъ, тетя, въ роли свахи!—сказала Екатерина Павловна, тоже улыбнувшись.—Какъ же его зовутъ? И гдѣ живетъ эта тонкая натура?

— Живетъ онъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, а зовутъ его Яковъ Вейсъ.

„Вейсъ, Вейсъ? гдѣ я слышала это имя...“—подумала Катя и вдругъ вспомнила черныхъ дельфиновъ на чугунныхъ воротахъ.

— Яковъ Вейсъ?—громко воскликнула она.—Тотъ, который игралъ въ занавѣшенной дачѣ съ черными воротами?

— Да. Что же ты находишь въ этомъ удивительнаго? — спокойно отвѣтила тетя Нелли.

— А то, что я не только дружитья, но и знакомиться не хочу съ вашимъ Вейсомъ. Мнѣ совершенно достаточно тѣхъ людей, которые находятся около меня.

Елена Артуровна только пожала плечами.

Но какъ Катенька ни негодовала, познакомиться съ Вейсомъ ей все-таки пришлось. Случилось это на музыкѣ, куда привлекъ не только Елену, но и Софью Артуровну исполнявшійся скрипичный концертъ Мендельсона. Наши три дамы отправились туда спозаранку, чтобы застать свободныя мѣста; Екатерина Павловна не особенно досадовала на то, что онѣ неподвижно сидѣли въ кругу музыкальной публики, а не ходили вмѣстѣ съ гуляющими, гдѣ казалось весело и нарядно. Она едва замѣтила, какъ къ нимъ подошелъ совсѣмъ молодой человекъ, почти мальчикъ, въ соломенной сапоtiер, щуря узкіе зеленоватые глаза. Лишь когда Елена Артуровна молвила:

— Позволь тебѣ представить: Яковъ Самойловичъ Вейсъ.—густая краска неудовольствія залила щеки дѣвушки. Холодно протянувъ руку новому знакомому, помѣстившемуся рядомъ съ нею, она враждебно разглядывала, косясь, его слишкомъ бѣлое худощавое лицо рыжаго блондина, слегка вьющіяся волосы, большіе уши и большой ярко-красный ротъ. Особенно сердили ее запонки съ зелеными камнями на сѣрыхъ полоскахъ его манжетъ.

Катенька лишь краемъ уха слушала, какъ ея сосѣдъ картавилъ по-нѣмецки съ дѣвпцей Ламберъ, и на прощанье сказала ему насмѣшливо:

— Вы, кажется, большой любитель музыки?

— Какъ же, какъ же! Онъ самъ отличный музы-

кантъ, — отвѣтила, вмѣсто господина Вейсъ, Елена Артуровна и поспѣшно добавила: — Вы непременно должны зайти къ намъ какъ-нибудь поиграть ваши композиціи. Вѣдь это просто стыдно — жить въ двухъ шагахъ и не заглянуть къ старымъ знакомымъ.

Яковъ Вейсъ раскланивался, глядя на Катю. но та молча протянула ему руку и, отойдя на нѣкоторое разстояніе, спросила тетокъ:

— Откуда вы достали этого Вейса?

— Это нашъ берлинскій знакомый. Развѣ онъ тебѣ не понравился?

— Чему же тутъ нравиться!

— Ты очень огрубѣла, милая Катя. со своими офицерами. а когда узнаешь Вейса ближе, то увидишь, какой это тонкій и прекрасный человекъ.

— Первое впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ, не возбуждаетъ желанія узнавать этого господина ближе, — отвѣтила Катя и молча продолжала путь, шагая по мелкимъ лужамъ послѣ недавняго дождя при свѣтѣ зеленой неугасающей зари.

XII.

Андрей Семеновичъ Зотовъ уже нѣсколько недѣль былъ не совсѣмъ здоровъ, даже дней шесть лежалъ въ лазаретѣ, а потому не посѣщалъ павловскихъ жителей. Конечно, онъ не забылъ Екатерины Павловны, чувство къ которой, не будучи слишкомъ горячимъ, тѣмъ вѣрнѣе могло выдерживать искусь разлуки. Но чувство это дѣлалось все теплѣе и теплѣе, и каждый вечеръ на страничку своего безхитростнаго дневника Андрей Семеновичъ заносилъ имя Екатерины Павловны Прозоровой.

„Видѣлъ во снѣ сегодня очень странно Екатерину

Павловну; нужно бы на-дняхъ съѣздить, да боюсь нѣ-мокъ, а Сереженька опять улепетнуль^а.

Или:

„Идя мимо шлагбаума, все думалъ о Катенькѣ. Семеновъ выпустилъ собакъ, теперь не знаю, гдѣ и найти ихъ, хотъ объявленіе подавай. Ѣздилъ въ баню; при-ѣхавъ, нашель письмо отъ матушки, нужно бы обяза-тельно въ Кострому съѣздить, да жаль покинуть Ка-теньку, хотъ и рѣдко ея видаю, но все какъ-то ближе. За три дня Семеновъ сорокъ рублей истратилъ на хо-зяйство,—куда только деньги идутъ? не иначе, какъ нужно подробнѣе счета спрашивать“.

Или:

„Въ стихахъ и романахъ описываютъ любовь, какъ нѣкую страсть или катастрофу, а по мнѣ, такъ это тихій, незамѣтный цвѣтокъ, который въ тиши растеть, укрѣпляетъ корни и пышнымъ затѣмъ расцвѣтаетъ цвѣтомъ, такова моя любовь къ Катенькѣ. Конечно, о будущемъ не гадаю, но думаю, что и впредь такъ будетъ продолжаться. Собаки нашлись, принесъ какой-то нѣмецъ, повидимому, садовникъ, пришлось ему двад-цать пять рублей дать. Семеновъ напился, хотѣлъ было его обратно въ роты отправить, но на радости, что собаки нашлись, простилъ. Конечно, до перваго раза, очень ужъ воровать народъ пошелъ. Боже мой, Боже мой, хотѣлось бы мнѣ, чтобы все уладилось, а тетокъ Прозоровскихъ я не люблю, шельмы бабы по-моему, притомъ святоши и шарлатанки. Коль я опи-баюсь, тѣмъ, конечно, лучше“.

Тѣмъ не менѣе въ одинъ изъ воскресныхъ дней Андрей Семеновичъ отправился въ Павловскъ, и нельзя сказать, чтобы онъ не чувствовалъ нѣкотораго сердеч-наго замиранія, подходя къ дачѣ Прозоровыхъ. Онъ прошелъ черезъ садъ, и первую, кого онъ увидѣлъ,

была сама Екатерина Павловна. Въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ зелеными лентами она сидѣла на солнцѣ, держа зонтикъ въ рукахъ и чертя имъ по песку какіе-то круги, да линіи.

— Ахъ, это вы, Андрей Семеновичъ, — сказала дѣвушка не радостно и не удивленно, а будто они видѣлись только вчера.

— Вотъ, пріѣхалъ васъ навѣстить!.. Вѣдь мы цѣлую вѣчность не видѣлись, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы я васъ позабылъ. Наоборотъ, вспоминаю каждодневно, — говорилъ гость, не садясь.

— Будто ужъ и каждодневно? — спросила Катя. — Но мы васъ тоже помнимъ. Да что же вы стопте? садитесь, будьте гостемъ, или, можетъ быть, вы хотите видѣть Сережу, папу и тетушекъ?

— Я пріѣхалъ, Екатерина Павловна, исключительно видѣть васъ, что, я думаю, вы и безъ моихъ словъ отлично знаете, — сказалъ Зотовъ серьезно и сѣлъ на скамейку рядомъ съ Катенькой.

Та перестала чертить зонтикомъ, но и разговора не продолжала.

— Что новаго у васъ? — началъ Андрей Семеновичъ.

— Чему же у насъ быть новому? — отвѣтила Катенька, пожимая плечами.

— Такъ, значитъ, все по старому? Я очень радъ этому!

— Чему?

— Что нѣтъ никакихъ измѣненій, потому что въ томъ, что мнѣ дорого, измѣненія могли бы быть или очень радостными для меня, или очень печальными. А такъ какъ я не имѣю основанія предполагать первыя и боюсь вторыя, я радуюсь, что никакихъ измѣненій нѣтъ. Можетъ быть, я нѣсколько сухо и скучно излагаю все это; но вы прекрасно знаете, Екатерина Пав-

ловна, что чувства мои къ вамъ, если и скучны, то отнюдь не сухи.

Екатерина Павловна вспомнила слова брата о томъ, что чувства Зотова лишены легкости и свѣтлаго веселья, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей съ такой ясностью представилось, что, кромѣ Сережи, котораго почти не бывало дома, единственнымъ человѣкомъ, съ кѣмъ можно бы было отдохнуть отъ домашнихъ тумановъ, былъ именно Андрей Семеновичъ, что она проговорила возможно мягче и задушевнѣе:

— Ахъ, милый другъ, можно-ли говорить о какой-либо скукѣ. Я вамъ такъ благодарна и увѣрена въ вашихъ чувствахъ ко мнѣ, что повѣрите, только мысль о нихъ нѣсколько поддерживаетъ мои силы.

— Но почему ваши силы нуждаются въ поддержкѣ?

— Не знаю, какъ вамъ объяснить. Если бы вы вошли въ нашъ домъ и увидѣли меня не здѣсь на солнцѣ одну, а съ отцомъ и тетусками, то вы поняли бы, что у насъ въ домѣ, кромѣ насъ, всегда присутствуетъ невидимый страшный жилецъ: онъ милъ, дорогъ нашему сердцу, нашей памяти, но это — покойникъ! Минутами мнѣ кажется, что я сойду съ ума, если это будетъ такъ продолжаться. Единственное средство, единственное средство избавиться отъ этого, — это отдаться вполне сладкимъ и страшнымъ чарамъ... Мнѣ кажется, что и отецъ, и тетя Нелли, и я сама, живя въ этомъ кругѣ, дѣлаемся такими же мертвецами. Возьмите мои руки, онѣ пахнутъ ладаномъ, не правда-ли? Но и тлѣніемъ, тлѣніемъ, тлѣніемъ...

И Катенька поднесла къ лицу Зотова свои маленькія, полныя, очень бѣлыя руки, отъ которыхъ, конечно, не только тлѣніемъ, но и ладаномъ не пахло, а распроотранялся едва уловимый аромать англійскаго мыла.

Андрей Семеновичъ поцѣловаль маленькія бѣлыя ладони и сказалъ тихонько:

— Милая Екатерина Павловна, уѣзжайте поскорѣе съ Сережей куда-нибудь отсюда...

Но дѣвушка, будто не слыша, что говоритъ ей собесѣдникъ, въ ужасѣ раскрывъ свои малиновые глаза и схвативъ обѣими руками рукавъ зотовской тужурки, продолжала:

— Я ищу кого-нибудь, кто бы казался мнѣ живымъ. Я васъ люблю, конечно, но, кромѣ того я такъ благодарна вамъ за то, что вы живой человекъ, что у васъ въ жилахъ течетъ кровь, что вы можете сѣсть верхомъ и поѣхать, что когда я съ вами, я поступаю или какъ вы хотите, или какъ я сама хочу, а не исполняю чью-то волю невѣдомую. Я окружена снами и выходцами...

Говоря это, она не замѣтила, что по дорожкѣ къ нимъ подходилъ молодой человекъ въ бѣломъ костюмѣ, въ бѣлой соломенной шляпѣ, изъ-подъ которой слегка кудрявились рыжіе волосы. Онъ остановился, почтительно раскланялся, смотря зелеными глазами на Екатерину Павловну, которая въ ужасѣ взирала на него, опираясь одною рукою на плечо поручика.

— Вы меня, очевидно, не узнаете? Яковъ Вейсъ. Елена Артуровна познакомила насъ съ вами на музыкѣ.

Но Катенька, не опуская руки, быстро шептала, обращаясь къ Зотову:

— Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Вы видите, всѣ они сговорились мучить меня. Я не хочу видѣть его, ни его черныхъ воротъ съ дельфинами, ни слышать его музыки! Пускай онъ! уходитъ или уйдемте мы съ вами.

И она заплакала. Тогда Андрей Семеновичъ, обращаясь къ Вейсу, сказалъ:

— Вы, вѣроятно, желали видѣть Елену Артуровну? Она, насколько мнѣ извѣстно, дома, а Екатерина Павловна

очень извиняется, что не может васъ принять, такъ какъ чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо.

Тотъ снова надѣлъ шляпу и прослѣдовалъ по направлению къ террасѣ, ярко бѣлѣя на солнцѣ своимъ костюмомъ, а поручикъ повелъ къ выходной калиткѣ Катеньку, которая не переставала плакать.

XIII.

Съ невеселыми и смутными думами оставилъ Павловскъ Андрей Семеновичъ; странною и нерадостною показалась ему та, которая—онъ зналъ—его любить. Къ его собственному чувству почтительной и сдержанной влюбленности примѣшивалась еще необычайная жалость къ этой веселой и бодрой дѣвушкѣ, которую теперь онъ видѣлъ больною и слабой. Онъ не зналъ, чего бы онъ ни далъ, чтобы вернуть ей прежнія силы и прежнее спокойствіе. А можетъ быть, она прежде жила безъ сознанія, и теперь совершается болѣзненный переходъ изъ одного состоянія въ другое, и вся теперешняя смута и борьба служатъ только для того, чтобы Катенька вновь сдѣлалась бодрой и радостной, но уже по-новому, сознательно и безповоротно. Но онъ тотчасъ отбрасывалъ это предположеніе, потому что не похоже было Катенькино состояніе на густыя облака, которыя все свѣтлѣе и свѣтлѣе дѣлаются отъ разгорающейся зари, а наоборотъ, скорѣе уподобить ихъ можно было ясному, весеннему ландшафту, который все болѣе и болѣе темнѣлъ отъ сѣраго тумана, или черноватаго дыма. „Дымъ кадилный“, почему-то подумалось Андрею Семеновичу.

Онъ рѣшилъ никакихъ особенныхъ шаговъ не предпринимать и даже не дѣлиться своими наблюденіями съ Сергѣемъ Павловичемъ, зная открытый, прямой, но

нѣсколько односторонній и не всегда кстати дѣятельный характеръ послѣдняго. Рѣшилъ только чаще бывать, чтобы не совсѣмъ упускать изъ виду Катеньки и по мѣрѣ силъ незамѣтно поддерживать.

А между тѣмъ сама Катенька сидѣла на оттоманкѣ въ лѣтней гостиной и слушала, полузакрывъ глаза, какъ рыжій музыкантъ игралъ, низко опуская голову къ клавишамъ, Шопена.

Нѣжные звуки не заглушали жужжанія большой мухи, залетѣвшей на занавѣшенное тюлемъ окно. Въ комнатѣ, кромѣ Екатерины Павловны и молодого Вейса, никого не было, и, когда музыкантъ умолкъ, можно было подумать, что бьющаяся муха была единственнымъ живымъ существомъ въ этой полутемной комнатѣ.

— Вы любите Шопена, фрейлейнъ Катя?—спросилъ наконецъ, не оборачивая головы, Яковъ Вейсъ.

— Я вообще люблю музыку. Я, конечно, не знатокъ, но Шопенъ не изъ числа моихъ любимцевъ. Я люблю музыку ясную, простую и радостную; изъ нѣмцевъ я люблю Моцарта и Вебера. Но вы исполняете Шопена прекрасно, и, когда я васъ слушаю, я забываю, люблю я это или не люблю, я просто отлаюсь звукамъ, которые я слушаю.

— Это самый лучший способъ слушать,—отвѣтилъ молодой человекъ, подходя къ Екатеринѣ Павловнѣ.— А я обожаю Шопена. Онъ мнѣ кажется самымъ нѣжнымъ, самымъ страстнымъ, самымъ отравленнымъ цвѣткомъ, который произвела романтическая музыка. Это какой-то обреченный на смерть любовникъ, онъ долженъ былъ умереть молодымъ, его нельзя представить восьмидесятилѣтнимъ.

Катенька посмотрѣла на говорившаго; она почти никогда не думала о томъ, красивъ онъ, или нѣтъ, а между тѣмъ онъ былъ безусловно красивъ, и теперь,

когда онъ говорилъ о Шопенѣ, поблѣднѣвъ отъ долгой игры, съ потемнѣвшими зеленоватыми глазами, слегка растрепавшимися рыжими кудрями, большимъ, очень краснымъ ртомъ, съ длинными бѣлыми пальцами на узкихъ рукахъ, онъ самъ казался обреченнымъ любовникомъ, или однимъ изъ тѣхъ еврейскихъ божественныхъ юношей, гибель которыхъ оплакивали въ древности женщины малоазіатскаго побережья. Все это подумала Екатерина Павловна, но при этомъ совершенно неожиданно спросила:

— Почему вы знакомы съ тетей Нелли?

— Съ Еленой Артуровной знакомы скорѣи мои родители, т.-е. мой отецъ. Какъ они познакомились и какіе интересы ихъ связывали, я не знаю. Это было такъ давно, я былъ совсѣмъ ребенокъ, но всегда помнилъ Елену Артуровну какъ свою въ домѣ.

— Почему же теперь эта близость какъ-то потерялась? Вѣдь вы пріѣхали въ Россію раньше тети Нелли, вы живете совсѣмъ рядомъ съ нами, и если бы мы не встрѣтились на музыкѣ, вы къ намъ бы не пришли. Или вашъ батюшка пересталъ быть другомъ тети Нелли?

— Не знаю. Дѣйствительно, не встрѣтся мы съ вами на концертѣ, я бы къ вамъ не пришелъ,—мнѣ даже не было извѣстно, что Елена Артуровна такая близкая намъ сосѣдка. Но повѣрьте, что пришелъ я не потому, что я встрѣтился тогда съ госпожею Ламберъ.

— А почему же?—спросила дѣвушка живо.

— Потому что вмѣстѣ съ госпожею Ламберъ я встрѣтился тогда и васъ,—отвѣтилъ тихо Вейсъ, слегка наклоняясь къ сидѣвшей неподвижно Катѣ.

— Сознаться, что это вы сейчасъ выдумали, сію минуту, специально?—съ улыбкой сказала Катя.

— Я никогда не выдумываю,—произнесъ Яковъ

Вейсъ очень серьезно. Затѣмъ, подойдя къ окну, гдѣ все еще продолжала жужжать муха, сказалъ:—Ахъ, фрейлейнъ Катя!

— Я пойду позову тетю,—заявила Екатерина Павловна, опять-таки совершенно неожиданно, и, быстро поднявшись, вышла, не давъ времени гостю что-нибудь отвѣтить.

Яковъ Самоѣловичъ и по уходѣ Кати оставался все въ той же позѣ, пока въ комнату ни вошла, прихрамывая, Елена Артуровна и, подошедъ, не сказала задумавшемуся молодому человѣку:

— Что случилось, милый другъ? Вы ничего не сказали Кэтхенъ? Съ ней нужно быть очень осторожнымъ. Вы не обижайтесь, я вѣдь спрашиваю въ качествѣ вашего друга.

— Я ничего особеннаго не сказалъ, я только даль понять, что не будь ея, я бы не такъ старательно искалъ возобновленія знакомства съ вами.

— Это, конечно, вполне прилично, хотя и не особенно лестно лично для меня. Но это правда такъ? вы относитесь не совсѣмъ безразлично къ бѣдной Кэтхенъ?

— Я очень люблю фрейлейнъ Катю и не считаю нужнымъ скрывать этого отъ васъ.

— Конечно, потому, что помните разъ навсегда, что я вашъ лучший другъ и никогда не нужно отъ меня ничего скрывать.

XIV.

Яковъ Вейсъ жилъ вдвоемъ съ старикомъ отцомъ въ большой дачѣ съ чугунной рѣшеткой, гдѣ окна были почти всегда занавѣшены, потому что молодой человѣкъ не выносилъ яркаго свѣта и солнца, даже петербургскаго. Онъ не выносилъ также громкихъ го-

лосовъ и никакого шума, кромѣ звуковъ рояля, почему полы во всеѣхъ комнатахъ были устланы толстыми коврами, а по коридорамъ войлокомъ. Поэтому же все слуги въ домѣ были старыя, опытные, безшумно появлявшіеся и почти безъ приказаній исполнявшіе желанія господина. Едва ли старый Самуиль Михайловичъ вполнѣ сходилса въ этихъ вкусахъ съ своимъ сыномъ, но онъ рѣдко бывалъ дома, все время занятый своей банкирской конторой, своими биржевыми операціями, и мало обращалъ вниманія на окружающее. Притомъ Яковъ былъ его единственнымъ сыномъ, въ которомъ онъ души не чаялъ и которому предоставилъ полную свободу заниматься и жить, какъ ему угодно. Не смотря на свой преклонный возрастъ онъ съ такимъ же рвеніемъ, какъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ, проводилъ въ работѣ по пятнадцати часовъ въ сутки, отлично зная, что все пріобрѣтенное имъ достанется сыну, и, какъ это ни удивительно, не особенно сожалѣя, что тотъ избралъ свободную дорогу артиста, чтобы или добыть еще милліоны, или прожить нажитыя отцомъ. Онъ желалъ только одного: чтобы у Якова была семья, главное, дѣти — продолженіе рода Вейсовъ, которые, подражая дѣду, будутъ копить золото и глазами, носомъ, ртомъ, голосами будутъ похожи на него, Самуила Вейса.

Такъ онъ понималъ земное, плотское безсмертіе. Но это было желаніе, которое онъ никогда не высказывалъ сыну, а только съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на тонкаго слабогрудаго юношу и при видѣ каждой молодой здоровой дѣвушки думалъ, не она ли достанется въ жены Якову и дастъ ему родовое безсмертіе. Единственно это казалось ему важнымъ, а тамъ пускай Яковъ сидитъ съ занавѣшенными окнами, читаетъ непонятныя ему, старику, книги стиховъ, сыплеть часами бисеръ гаммъ на клавиатуру Стенвейна.

Молодой Вейсь почти никогда не заглядывалъ въ кабинетъ отца, куда цѣлый день свѣтило солнце, и потому старикъ нѣсколько удивился, когда часа въ два въ двери его постучали и на его пригласительный отвѣтъ въ комнату вошелъ не слуга, не посторонній дѣловой посѣтитель, а его собственный сынъ.

— Фу, какое у тебя солнце! Можно спустить штору?—спросилъ тотъ капризнымъ голосомъ, опускаясь на кожаный диванъ.

— Старыя кости любятъ тепло, а старыя глаза молодѣютъ, когда видятъ молодыя лица и солнечные лучи.

— Цитата изъ библіи?

— Я не знаю. Это мои собственныя слова, но возможно, что и въ Библии есть что-нибудь подобное, потому что если покопаться, то въ ней можно найти всю правду, какую мы можемъ сказать.

— Можетъ быть, въ ней можно найти и объясненіе этого письма, которое я получилъ сегодня утромъ, или совѣтъ, какъ мнѣ отнестись къ нему?

— Отъ кого? Дѣловое?—спросилъ старикъ, переставъ барабанить по конторкѣ, у которой онъ стоялъ.— Можешь ты мнѣ показать его, или по крайней мѣрѣ, рассказать, что тебѣ пишутъ?

— Охотно. Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ. Какія нестерпимо яркія шторы! какъ ты можешь сидѣть съ ними?

— Отъ Елены Артуровны,—сказалъ Самуиль Михайловичъ, надѣвъ золотое пенснэ и взявъ въ руки почтовый листокъ, казавшійся совсѣмъ зеленымъ отъ ярко-зеленыхъ шторъ.

Письмо было написано неровнымъ почеркомъ, по-нѣмецки:

„Мой молодой другъ! Вы знаете, насколько я васъ люблю, и поймете мою радость, которую я испытываю убѣдившись, что Отецъ Небесный выказалъ явное

Свое расположеніе къ вамъ, пославъ на вашъ жизненный путь человѣка, который болѣе чѣмъ кто-бы то ни было, болѣе, чѣмъ я, можетъ вамъ не только сочувствовать, но придавать столь необходимую въ этой жизни силу и, слѣдуя вашему руководству, руководить вами. Испытайте свое сердце; было бы безуміемъ противиться тому, что предназначено намъ свыше. Будьте увѣрены въ моей искренней и истинной дружбѣ къ вамъ. Елена Ламберъ. Устройте такъ, чтобы притти завтра къ намъ въ 11 часовъ утра, мы сможемъ тогда поговорить наединѣ“.

Кукушка прокуковала четверть третьяго, когда Самуилъ Михайловичъ, прочитавъ письмо, наконецъ произнесъ:

— По-моему, Елена Артуровна тебѣ сватаетъ кого-то. Только не знаю кого — свою сестру, племянницу или, наконецъ, самое себя. Иначе, по-моему, нельзя понять этого письма. Конечно, тебѣ нужно будетъ завтра пойти къ нимъ, только надо быть очень осмотрительнымъ и испытать не только свое сердце, но и всѣ обстоятельства, потому что ты у меня слишкомъ завидный женихъ не только для Катеньки Прозоровой. Я говорю: женихъ, потому что Елена Артуровна слишкомъ серьезный человѣкъ, чтобы писать о романахъ или о какомъ-нибудь тамъ сродствѣ душъ.

— Ты какъ-то все слишкомъ практически понимаешь, отецъ. Елена Артуровна — Божья душа, а не сваха.

— Но кому же и заботиться о бракахъ, какъ не Божьимъ душамъ?

— Если бы ты былъ правъ, я бы успокоился. Эта дѣвушка никакого расположенія ко мнѣ не имѣетъ. Но я думаю, что ты ошибаешься, а потому волнуюсь.

— Стоитъ-ли волноваться по такимъ пустякамъ. Къ тому же никто тебя не можетъ приневолить. Какъ за-

хочешь, такъ и поступишь. Меня такъ гораздо больше беспокоитъ твое здоровье; я тебя эти дни не видѣлъ, и ты мнѣ кажешься очень блѣднымъ.

— Это отъ твоей нелѣпой шторы я кажусь такимъ блѣднымъ.

И дѣйствительно, освѣщенное сквозь зеленую занавѣску лицо Якова Самуиловича казалось болѣзненно зеленымъ, что особенно выдѣлялось при его рыжихъ волосахъ, а томная поза его выражала крайнюю усталость и безконечное равнодушіе. Отецъ и сынъ въ молчаніи прослушали, какъ кукушка прокуковала три часа. Наконецъ, младшій всталъ.

— Я пойду, я не могу выносить твоей шторы. Ужасно усталъ,—сказалъ Яковъ и зѣвнулъ своимъ большимъ краснымъ ртомъ.

— Ты слишкомъ много упражняешься, мой мальчикъ, нужно беречь себя,—сказалъ старый Вейсъ и посмотрѣлъ на карманные часы.

Молодой человѣкъ зѣвнулъ еще разъ и вышелъ за дверь. Самуилъ Михайловичъ поднялъ штору и, вынувъ изъ конторки пачку бумагъ, долго ихъ разбиралъ, выкладывая что-то на счетахъ. Солнце падало на густую шевелюру стараго господина, скользило по золотому пенснэ и задѣвало край мясстаго носа. Въ тишинѣ былъ слышенъ только стукъ костяшекъ, да тихое мурлыканье кошки, вскочившей на подоконникъ.

Переставъ считать, Самуилъ Михайловичъ снялъ пенснэ и задумался, потомъ сказалъ вслухъ:

— Нужно мнѣ самому что-нибудь сдѣлать для Якова.

XV.

Елена Артуровна, казалось, поджидала гостя у калитки сада, гдѣ она стояла въ сѣромъ платьѣ и въ

старомодной соломенной шляпѣ. Увидѣвъ его, она сказала:

— Я вамъ очень благодарна, что вы исполнили мою просьбу,—и затѣмъ молча повела его черезъ садъ и террасу къ себѣ въ комнату, гдѣ, не снимая шляпы, начала:

— Вы, конечно, догадываетесь, о чемъ или скорѣе о комъ я хочу съ вами говорить... Вы знаете, что я человѣкъ отнюдь не легкомысленный и, кромѣ того, очень расположена къ вамъ. И вотъ, я увѣряю васъ, что болѣе тонкой и сочувствующей души, чѣмъ у Кэтхенъ, вы не встрѣтите. Я говорю это не потому, что она моя племянница, а потому, что я дѣйствительно вашъ другъ и желаю вамъ добра.

— Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что Екатерина Павловна меня любитъ?

— Я совсѣмъ не это хочу сказать, я говорю только про самое полное и тонкое сочувствіе; но, можетъ быть, это и есть любовь, или даже лучше любви.

— Но вы можете ошибаться, Елена Артуровна. Какъ говорится „чужая душа потемки“. Или вамъ сама Екатерина Павловна признавалась въ своихъ чувствахъ?

— Екатерина Павловна ни въ чемъ мнѣ не признавалась, но у меня есть сердце и разумъ, которые позволяютъ мнѣ знать то, что не говорится словами. И потомъ...—Елена Артуровна встала и въ волненіи прошлась по комнатѣ,—не забывайте, мой другъ, что у меня есть еще знаніе, которое вы не будете отрицать и на которое можно опираться.

— Но что, по-вашему, нужно было бы сдѣлать, если бы ваше предположеніе оказалось вѣрнымъ?

Елена Артуровна снова опустилась въ кресло, какъ будто она боролась одолѣвавшій ее сонъ. Якова Вейса, повидимому, не особенно удивило состояніе его себе-

сѣдницы и ея внезапное молчаніе. Онъ даже закурилъ папиросу и молча смотрѣлъ, какъ госпожа Ламберъ, вдругъ покрывшись смертельной блѣдностью, стала подниматься всѣмъ своимъ тѣломъ, будто желая отдѣлиться отъ кресла, въ которомъ она сидѣла, и потомъ, почти не дыша, закрывъ глаза, стала выгибаться. Наконецъ, движенія прекратились, она откинулась къ спинкѣ и, глубоко вздохнувъ, открыла глаза, въ которыхъ будто еще плыли какія-то полотнища туманныхъ пеленъ. Знакомъ, безъ словъ попросила она его дать воды и, выливъ залпомъ цѣлый стаканъ, снова опустила вѣки, теперь уже успокоенная.

Когда она снова открыла глаза, въ нихъ свѣтилась нѣсколько мутная голубизна.

Помолчавъ нѣкоторое время, Яковъ спросилъ:

— Что вы видѣли? Было ли это что-нибудь насчетъ меня, насчетъ нашего съ вами разговора или что-нибудь неожиданное?

Съ трудомъ выговаривая слова, Елена Артуровна молвила:

— Я всегда вижу Ирину. Она сидитъ въ розовомъ саду и въ розовой одеждѣ. Красныя птицы съ золотыми хохлами слетаютъ къ ней на плечи, будто желая нашептать ей что-то. Она больше обыкновеннаго роста, иногда она кажется огромной. Она мнѣ ничего не сказала, она только подняла указательный палецъ лежащей на колѣняхъ руки, но я поняла, что я права. По всему небу были буквы, похожія на еврейскій алфавитъ, квадратныя. Я не знаю, что было написано, но я настолько помню само начертаніе, что могу ихъ написать...

Елена Артуровна взяла клочекъ бумаги и стала судорожно-быстро покрывать его похожими одинъ на другой квадратами.

— Теперь вы вѣрите тому, что я говорила?... Если

вы не будете вѣрять, васъ постигнетъ страшное несчастье. Вы умрете черезъ три дня, или еще того хуже...

Яковъ Самуиловичъ пожалъ плечами:

— Кажется, вы имѣли достаточно случаевъ убѣдиться въ моемъ довѣрїи, но я не имѣю никакихъ практическихъ указаній, какъ мнѣ слѣдуетъ поступать... — сказалъ онъ.

Госпожа Ламберъ будто не слышала словъ своего собесѣдника и, продолжая сидѣть въ креслѣ съ опустившимся и вдругъ какъ бы потухшимъ лицомъ, повторяла: „Черезъ три дня... Черезъ три дня!“

Яковъ Вейсъ помедлилъ нѣсколько; затѣмъ, видя, что хозяйка не проявляетъ вниманія къ его присутствію, вышелъ тихонько изъ комнаты, прошелъ на балконъ и сталъ ждать. Собственно говоря, онъ самъ не зналъ, чего онъ ждетъ здѣсь на обвитомъ хмелемъ балконѣ въ этотъ прохладный ясный полдень. Ждалъ ли онъ Екатерину Павловну, уготованную ему волею Вышнихъ Судебъ, или онъ ждалъ, что вѣщая провидица еще присокупитъ ему что-нибудь, но онъ сидѣлъ, да сидѣлъ, пока тоненькіе часы гдѣ-то въ комнатахъ не пробили не то часъ, не то половину второго. Вдали застучали тарелками, предсказывая близкій завтракъ; по аллеѣ, идя быстрымъ шагомъ, приближалась сама Екатерина Павловна. Она казалась очень радостной и не только не прошла мимо Вейса, а наоборотъ, замѣтивъ его еще изъ сада, привѣтливо закивала головой и громко заговорила, не входя на балконъ:

— Ахъ, это вы, Яковъ Самуиловичъ? Какъ кстати вы пришли! Очень можетъ быть, что черезъ три дня я съ Сережей уѣду.

— А я черезъ три дня умру.

Катенька громко разсмѣялась и, не останавливаясь, воскликнула:

— Откуда такая мрачность? Это было бы слишкомъ романтично! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что съ вами? Отчего у васъ такія печальныя мысли? Нѣтъ, ужъ погодите умирать до моего пріѣзда.

— А вы надолго изволите уѣзжать?

— Я не знаю, вѣдь это еще не рѣшено, я еще не говорила съ отцомъ. А если поѣду, то недѣли на двѣ въ Смоленскъ. Ну вотъ, теперь я рассказала вамъ свои планы, расскажите и вы, почему вы собрались умирать?

Екатерина Павловна говорила свободно, почти безпечно. Но, видя, что Вейсъ ничего ей не отвѣчаетъ, она продолжала болѣе ласково:

— Вы не сердитесь, Яковъ Самуиловичъ, на мою болтовню, но вѣдь вы, конечно, шутили? Немыслимо въ самомъ дѣлѣ, думать, что вамъ черезъ три дня грозитъ какое-нибудь несчастье... А теперь пойдемте завтракать. Что касается до меня, то я ужасно хочу ѣсть.

„Она совсѣмъ меня не любитъ“, думалъ Вейсъ, послушно идя за Катенькой въ столовую, гдѣ уже перестали стучать посудой.

XVI.

Эту переменъ Екатерины Павловны Прозоровой, доступную всякому непредубѣжденному глазу, трудно себѣ объяснить, потому что никакихъ внѣшнихъ фактическихъ причинъ для такого измѣненія не было. Развѣ только то, что Елена Артуровна, усиленно занявшись судьбою молодого Вейса, предоставляла ей нѣсколько болѣе свободы. И Катенька, воспользовавшись этой относительной свободой, все время проводила съ братомъ, будто стараясь въ его простомъ и жизненномъ обществѣ укрѣпить свои ослабѣвшія силы, собрать которыя она инстинктивно считала нужнымъ для какой-

то новой, болѣе значительной борьбы. Взять въ Смоленскѣ, гдѣ у нихъ были какіе то дальніе родственники, пришло Катеньки въ голову сразу, безъ всякаго обдумыванія и безъ всякой опредѣленной цѣли. Ей просто хотѣлось на время покинуть домашнюю обстановку, которая тяготила ее все болѣе и болѣе. Она не знала, какъ сказать объ этомъ отцу, съ которымъ видѣлась теперь очень рѣдко и ужъ давно не говорила по душѣ.

Когда она вошла въ комнату отца, она услышала тихій голосъ Софьи Артуровны, которая читала по-английски вслухъ „Крошку Дорритъ“. Павелъ Ильичъ былъ еле замѣтенъ въ полумракѣ.

— Почему они всегда читаютъ Диккенса?—мелькнуло въ головѣ у Катеньки, и, извинившись за помѣху, она промолвила безъ всякаго вступленія:

— Папа, отпусти меня съ Сережей въ Смоленскѣ!

— Съ Сережей въ Смоленскѣ? А развѣ Сережа ѣдетъ въ Смоленскѣ? Впрочемъ, онъ всегда куда-нибудь ѣдетъ. Но отчего тебѣ пришло въ голову ему сопутствовать?

— Мнѣ очень хочется проѣхать. А съ тобой, отецъ, я такъ рѣдко вижу последнее время, что мое недолгое отсутствіе тебѣ совсѣмъ не будетъ замѣтно.

— Ты какъ будто хочешь сказать, Катя, что прежде ты видѣлась съ отцомъ чаще? Можетъ быть, ты обвиняешь въ этомъ меня и сестру Нелли?—сказала Софья Артуровна.

— Я никого не обвиняю... Я знаю только, что прежде мнѣ никогда не бывало скучно, теперь же я чувствую себя такъ, что еще нѣсколько дней, и я не знаю, что со мной будетъ...

Катенька говорила спокойно и уныло, и въ ея голосѣ, въ опущенныхъ рукахъ, равнодушномъ лицѣ была такая усталость, что Павлу Ильичу стало невыразимо

жалко ея. Онъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и сказалъ какъ можно мягче.

— Но что съ тобой Катя? Можетъ быть, я дѣйстви-тельно виновать... Въ послѣднее время я какъ-то не такъ обращаю на тебя вниманіе. Но это не оттого, что я тебя позабылъ. Это тебѣ только такъ кажется. И если мы рѣже теперь видимся, рѣже говоримъ съ тобою, такъ это временно, чтобы потомъ еще больше сдружиться...

— Отпусти меня папа, съ Сережей!—повторила Катенька тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ.

— Кого отпустить? что за отъѣзды?—сказала, входя, Елена Артуровна.

-- Да вотъ, Катя просится съ братомъ въ Смоленскъ.

— Катя—въ Смоленскъ? съ этимъ вѣтрогономъ Сергѣемъ! И вы еще сидите втроемъ и думаете, можноли это сдѣлать? Да это хуже, чѣмъ ѣхать одной!

— Но, милая Нелли, вы забываете, что она совсѣмъ взрослая и ѣздила одна сколько угодно.

— Конечно... Я не хотѣла говорить настоящую причину... Но она не хочетъ, чтобы ты ѣхала, потому что эти дни ты должна быть здѣсь.

Катенька, вся вспыхнувъ, вскочила:

— Въ такомъ случаѣ я непременно ѣду,—воскликнула она.—Я не хочу, я не хочу, чтобы вы такъ... распоряжались маминымъ именемъ! Кто можетъ знать, чего хотять тѣ, которые умерли? Я ее любила больше, чѣмъ вы, и больше знала. Она никогда бы не захотѣла раздѣлять меня и Сережу отъ папы,—это все ваши выдумки, ваши и тети Софи! Чего вамъ надо? Зачѣмъ вы пріѣхали къ намъ?..

— Катя, Катя! что ты говоришь?—возвышалъ голосъ Павелъ Ильичъ, стараясь прервать рѣчь своей дочери, но та быстро подошла къ отцу и опустившись передъ нимъ на колѣни, заговорила съ удвоенной силой:

— Отецъ, умоляю тебя именемъ покойной мамы, сбрось этотъ мертвый сонъ. Она не хочетъ того, что происходитъ здѣсь, не можетъ этого хотѣть!

Софья Артуровна, страшно поблѣднѣвъ, подошла къ Катѣ и, присѣвъ около нея, стала ей шептать въ ужасѣ:

— Катя, развѣ ты знаешь? ты не можешь знать...

Но Екатерина Павловна, казалось, ничего не слышала, потому что, закрывъ глаза, продолжала твердить неподвижно сидѣвшему Павлу Ильичу:

— Отецъ, вернись къ намъ! вернись къ намъ!..

Въ эту минуту оба женскіе голоса, Катеньки и Софьи Ламберъ, покрылъ рѣзкій, какъ будто не принадлежащей ей голосъ Елены Артуровны:

— Мы всё поступимъ такъ, какъ желаетъ наша дорогая ушедшая! Ея воля видна только просвѣтленному глазу... Ни личныя чувства, ни слезы тутъ не помогутъ.

Она говорила очень громко, и глаза ея снова сіяли синимъ сіяніемъ. Екатерина Павловна вдругъ поднялась и твердо сказала:

— Въ такомъ случаѣ, я сегодня же уѣду въ городъ...

— Катя, не огорчай меня, дружокъ!—сказалъ Павелъ Ильичъ еле слышно.

— Она не уѣдетъ, она не можетъ уѣхать!—прокричала Елена Артуровна.

Но Катенька пожала плечами и молча вышла изъ комнаты.

Поднявшись въ свои апартаменты, она стала быстро и безпорядочно собирать свой несложный багажъ. Одна мысль владѣла ею: уѣхать какъ можно скорѣе, сейчасъ, куда угодно. Она загнувала въ чемоданъ, неизвѣстно зачѣмъ, пачки старыхъ писемъ, перевязанныя цвѣтными ленточками, когда въ комнату постучали и быстро вошла Елена Артуровна. Обозрѣвъ быстрымъ окомъ

открытый чемоданъ и разбросанныя вокругъ вещи, тетя Нелли спокойно спросила:

— Ты дѣйствительно собираешься ѣхать, Кэтхенъ?

Катя, не отвѣчая, продолжала укладываться. Елена Артуровна сѣла на диванъ, раздвинувъ лежавшее на немъ бѣлье, и такъ же спокойно продолжала, не дожидаясь отвѣта:

— Ты сама не знаешь, что ты хочешь дѣлать. Если тебѣ тяжело, то съ твоей стороны очень не хорошо быть такой скрытной. Ты бы могла сказать Павлу Ильичу, или мнѣ,—и повѣрь, мы бы постарались какъ-нибудь помочь тебѣ.

Елена Артуровна послѣ каждой фразы дѣлала остановку, будто ожидая, что племянница вставитъ какую-нибудь реплику, но Екатерина Павловна молча и какъ-то враждебно продолжала укладываться.

— Что же ты молчишь, развѣ ты не слышишь, что я тебѣ говорю? Или ты не желаешь со мной разговаривать? Тогда я уйду,—сказала тетя Нелли.

Катенька, сѣвши на полъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла на колѣняхъ передъ чемоданомъ, заговорила тихо, но взволнованно:

— Что мнѣ сказать вамъ, тетя? Не говорила я съ вами раньше, потому что не могла я вамъ сказать, что именно вы и дѣлаете мнѣ жизнь невыносимой. У насъ была память о мамѣ тихая, свѣтлая и хорошая; вы же внесли въ нашъ домъ культъ покойницы, который меня такъ страшитъ и тяготитъ, что я готова бѣжать, куда глаза глядятъ. Вы сдѣлали то, что Сережи почти никогда нѣтъ дома, вы отдѣлили отъ насъ отца, отдалили Андрея Семеновича, нашего друга,—я поневолѣ подружилась съ вами... Не скрою, я васъ даже любила. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я васъ ненавижу, хотя,

можетъ быть, вы и желали мнѣ добра. Я уѣзжаю, потому что мнѣ это болѣзненно...

Елена Артуровна молча поднялась, подошла къ сидѣвшей все еще на полу дѣвушкѣ и, поцѣловавъ ее, сказала:

— Я отъ души тебѣ благодарна, Катя, за то, что ты говорила откровенно. Я тебя не упрекаю въ томъ, что ты мнѣ этого раньше не сказала, потому что, вѣроятно, прежде ты это не такъ сознавала. Отчасти даже я тебя понимаю, но ты такъ думаешь, такъ говоришь потому, что ты немного устала и многое тебѣ непонятно. Тебѣ не ясенъ путь, которымъ я хочу тебя вести и который считаю единственно возможнымъ,— оттого смута, недовольство и томленіе. Но повѣрь, теперь будетъ все иначе. Тебѣ, конечно, надо отдохнуть, но совсѣмъ нѣтъ необходимости уѣзжать... Ты видишь, что я совсѣмъ не сержусь за то, что ты меня ненавидишь. Но я думаю, что ты сказала это сторяча... Едва ли такъ чувствуетъ сердце.

Тетя Нелли говорила успокоительно-монотонно и ласково, и Катенька, не подымаясь, вдругъ охватила руками колѣни стоявшей рядомъ женщины и залилась слезами. Елена Артуровна молча наклонилась къ плачущей дѣвушкѣ, стала ее гладить по волосамъ и нѣжно цѣловать въ лобъ, пока та сама не начала прерывисто и жалостно:

— Конечно, я просто устала, мы всѣ устали... И я была къ вамъ несправедлива... Мнѣ казалось, что въ обществѣ Сергѣя, въ новыхъ мѣстахъ я найду прежнее спокойствіе духа. Но развѣ я сама не измѣнилась, развѣ я та же, что была полгода тому назадъ? Моя теперешняя слабость — это временно, я скоро буду сильной, по-новому сильной, я это чувствую, милая тетя. Я хотѣла бы пойти ко всемогущей, долго-долго

молиться, глядя на свѣчи, и потомъ у печки пить чай съ баранками... Вы, тетя, этого не понимаете, потому что вы нѣмка, но вы поймете, что для меня это нужно. Вы будете часто со мной разговаривать. Мы будемъ вмѣстѣ гулять, я буду очень послушною, но, тетя, говорите со мною о Богѣ, о Берлинѣ, о встрѣчныхъ цвѣтахъ, о вчерашнемъ обѣдѣ, но, прошу васъ, не говорите о покойной мамѣ. Такъ мнѣ будетъ легче... И потомъ, тетя, мнѣ еще хотѣлось бы полюбить кого-нибудь, чтобы онъ былъ кротокъ, тихъ, почти какъ подруга, и очень влюбленъ въ меня... Вы простите, что я такъ болтаю, это отъ усталости.

Елена Артуровна улыбнулась, снова поцѣловала Катеньку въ лобъ и перекрестила ее, несмотря на то, что была нѣмкой.

— Милое дитя! — шептала она. — Я буду всегда съ тобою, буду говорить тебѣ о Богѣ и о цвѣтахъ... А завтра къ тебѣ придетъ Яковъ Вейсъ.

— Ахъ, Яковъ Вейсъ... Ну что-жъ, пускай приходитъ, — сказала Катенька, склоняясь на грудь госпожи Ламберъ и закрывая глаза.

XVII.

Эти дни Екатерина Павловна переживала, такъ сказать, медовый мѣсяцъ новаго своего положенія. Ей было сладко чувствовать себя слабой, покорной, лишенной собственной воли и живущей такъ, будто чья-то ласковая рука ведетъ ее, а сама она, Катенька, ничего не знаетъ, ничего не видитъ, какъ малый ребенокъ. Иногда ей было удивительно, какъ она можетъ находить пріятность въ положеніи, которое, казалось, противорѣчило всему ея характеру, но она не могла отрицать, что пріятность эта была. И такъ жила она,

ни о чемъ не думая, въ какой-то полудремотѣ. Похоже было, будто плаваешь на спинѣ: навсрху передъ глазами голубое небо, рѣдкія птицы черными точками въ немъ, можно почти не шевелиться, еле-еле лѣнливо двигая рукою или ногою, а куда плывешь, не видать. Лишь когда повернешь голову, увидишь, что приплылъ не обратно къ мосту, у котораго купаются остальные, а напрямикомъ правишь къ плоскому мысу, гдѣ подъ мелкой ракитой смолятся рыбацьи лодки. Такъ и Екатерина Павловна не думала и не знала, куда плыветь. Она старалась не вспоминать объ Андрѣ Семеновичѣ, о Серелѣ, и даже, когда видѣла брата, ей было какъ-то неловко и непріятно; зато почти неразлучно она бывала съ Еленой Артуровной: то вмѣстѣ гуляли по парку, предоставивъ Софьѣ Артуровнѣ сидѣть дома съ Павломъ Ильичомъ, то вмѣстѣ читали, ходили на музыку или просто сидѣли на балконѣ и вели продолжительныя задушевныя бесѣды, и Елена Артуровна сама будто молодѣла, будучи все время съ племянницей, или, вѣрнѣе, послѣдняя постарѣла. Но самимъ себѣ онѣ казались ровесницами въ ихъ тихой и на чужой взглядъ скучной жизни.

Часто съ ними вмѣстѣ находился и Яковъ Самуиловичъ. Катенька съ нимъ не подружилась, но относилась къ нему менѣе враждебно и безъ видимой насмѣшки; она часто сама просила его играть его произведенія, которыми онъ дѣлился съ очень немногими близкими, но которыя онъ весьма охотно исполнялъ, смущаясь и краснѣя, для Кати. Когда въ первый разъ онъ кончилъ капризный и меланхолическій отрывокъ и умолкли послѣдніе диссонирующіе аккорды, онъ, ничего не спрашивая, даже не оборачивая головы, остался ждать, что скажетъ ему его слушательница.

— Отчего вы не любите солнца, Яковъ Самуиловичъ? Тогда бы вы были веселѣи,—сказала Катя.

— Такъ спокойнѣе!

— Спокойнѣе! Сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать.

— Я старше васъ немного... Но отчего же мы хотимъ спокойствія? Развѣ мы такъ устали?.. А между тѣмъ и я, кажется, скоро начну бояться свѣта и шума. Я и теперь почти не люблю встрѣчаться съ Серсжей и его друзьями. Я сама себя не узнаю, это такъ на меня не похоже. Полгода тому назадъ я была очень веселая. Правда!

И Катенькины слова умолкли, какъ звуки Вейсова отрывка. Тогда молодой человѣкъ подошелъ къ ней и сказалъ прочувствованно:

— Какъ вы хорошо поняли мою музыку! Это она навела васъ на такія мысли. Я такъ вамъ благодаренъ, что вы не хвалили и не порицали ее, а сказали именно то, что сказали: это было очень вѣрно, и мнѣ безконечно дорого отъ васъ это слышать.

— Вы помните, въ началѣ нашего знакомства мы говорили о Шопенѣ, и вы сказали, что онъ обреченный любовникъ. Вотъ мнѣ кажется, что у васъ есть сходство съ Шопеномъ.

— Я знаю, что я не долговѣченъ.

— Да я не про то, совсѣмъ не про то. Не думайте, не думайте о смерти,—заволновалась Катенька.

— Вы напрасно такъ волнуетесь, думая, что мысль о смерти страшитъ меня. Тамъ мы обрѣтаемъ спокойствіе, а я вѣрю въ безсмертіе души!

— Ради Бога, не говорите мнѣ о смерти... Выйдемте лучше въ садъ: ужъ зашло ненавистное вамъ солнце. Если вы хотите сдѣлать мнѣ пріятное, не говорите мнѣ никогда ни о смерти, ни о покойникахъ.

И Катенька виновато улыбнулась.

Елена Артуровна сдержала свое слово: дѣйствительно, съ того дня, когда среди разбросанныхъ вещей, у раскрытаго чемодана, была вновь утверждена ея дружба съ Катенькой, она ни разу не упоминала о покойной сестрѣ. Какъ отрѣзало. Даже Софья Артуровна и Павелъ Ильичъ не говорили о дорогой умершей, по крайней мѣрѣ, при Катенькѣ. О поѣздкѣ разговоровъ больше не поднималось, будто само собою было рѣшено, что Катенька остается.

Въ тотъ день, когда Катенька разговаривала съ Вейсомъ о Шопенѣ, вечеромъ она зашла къ Еленѣ Артуровнѣ и сказала, опускаясь въ кожанья кресла:

— Можно у васъ посидѣть теперь? Давно я у васъ не была... У васъ все по-прежнему, тихо и мирно. Я теперь привыкла къ тишинѣ, она меня не гнететъ больше.

— Въ тишинѣ и въ тонкомъ дыханіи мы узнаемъ Бога!—сказала, улыбаясь, Елена Артуровна.

— Объ этомъ я не думаю, но знаю, что теперь я къ ней привыкла. Она убаюкиваетъ. Я не знаю, хорошо ли это, но это пріятно.

И Катенька закрыла глаза, будто наглядно желая показать, какъ ее убаюкивала тишина. Елена Артуровна молчала, и Катенька умолкла. Такъ онѣ въ молчаніи просидѣли нѣкоторое время, пока старшая не заговорила:

— У тебя былъ сегодня Вейсъ?

— Отчего вы спрашиваете объ этомъ? Я сама только что о немъ думала.

— Я не знаю, почему я о немъ вспомнила. Можетъ быть, потому, что ему, какъ и тебѣ, нужна тишина, и потому, что я знаю, что онъ любитъ тебя.

Катенька пропустила мимо ушей послѣднее замѣчаніе тетки и сказала тихо и жалобно:

— Да, его очень жалко. Онъ какой-то обреченный... Да развѣ не такая же и я?

— Зачѣмъ бояться обреченности? Можетъ быть, вы оба уготованные. Можетъ быть, вы люди, которыхъ коснулся Божій перстъ, и судьба ваша одинакова. Не нужно бояться этого. Нужно покорно и мудро принимать то, къ чему насъ готовить не наша воля.

Екатерина Павловна взяла одну изъ розъ, стоявшихъ въ бѣломъ кувшинѣ, и, вдыхая вялый, слегка приторный запахъ, проговорила, не мѣняя жалобнаго тона:

— У меня есть къ вамъ просьба, тетя.

— Какая, дитя? Я все готова исполнить, ты знаешь.

— Помните, я просила васъ не говорить о покойной мамѣ. Теперь, напротивъ, я очень прошу — говорите какъ можно чаще о ней, о ея волѣ, обо всемъ, что ея касается. Я хочу это знать и я вѣрю, что знать это можно.

Елена Артуровна быстро встала, опустилась передъ сидѣвшей дѣвушкой на колѣни и стала порывисто цѣловать ея руки.

— Что вы, тетя? Что вы, тетя? — говорила дѣвушка, отнимая свои руки, изъ которыхъ выпала бѣлая роза.

— Я такъ давно ждала этой минуты, когда ты сама захочешь, чтобы я говорила... Я была неправа, обращаясь съ тобой такъ, какъ будто ты была уже готова, но теперь растаялъ ледъ, растопилось сердце, и я благодарю небо за эту минуту, которой радуется наша дорогая ушедшая... Она наша, наша, наша, и радуется, глядя на насъ.

Катенька склонила свою голову на грудь госпожи Ламберъ и прошептала, закрывая глаза:

— Говорите, говорите, тетя, о мамѣ! Я хочу поступать такъ, какъ она поступала-бы. А вы меня научите, что надо дѣлать... Господи, благослови.

XVIII.

Уединенная улица, гдѣ стояла дача съ черными дельфинами, была почти сплошь заполнена автомобилями, экипажами и просто пазовичьими пролетками, что представляло для той мѣстности необычайное и удивительное зрѣлище. Если Вейсовъ и посѣщали два-три товарища Якова Самуиловича и дѣловые гости старика-отца, то, кажется, впервые съ тѣхъ поръ, какъ умерла госпожа Вейсъ, ихъ дача видѣла такой сѣздъ не только молодыхъ музыкантовъ и старыхъ биржевиковъ, но и дамъ, дѣвицъ и господъ, которые, казалось, не имѣли никакого отношенія ни къ старому, ни къ молодому Вейсу. Было не совсѣмъ понятно, зачѣмъ Самуилу Михайловичу понадобилось мобилизовать всѣхъ своихъ, даже шапочныхъ, знакомыхъ, устраивать великолѣпный обѣдъ и приглашать модныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, для которыхъ у него была заготовлена цѣлая пачка конвертовъ со вложенными кредитными билетами. Но, очевидно, старому Вейсу это собраніе для чего-то было нужно, потому что, не отвѣчая на доводы сына, онъ только надписывалъ адреса на пригласительныхъ билетахъ (особенно тщательно людямъ семейнымъ) и лишь по окончаніи этого занятія, снявъ золотое пенснэ, началъ спокойно и методично:

— Конечно, ты не думаешь, Яковъ, что всю эту исторію я затѣваю для собственнаго удовольствія: ты

знаешь, что для моих дѣлъ мнѣ совершенно достаточно моихъ знакомыхъ, съ которыми я могу иногда позавтракать у Кюба, или на крышѣ „Европейской“... Я дѣлаю это исключительно для тебя.

— Что-же, ты думаешь, мнѣ доставить удовольствіе видѣть все это сборище незнакомыхъ дамъ и сидѣть цѣлый вечеръ во фракѣ?

— Я этого нисколько не думаю. Наоборотъ, я думаю, тебѣ это доставить еще менѣе удовольствія, чѣмъ мнѣ. Но для твоего будущаго, для твоей артистической карьеры намъ необходимо жить шире,—я тебѣ ни слова не говорилъ противъ того, что ты хотѣлъ сдѣлаться музыкантомъ. Но разъ ты избралъ это поприще, нужно дѣлать бумъ; не думалъ же ты, въ самомъ дѣлѣ, что я удовольствуюсь, чтобы Яковъ Вейсъ былъ скромнымъ преподавателемъ музыки или самъ для себя игралъ при лунѣ ноктюрны Шопена? Нѣтъ, братъ, если ты сдѣлался піанистомъ, то будь у меня европейской извѣстностью, на то ты и Вейсъ. Если даже ты самъ этого не хочешь, то я это сдѣлаю, потому что не даромъ я работаю по двѣнадцати часовъ въ сутки и потому что не даромъ меня зовутъ Самуилъ Вейсъ.

На этотъ обѣдъ были приглашены госпожа Ламберъ и Катенька Прозорова, приглашены скорѣе сосѣдски, нежели изъ какихъ-либо тактическихъ соображеній, потому что для карьеры молодого артиста онѣ могли сдѣлать очень мало. Одѣтая въ скромное лѣтнее платье, Катенька со скукой сидѣла за обѣдомъ, глядя на богатые туалеты декольтированныхъ дамъ и слушая краемъ уха, что говорилъ ей сидящій рядомъ съ нею маленькій и сѣдой профессоръ консерваторіи, нападавшій на оперы Штрауса.

Обѣдъ страшно затянулся, и уже давно электриче-

ство дробилось въ хрусталѣ бокаловъ, когда, наконецъ, толстая родственница Вейсовъ, сидѣвшая за хозяйку, отодвинула стулъ, давая понять, что обѣдъ конченъ.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я скучалъ эти полтора часа!—сказалъ, подходя къ Екатеринѣ Павловнѣ, молодой Вейсъ.

— Всегда скучны большія собранія мало знакомыхъ людей!

— Я бы хотѣлъ сидѣть рядомъ съ вами, тогда всѣхъ этихъ людей не существовало-бы для меня, и мы говорили-бы, какъ-будто мы одни, въ вашемъ саду или у насъ въ гостиной, когда никого нѣтъ. Я страшно сердитъ на отца за то, что онъ устроилъ весь этотъ балаганъ.

— Онъ думаетъ о вашей будущности, о вашей славѣ.

— Моя будущность, моя „слава“, какъ вы выражаетесь, развѣ онѣ нужны мнѣ?

— Онѣ нужны и вашему отцу, и всѣмъ, кто васъ цѣнитъ и, любитъ; вы не должны отказываться отъ тѣхъ шаговъ, которые дѣлаютъ для васъ и за васъ близкіе и любящіе васъ люди.

Катенька говорила хотя и задушевно, но совсѣмъ просто и, только увидѣвъ поблѣднѣвшее отъ волненія лицо Якова Самуиловича, поняла, что сказала, можетъ быть, больше, нежели желала, и что слова ея можно было счесть за полупризнаніе.

— Я такъ благодаренъ вамъ, Екатерина Павловна, за то, что вы сказали... У насъ сейчасъ начнется концертъ, я буду въ первый разъ исполнять свои вещи въ присутствіи почти незнакомыхъ лицъ; между ними есть многіе, передъ которыми не только мой отецъ, но и я самъ дрожу. Тутъ есть мои старые профессора и артисты выдающагося вкуса. Несмотря на это, мнѣ

казалось страшно тягостно и неприятно играть сегодня. Теперь же, послѣ того, что вы сказали, я буду играть только для васъ, какъ будто вы единственная моя слушательница, мнѣніемъ которой я исключительно дорожу, какъ-будто вы были моей вдохновительницей.

— Хотя это и не совсѣмъ такъ! — прервала его Катенька.

— Фактически это, конечно, не такъ, но можно впередъ предугадывать и предчувствовать многое, и я думаю, я увѣренъ, что даже тѣ вещи, которыя я писалъ, не зная васъ, писаны для васъ, продиктованы вами, что онѣ ваши, какъ и я весь вашъ.

Екатерина Павловна взглянула на еще болѣе поблѣднѣвшее лицо Якова и сказала торопливо, боясь, что онъ будетъ продолжать:

— Яковъ Самуиловичъ, нашъ отдѣльный разговоръ слишкомъ затянулся. Я не хочу отнимать васъ отъ вашихъ гостей.

— Объ одномъ васъ прошу: когда я буду играть, сядьте, если не около меня, то такъ, чтобы я могъ васъ видѣть, — сказалъ Вейсъ.

— Хорошо, это я постараюсь сдѣлать, — отвѣтила Катенька и пожала руку Якова Самуиловича.

Послѣ кофе гости, разбившись на отдѣльныя группы, или бесѣдовали въ гостиныхъ, или гуляли по саду, пока звукъ колокола не извѣстилъ о началѣ концерта. Въ большомъ залѣ были разставлены стулья такъ, что они не придавали комнатѣ официальнаго концертнаго вида. Чтобы придать еще большій видъ непринужденности этому строго обдуманному музыкальному вечеру, старые опытные слуги, которыхъ такъ любилъ Яковъ, безшумно разносили между нумерами вино и фрукты. Публика выражала свое одобреніе ровно въ мѣру, что-

бы не обидѣть приглашенныхъ артистовъ и показать свѣтскую сдержанность.

Долгое ли сидѣніе за скучнымъ столомъ, бесѣда ли со старымъ профессоромъ или краткій взволнованнѣйшій ея разговоръ молодого хозяина, но Катенька чувствовала себя усталой и какой-то сонливой на своемъ желтомъ стулѣ у стѣны, какъ разъ противъ хвоста рояля, за которымъ долженъ былъ скоро появиться Яковъ Вейсъ. Она чувствовала себя разбитой, ей сладко было не шевелить ни рукою, ни ногою и слышать, какъ при виѣшной видимой скованности внутри что-то неотступно поднималось, будто отдѣляя ее отъ земли. Словно сквозь сонъ или нѣкій туманъ она видѣла, какъ приходили и уходили на небольшую, специально сдѣланную эстраду толстыя пѣвицы въ открытыхъ платьяхъ, изображавшія томленіе Далилы или легкомысліе Карменъ, какъ толстый же бѣлокурый теноръ ворковалъ „Сонъ кавалера де-Гріэ“, а сухошавый басъ басилъ о послѣдней зарѣ, которая должна зайти, какъ скрипачъ встряхивалъ космами на манеръ Кубелика. Она даже едва замѣтила, какъ противъ нея изъ за рояля показалась голова Вейса; она смотрѣла на него, какъ на чужого. Ей казалось страннымъ, что для нея будетъ играть этотъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, съ рыжими, слегка кудрявыми волосами и ярко-краснымъ ртомъ, который теперь кривился. Онъ не улыбнулся ей, а только, взмахнувъ зеленоватыми глазами, тотчасъ опустилъ ихъ и заигралъ медленно и капризно. Она почти не слышала, что онъ игралъ, все болѣе и болѣе цѣпенѣя и ясно чувствуя, что если всѣ ея члены еще больше нальются свинцомъ, еще больше отяжелѣютъ, обратятся въ инертную массу, то что-то въ ней вспорхнетъ легко и освобожденно, какъ птица. Передъ глазами у нея за-

ходили зеленые круги, образуя странный узоръ, который можно было принять за зеленую рощу. Елена Артуровна, сидѣвшая подлѣ, прошептала:

— Что съ тобой, дитя мое, тебѣ дурно?

Катенька въ отвѣтъ не только не могла ничего промолвить, но даже пошевелить головой или улыбнуться,—ничего. Ей только сильнѣе и сильнѣе хотѣлось выпорхнуть въ ту негустую блѣдно-зеленую рощу, которую теперь она ясно видѣла, съ бѣлыми цвѣтами по муравѣ и свѣтлымъ, почти бѣлымъ озеромъ за кустами. Еще одно усиліе! Косное тѣло, будь еще неподвижнѣе!.. Какъ вдругъ громкій крикъ разбилъ все очарованіе. Катенька съ трудомъ открыла глаза и безъ удивленія, тупо смотрѣла на волненіе людей около рояля, гдѣ, очевидно, что-то произошло. Наконецъ, нѣсколько мужчинъ пронесли почти мимо Екатерины Павловны неподвижное тѣло Якова Вейса съ закунутой рыжею головой и свѣсившейся длинною рукою. Отчего случился обморокъ съ молодымъ пианистомъ, никто не зналъ, и объясняли это волненіемъ дебютанта. Еще непонятнѣе были слова, которыя онъ выкрикнулъ, лишаясь чувствъ, потому что, не окончивъ пьесы, онъ взмахнулъ руками и, закричавъ: „Какая зелень!“, упалъ, какъ подстрѣленный. Стараясь загладить непріятное впечатлѣніе, Самуилъ Михайловичъ попросилъ, чтобы концертъ продолжался, увѣряя, что сынъ его, оправившись, снова вернется къ роялю, но гости понемногу стали разѣзжаться, обсуждая все происшедшее и мало обращая вниманія на новую пѣвицу, которая изображала прощаніе Іоанны д'Аркъ. Катенька шла неровно, будто она отсидѣла обѣ ноги, опираясь на руку тети Нелли, ничего не говоря, между тѣмъ какъ голова у нея болѣла и все тѣло было не-

пріятно разбито. Она едва слышала, какъ тетя Нелли около нея говорила:

— Тебѣ нужно лечь сейчасъ же! Въ первый разъ это всегда бываетъ тягостно. И потомъ всегда вредно, когда это не доводится до конца.

Про обморокъ молодого Вейса Катенька какъ будто ничего не знала.

XIX.

Послѣ вечера у Вейсовъ Екатерина Павловна заболѣла и слегла. У нея не было никакой опредѣленной болѣзни. Она просто лежала въ слабости, не будучи въ состояніи ни встать, ни даже пошевелиться. Докторъ, позванный по настоянію самой больной, ушелъ, не найдя ничего опаснаго, ни опредѣленнаго. Почти безотлучно находилась при ней Елена Артуровна, то читая вслухъ, то тихо разговаривая, то просто сидя, пока сама Катенька ни говорила:

— Вамъ, можетъ быть, нужно что-нибудь по дому, тетя, такъ вы не стѣсняйтесь, я одна подремлю. Какой смѣшной докторъ: говорить, что у меня ничего нѣтъ, прописалъ какія-то дѣтскія пилюли, а между тѣмъ я ни встать, ни сѣсть не могу. Такъ идите, идите, тетя.

Но когда выходила тетя Нелли, Катенька не спала, не дремала, а лежала то съ открытыми, то съ закрытыми глазами, неизвѣстно о чемъ думая. Она и ночью почти не спала, прислушиваясь къ тонкому дыханію Елены Артуровны, помѣщавшейся во время Катенькиной болѣзни тутъ-же на кушеткѣ. Вмѣсто сна на Екатерину Павловну временами находило тягостное забытье, которое не освѣжало ея чувства, а, наоборотъ, угнетало ихъ и смущало. Едва-ли Елена Артуровна

замѣчала, что всякій разъ, какъ она оставляла племянницу для одинокихъ размышленій и потомъ снова къ ней приходила, та была еще болѣе молчалива, и ласковость ея была извиняющаяся, обидная, не дружественная, будто въ эти минуты она сердилась на тетку и ласкою хотѣла загладить это. Онѣ говорили почти всегда или о прочитанномъ только что романѣ, или объ отвлеченныхъ предметахъ, но никогда о томъ, что ихъ интересовало болѣе всего. Имя Якова Вейса также не упоминалось въ ихъ бесѣдахъ, равно какъ и все случившееся за послѣдніе дни. Утромъ на третій день болѣзни Екатерины Павловны, когда Елена Артуровна по обыкновенію сидѣла около нея, читая какой-то англійскій романъ, ей подали письмо.

— Ты позволишь?—спросила тетка, надрывая длинный зеленоватый конвертъ.

— Пожалуйста, тетя, какъ же иначе... Отъ кого это?—спросила Катенька, когда Елена Артуровна, прочитавъ письмо, снова спрятала его въ конвертъ.

— Отъ Якова Вейса!

Катенька закрыла глаза и послѣ долгаго молчанія снова спросила, будто съ трудомъ выговаривая слова:

— Что же пишетъ Яковъ Самуиловичъ?

— Вотъ прочти сама, если хочешь. Секретовъ здѣсь нѣтъ, и я даже думаю, что онъ именно хотѣлъ, имѣлъ въ виду, чтобы это письмо дошло и до тебя.

— Прочтите вслухъ!—молвила Катенька опять послѣ паузы.

Госпожа Ламберъ снова вынула зеленоватый листокъ и начала читать безъ всякаго выраженія:

„Дорогая Елена Артуровна!

„Прежде всего я долженъ извиниться за свои раз-

строенные нервы и за то, что произошло въ эти послѣдніе дни. Можетъ быть, вы будете менѣе строги, узнавъ, что вотъ уже третій день я лежу въ постели, не двигаясь и не зная, чѣмъ себѣ объяснить это мое состояніе. Отецъ, конечно, призывалъ доктора, но тотъ, ничего не найдя, прописалъ мнѣ какія-то дѣтскія пилюли, а между тѣмъ я почти не могу шевелиться, почти не сплю, лишь изрѣдка забываясь тягостнымъ забытьемъ. Не нужно вамъ говорить, какъ былъ-бы я радъ имѣть какія-нибудь свѣдѣнія о васъ или о многоуважаемой Екатерины Павловны, которую такъ искренно уважаю и которой приношу почтительнѣйшія извиненія. Конечно, я очень былъ-бы радъ видѣть васъ лично, но не смѣю беспокоить васъ, которая и безъ того была всегда слишкомъ добра ко мнѣ.

„Вашъ преданный

Якобъ Вейс“.

Екатерина Павловна выслушала письмо молча, не открывая глазъ и лишь слегка разглаживая тонкими пальчиками зеленоватое тканьевое одѣяло. Елена Артуровна тоже молчала, будто ожидая, что скажетъ племянница, и, наконецъ, видя, что та продолжаетъ молчать, спросила:

— Хочешь, будемъ читать дальше нашъ романъ?

— Да, тетя, пожалуйста... Мы остановились на томъ, какъ Гарри пріѣхалъ въ Америку.

Елена Артуровна, вздохнувъ, взяла бѣленькій томикъ изданій Таухнитца. Но въ двери снова постучались. Госпожа Ламберъ недовольно вышла и, тотчасъ снова вернувшись, спросила взволнованно:

— Я не знаю, Катя, какъ быть: тамъ пришелъ и просить тебя видѣть этотъ офицеръ, Зотовъ. Я не хотѣла безъ спроса отказывать ему, но вѣдь ты же не можешь его принять...

Катенька, не открывая глазъ, сказала тихо:

— Я хочу его видѣть, введите его.

— Но подумай, Катя, это тебя такъ разстроитъ, ты и со мной-то еле говоришь.

— Я хочу его видѣть!—повторила Катенька монотонно, открывая свои малиновые глаза.

Елена Артуровна потопталась на мѣстѣ, потомъ пожала плечами и, сказавъ: „Какъ хочешь“, вышла изъ горницы. Черезъ минуту въ ту же дверь входилъ такой же румяный, такъ же ничѣмъ не замѣчательный, какъ и прежде, Андрей Семеновичъ Зотовъ. Онъ говорилъ весело и громко, какъ-будто дѣвушка не была больна, какъ-будто съ ней ничего не случилось и видѣлъ ее онъ только вчера.

— Что это съ вами, Екатерина Павловна! Какъ вамъ не стыдно! Хворать нужно зимой, когда холодно, а лѣтомъ нужно гулять, толстѣть, пить молоко!

— Что-же дѣлать, Андрей Семеновичъ? Я и сама рада-бы гулять и толстѣть, а вотъ приходится лежать и слушать англійскіе романы.

— И давно вы въ такомъ плачевномъ состояніи?

— Вотъ уже третій день. Но вы не можете себѣ представить, какъ надоѣло мнѣ это лежаніе, —какъ будто я лежу не третій день, а третій мѣсяць.

И Катенькѣ дѣйствительно сразу надоѣло быть больной, лежать, слушать англійскіе романы и думать, неизвѣстно о чемъ. И сразу ей стало удивительно, почему она такъ давно не видала ни Сережи, ни Андрея Семеновича, и когда она вспоминала, какою она была послѣднее время, то сама себѣ казалась странной, чужой и непріятной.

— Да что у васъ, за болѣзнь, собственно говоря, милая Екатерина Павловна?—спросилъ Зотовъ.

— А знаете, я сама не знаю. Докторъ говорить, что никакой нѣтъ...

— Такъ это, милая барышня, одна распушенность! Или вы очень скучаете. Знаете, одно лѣто я жилъ на русскомъ курортѣ—такъ тамъ масса людей не только-что заболѣвали, а умирали со скуки. И не въ переносномъ смыслѣ умирали, а въ самомъ простомъ, неоправимомъ. Вамъ просто, нужно встряхнуться, вы слишкомъ засидѣлись. Жалко, что нѣтъ Сергѣя. Но онъ черезъ три дня пріѣдетъ, къ тому времени, надѣюсь, вся ваша хворь пройдетъ, и мы увеземъ васъ въ городъ безъ всякихъ разговоровъ, а потомъ будемъ часто бывать у васъ и не упускать васъ изъ виду, если позволите. Конечно, со стороны, мы можемъ показаться людьми пошлыми и времяпрепровожденіе наше довольно вульгарнымъ, но согласитесь, положя руку на сердце, что это все-таки лучше, чѣмъ лежать вотъ такъ въ полунирванѣ.

— Зачѣмъ ждать Сережи? поѣдемте завтра, вдвоемъ. Я встану—увѣрю васъ,—сказала Катенька.—Мнѣ даже сейчасъ хочется встать, и я могу.

— Милая Екатерина Павловна, сейчасъ вставать вамъ незачѣмъ, потому что если-бы вы даже были совсѣмъ здоровы, то, пролежавъ три дня, естественно ослабѣли. А завтра забудьте всѣ ваши болѣзни, встаньте утромъ какъ ни въ чемъ ни бывало, умойтесь, одѣньтесь, а часовъ въ шесть я къ вамъ пріѣду, и мы посмотримъ.

Андрей Семеновичъ говорилъ весело, но внушительно и настойчиво. Екатерина Павловна чувствовала, будто отъ его спокойнаго голоса кровь быстрѣе двигается по ея жиламъ, на щекахъ показывается румянецъ и ея малиновымъ глазамъ снова возвращается прежній веселый блескъ.

— Обязательно пріѣзжайте завтра, — говорила она,

когда Андрей Семеновичъ сталъ прощаться.—И послѣ завтра, и въ четвергъ! И привезите мнѣ цвѣтовъ и каштановъ въ сахаръ.

XX.

На слѣдующій день Екатерина Павловна, конечно, никуда не поѣхала, хотя Зотовъ и пріѣхалъ въ Павловскъ съ цвѣтами и засахаренными каштанами. Впрочемъ, она встала, одѣлась и чувствовала себя совершенно бодрой, такъ-что отъ дальнѣйшей предприимчивости ее удержали только совѣты того же Андрея Семеновича. Она поиграла на піанино, а къ вечеру вышла въ садъ. Офицеру казалось, что онъ видитъ прежнюю Катю, — настолько она была оживленна и весела. Нѣсколько разъ она принималась даже смѣяться. Только изрѣдка разсѣянный взглядъ и нѣсколько тревожное выраженіе мѣняли ея круглое поблѣднѣвшее теперь лицо.

Елена Артуровна, воспользовавшись присутствіемъ Зотова, вышла куда-то изъ дому и вернулась только въ позднія сумерки, когда Андрей Семеновичъ уже уходилъ и Катенька провожала его по саду.

— Вы меня простите, Андрей Семеновичъ, что я ушла,—сказала она. — У меня боленъ большой другъ, а я изъ-за Катенькинаго нездоровья все не могла улучшить минуты навѣстить его, а сегодня воспользовалась тѣмъ, что Катѣ лучше и вы при ней.

— Какъ же здоровье вашего друга? — спросилъ Андрей Семеновичъ равнодушно.

— Благодарю васъ, ему гораздо лучше. Сегодня онъ даже занимался музыкой и выходилъ въ садъ меня провожать.

Въ темнотѣ нельзя было видѣть, какъ густая краска залила Катенькины щеки, но настоящій гнѣвъ звучалъ въ ея голосѣ, когда она воскликнула:

— Елена Артуровна, я васъ прошу не говорить при мнѣ о Вейсѣ! Особенно *такъ* не говорить,—съ какими-то странными намеками.

— Вотъ и видно, что ты не совсѣмъ еще поправи-лась! Волнуешься по такимъ пустякамъ!—сказала тетя Нелли.

— Я нисколько не волнуюсь, и моя болѣзнь здѣсь не при чемъ, а просто мнѣ надоѣли эти постоянныя аналогіи. Я не хочу о нихъ слышать. И я сама, и моя болѣзнь не находятся ни въ какой связи съ господи-номъ Вейсомъ...

— Я не понимаю, другъ мой, почему ты кипятишься? Я, кажется, вовсе и не высказывала того, въ чемъ ты меня упрекаешь. Я въ правѣ имѣть свое мнѣніе о сродствѣ душъ и о возможности телепатическаго сно-шенія, но я никому его не навязываю и даже не го-ворю о немъ.

— Но вы это думаете, думаете,—и заставляете меня думать такъ же! Я знаю всѣ ваши штучки... Но я этого не хочу и не допущу. И вы съ вашимъ Вейсомъ ничего не достигнете такимъ способомъ...

Катенька выкрикивала, будто одержимая, и было дѣйствительно не совсѣмъ понятно ея негодованіе.

— Богъ знаетъ, что ты говоришь, Катя, — сказала Елена Артуровна, какъ можно мягче. Ты слишкомъ рано встала съ постели, — тебѣ нужно было бы выле-жаться...

— Вы хотите, чтобы я совсѣмъ не вставала, я знаю, вы были-бы рады, если-бы я захворала, умерла, какъ мама... Тогда-бы вы стали меня боготворить и изъ-за меня губить и мучить другихъ.

Теперь уже вступился Андрей Семеновичъ.

— Екатерина Павловна, я теперь поѣду, — иначе я пропущу поѣздъ... Я не смѣю судить, правы вы или нѣтъ,

мнѣ очень горестно видѣть васъ въ такомъ состояніи, но въ настоящую минуту вамъ будетъ всего полезнѣе лечь и успокоиться... Я думаю, что вы все очень преувеличиваете, и увѣренъ, что нѣтъ настолько черствыхъ людей, которые желали-бы вашей смерти. Завтра я обязательно буду у васъ.

Онъ простился съ обѣими дамами и вышелъ за калитку. Дамы же молча вернулись въ домъ и разошлись по своимъ комнатамъ.

На слѣдующее утро Катенька встала опять веселою, будто забывъ о вчерашнихъ словахъ своихъ, и заранѣе одѣлась къ выходу, ожидая, когда придетъ Зотовъ. Заслышавъ шаги въ саду, она вышла къ нему навстрѣчу, но вмѣсто него увидѣла брата своего Сергѣя, который шелъ съ легкимъ чемоданомъ въ рукѣ.

— Ахъ, Сережа, какъ я тебѣ рада, ты не можешь себѣ представить! — заговорила Катенька, цѣлуя брата и смотря въ его малиновые, такіе же какъ у нея, глаза. Я такъ тебя заждалась, ты мнѣ всячески необходимъ... Идемъ скорѣе, умойся, одѣнься, и я все тебѣ расскажу.

— А на видъ ты гораздо лучше, Катя, чѣмъ была весною. И то, что ты видѣть меня хочешь, мнѣ очень нравится. Я тебѣ тоже могу рассказать кое-что касающееся до тебя... Не столько рассказать, сколько спросить, правда-ли то, что я слышалъ.

— Ты слышалъ что-нибудь дурное?

— Дурно это или хорошо, зависитъ отъ точки зрѣнія, но то, что я слышалъ, большинству людей, и мнѣ въ томъ числѣ, покажется не очень красивымъ. Тебѣ не слѣдуетъ слишкомъ беспокоиться, это не относится прямо къ тебѣ. Непосредственно-же тутъ замѣшана Елена Артуровна и семейство, которое, кажется, намъ даже незнакомо. Это нѣкіе Вейсы...

— Я ихъ хорошо знаю!

— Какъ это неприятно!

— Но почему?

— Потому что тебя могутъ приплести къ этой исторіи, которая, повторяю, не изъ красивыхъ.

— Но что-же случилось, расскажи! Иди умойся скорѣе и приходи ко мнѣ. Я тоже должна тебѣ сказать очень многое, тѣмъ болѣе, что сейчасъ пріѣдетъ Андрей Семеновичъ, а при немъ мнѣ не хотѣлось-бы говорить.

— Вотъ милѣйшій человѣкъ, я отъ души радъ, что онъ снова началъ бывать у насъ.

Когда Сергѣй Павловичъ, вымытый и переодѣтый, вошелъ въ комнату сестры, она тотчасъ начала рассказывать то, что читателю уже извѣстно. Выслушавъ ее и помолчавъ, Сережа промолвилъ:

— Такъ что, выходитъ, наша почтенная тетушка, во что-бы то ни стало, хочетъ свести тебя съ Яковомъ Вейсомъ и какъ можно крѣпче привязать тебя къ себѣ. Конечно, я и Андрей служимъ главнымъ препятствіемъ ей въ этомъ,—потому насъ и отстраняютъ. Но видишь-ли въ чемъ дѣло, я совершенно случайно узналъ, что Елена Артуровна дѣйствуетъ и у Вейсовъ такимъ-же приблизительно образомъ, какъ у насъ, и эта ея дѣятельность, ея дружба тамъ началась давно, еще въ Берлинѣ. Тебѣ, конечно, не безызвѣстно, что молодой Вейсъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ госпожи Ламберъ, но для тебя, можетъ-быть, неожиданнымъ будетъ узнать, что еще большее вліяніе тетушка имѣетъ на старика Вейса, пользуясь, какъ и у насъ, именемъ его покойной жены, которую онъ обожалъ. Для меня составляетъ громадный интересъ, — просто, какъ Шерлоку Холмсу, — узнать, какъ думаетъ связать Елена Артуровна всѣ эти разрозненные нитки своихъ интригъ. Я, конечно, не могу дѣйствовать хладнокровно, такъ какъ тутъ замѣшанъ я самъ и, главное, ты. Но я объ-

щаю тебѣ, если ты не будешь мѣняться по отношенію ко мнѣ и будешь тверда, ни на минуту не оставлять тебя, потому что, по правдѣ сказать, я уже хотѣлъ было совсѣмъ отъ тебя отстраниться. Ты была какой-то чужою. Теперь же ты мнѣ кажешься прежней милой сестрой Катей... Отца вернуть, повидимому, надежды нѣтъ, но мы съ тобою давай не разставаться. Андрей намъ поможетъ...

— Милый Сережа, какъ я благодарна тебѣ! Давай не разставаться, иначе я умру... Катенька встала и крѣпко поцѣловала брата, поднявшись на цыпочки. Но потомъ тихо промолвила, будто въ раздумьи:— А все-таки знаешь, Сережа, можно что угодно говорить про тетю Нелли и Софи, но онѣ не мошенницы, вѣтъ...

— Я буду очень радъ, если это такъ окажется! — сказалъ Сергѣй.

XXI .

Первымъ, кого встрѣтила Катенька, выходя изъ дому на слѣдующій день, былъ Яковъ Вейсъ. Она шла съ братомъ и съ Зотовымъ и потому думала ограничиться отдаленнымъ поклономъ, такъ какъ Вейсъ не былъ знакомъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, но молодой чловѣкъ подошелъ къ ней и, почтительно приподнявъ соломенную шляпу, произнесъ такъ радостно, какъ-будто Катенька только и ждала его привѣтствія:

— Какъ ваше здоровье, Екатерина Павловна?

— Ничего, благодарю васъ!—отвѣтила Катенька сухо.

— Я вѣдь самъ былъ нездоровъ, сегодня въ первый разъ вышелъ. — Катенька молчала, не желая дальше продолжать разговора, но Вейсъ настаивалъ, будто не понимая ея нежеланія, — Всегда такъ радостно, даже послѣ краткой болѣзни, чувствовать себя выздоровли-

вающимъ: все кажется новымъ, и необычайной свѣжести. Вы, навѣрное, сами понимаете это чувство, потому что сами недавно перенесли болѣзнь.

— Я не знаю, Яковъ Самуиловичъ, зачѣмъ вы мнѣ все это говорите! Я не хочу этого слышать; я просто простудилась, и моя болѣзнь не имѣетъ въ себѣ ничего таинственнаго.

Катенька говорила болѣе чѣмъ сухо и такъ и не представила молодого Вейса своимъ кавалерамъ. А тотъ молча стоялъ безъ шляпы, пока компанія не удалась по направленію къ вокзалу. И когда въ городѣ на лицо Екатерины Павловны время отъ времен набѣгала легкая тѣнь и братъ спрашивалъ у нея: „Что съ тобою?“, — она недовольно отвѣчала: „Такъ, ничего, вспомнила о Вейсѣ“.

Но не нужно думать, что Екатерина Павловна все время была задумчива и молчалива; наоборотъ, она была оживленна и весела, какъ давно не бывала, такъ что Сергѣй Павловичъ не могъ насмотрѣться на свою сестру.

Вернулись они очень поздно, прямо изъ города на автомобилѣ. Идя по темному саду, они замѣтили, что окно въ спальнѣ Павла Ильича еще освѣщено и даже открыто, такъ какъ ночь была душной.

Не уговариваясь, молча, они подошли къ окну, находящемуся въ первомъ этажѣ, можетъ быть, желая неожиданной шуткой обласкать отца, съ которымъ давно не говорили попросту, какъ дѣти. Но они остановились, не окликаая его, такъ какъ изъ комнаты доносились голоса. Собственно говоря, слышенъ былъ голосъ только Павла Ильича: обрывки рѣчи долетали до нихъ, то приближаясь, то удаляясь, такъ какъ, очевидно, говорящій ходилъ по комнатѣ, что, впрочемъ, можно было заключить и по силуэту, то появлявшемуся, то исчезающему на освѣщенномъ фонѣ спущенной шторы.

— Я твердо вѣрю, что такъ нужно было поступить. Я слѣдоваль не только личному чувству по отношенію къ вамъ, но общему чувству необходимости и святости того, что происходитъ.

Затѣмъ голосъ сталъ удаляться:

— Я думаю, если бы наша милая ушедшая видѣла насъ сейчасъ, она бы порадовалась тому, какъ свѣтло, божественно и полно обожанія къ ней наше свиданіе...

Другой голосъ отвѣчалъ неслышно, — едва можно было уловить монотонный звукъ болѣе высокаго тембра. Павелъ Ильичъ снова началъ:

— Вы говорите о Екатеринѣ, о моей дочери? Дѣйствительно, она странно себя ведетъ. Но здѣсь, можетъ быть, виновата не одна она. Можетъ быть, Елена Артуровна слишкомъ большой заботливостью и настойчивостью возстановила ее противъ того, что яснѣе яснаго.

Говорившій умолкъ, настала пауза... Наконецъ, какъ будто подъ самымъ окномъ, вновь раздался женскій голосъ:

— Я закрою окно, другъ мой, потому что скоро будетъ гроза.

Затѣмъ изъ-за шторы высунулась рука, захлопнула одну раму, другую, штора снова легла на мѣсто, голоса перестали быть слышными, и даже силуэты не мелькали болѣе, какъ-будто собесѣдники продолжали разговоръ сидя.

— Кто же это былъ съ папой?—спросилъ наконецъ Сергѣй Павловичъ.—И какого рода свиданіе это могло быть? Тутъ говорили о тебѣ.

— Мнѣ показалось, что это голосъ тети Сонн...

— Да, но зачѣмъ Софья Артуровна такъ долго сидѣть въ кабинетѣ отца?

— Я не знаю, они просто заговорились, не обратили вниманія, что поздно.

— Очень странно все это... А, дѣйствительно, скоро соберется гроза.

Когда Катенька и Сережа вошли въ домъ, они встрѣтили тетю Нелли, идущую по коридору со свѣчкой въ рукахъ. Она молча остановилась, наконецъ произнесла:

— Какъ вы поздно! Вѣдь ты, Катя, послѣ болѣзни первый разъ выходишь, и такъ загулялась...

— Отчего вы, тетя, не спите? Или вы насъ ждали? Можетъ-быть, это вы говорили съ папой?—сказала Катя.

— Павелъ Ильичъ давно спитъ! Я просто услышала шумъ и вышла посмотреть, кто это. Я вовсе не ждала васъ: я думала, что это васъ стѣснить.

Катенька быстро оглянула фигуру Елены Артуровны, которая совсѣмъ не была похожа на только что вставшую съ постели, и ничего не сказала.

— Зачѣмъ же мы стоимъ въ коридорѣ? — вымолвилъ, наконецъ, Сережа послѣ паузы. — Спокойной ночи. Елена Артуровна.

— Но у папы никого нѣтъ? — снова спросила Катенька.

— Я не понимаю, что ты говоришь, Катя. Мы всѣ устали, теперь поздно, и нужно идти спать!

— Зачѣмъ же мы стоимъ въ коридорѣ?—повторилъ Сережа. — Мы можемъ разбудить отца, если онъ, дѣйствительно, спитъ... Идемъ, Катя. Еще разъ спокойной ночи, Елена Артуровна!

Когда молодые люди поднялись по внутренней лѣстницѣ въ свое помѣщеніе, Елена Артуровна не возвратилась въ свою спальную, а постучала въ кабинетъ Павла Ильича. Дверь отворила Софья Артуровна; потомъ она снова ее закрыла, впустивъ сестру и оставивъ коридоръ во мракѣ.

XXII.

На слѣдующее утро, выйдя въ садъ, Катенька первую увидѣла тетю Софи.

— Поговорю прямо съ нею, — мелькнуло въ головѣ у Екатерины Павловны. — Она признается, если есть въ чемъ признаться.

Катенька сама точно не знала, какихъ признаній ждала она отъ Софьи Артуровны; просто она рѣже видала эту тетушку и не такъ отчетливо могла предвидѣть себѣ всѣ ея слова, какъ бывало это съ тетей Нелли, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была увѣрена, что и Софью Артуровну связываетъ какая-то тайна.

Софья Артуровна сидѣла на скамьѣ въ бѣломъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ съ большими полями, бросавшими тѣнь на ея блѣдное нѣсколько припухшее лицо и опущенныя вѣки. Катенька сѣла около теткн и начала очень мягко:

— Вы очень утомлены, тетя Софи. Вы плохо спите по ночамъ, вѣроятно. У насъ въ домѣ всѣ плохо спятъ послѣднее время...

— Я сплю спокойно. А если кажусь блѣдной, то это отъ солнца... — отвѣтила Софья Артуровна, не мѣняя позы.

— Вчера вы такъ долго не ложились, а сегодня — уже встали!

Софья Артуровна быстро и испуганно взглянула на собесѣдницу и снова опустила глаза, ничего не отвѣтивъ.

— Вы вчера долго говорили съ папой, и это васъ взволновало, — продолжала Катенька.

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю.

Послѣ неподвижности Софьи Артуровны тѣмъ за-

мѣтнѣе было необычайное волненіе, которое ею овладѣло. Она схватила обѣими руками Катенькину руку и приблизила лицо къ ея лицу, широко раскрывъ глаза:

— Я вамъ клянусь, что это почти въ первый разъ я говорила съ вашимъ отцомъ и что въ нашемъ разговорѣ не было ничего предосудительнаго.

— Я въ этомъ увѣрена!—отвѣтила Катенька сухо.—А тетя Софѣи продолжала еще болѣе взволнованно:

— Вы можете думать что-нибудь дурное, вамъ можетъ казаться, что я и сестра какъ-то втерлись въ ваше семейство, имѣемъ слишкомъ большее вліяніе и злоупотребляемъ имъ. Но, повѣрьте, это не такъ. Моя сестра Елена—она святая женщина, вы это знаете. Я ее слушаюсь не только какъ старшую сестру, но какъ покойную мать, потому что она знаетъ лучше насъ всѣхъ то, что необходимо знать, необходимо!... Вы можете-быть, думаете, что вашъ отецъ слишкомъ любить меня?

И голосъ Софѣи Артуровны перервался, какъ-будто она страшилась Катенькинаго отвѣта.

— Я объ этомъ ничего не знаю... И потомъ отецъ можетъ любить кого ему угодно. Кто тутъ можетъ быть судьей? Онъ человѣкъ добрый и въ сущности христіанинъ; я думаю, онъ любитъ всѣхъ.

— Ахъ Катенька, вы все не про то, не про то! Я очень виновата предъ вами, конечно, но я говорила не о христіанской любви.

— А о какой-же? Что-же, вы думаете, что отецъ влюбленъ въ васъ?

Видя, что Софѣя Артуровна замолкла, припавъ къ ея плечу, Катенька снова спросила:

— Давно онъ васъ любитъ?

— Не спрашивайте объ этомъ, не мучьте меня!— бормотала Софья Артуровна, густо краснѣя.

— Я не помѣшаю вашимъ совѣщаніямъ?—раздался громкій голосъ Елены Артуровны, незамѣтно подошедшей къ сидѣвшимъ. Софья Артуровна слегка вскрикнула и, бросившись на шею сестрѣ, прошептала:

— Милая Нелли, ей все извѣстно!

— Что-же ей извѣстно?

— Тетя Софи мнѣ призналась, что папа ее любить!—сказала Катенька съ спокойнымъ вызовомъ.

— Бѣдное, бѣдное дитя! Она совсѣмъ лишилась разсудка!—сказала Елена Артуровна и тихо добавила Екатеринѣ Павловнѣ:—Милая Катя, я тебя умоляю, дождись меня здѣсь. Я только провожу несчастную Софи домой, вернусь и все объясню!

Катенька будто не соображала всей важности того, въ чемъ призналась Софья Артуровна. Она будто застыла и съ простымъ любопытствомъ только ждала, какъ все это можетъ объяснить тетя Нелли. Когда послѣдняя вернулась, Катенька продолжала сидѣть на той же скамейкѣ.

— Ты была, естественно, удивлена тѣмъ, что тебѣ говорила эта несчастная, —заговорила Елена Артуровна.—Но я тебѣ должна открыть, что на Софи иногда находить затменіе, нѣчто вродѣ сумасшествія, когда ей кажется, что всѣ въ нее влюблены. Это, конечно, простая случайность, что она назвала Павла Ильича, а не перваго изъ знакомыхъ мужчинъ, хотя бы Сережу, Вейса или того же Зотова. Мы тщательно скрывали эти ея состоянія, но сегодня не досмотрѣли,—и вотъ ты вся въ волненіи...

— Она говорила искренно и съ большимъ чувствомъ,—промолвила Катенька задумчиво.

— Но она искренно и вѣрить тому, что выдумываетъ ея больной мозгъ.

Екатерина Павловна недовѣрчиво покачала головой, а Елена Артуровна продолжала настойчиво и убѣдительно:

— Ты стала какая-то страшная, Катя! Почему ты больше вѣришь сумасброднымъ словамъ душевно-больной, нежели мнѣ, которая никогда не обманывала твоего довѣрія? Наконецъ, ты можешь спросить у отца.

— Я это и сдѣлаю!—отвѣтила Катенька и поднялась со скамейки.

XXIII.

Павель Ильичъ нѣсколько удивился, когда въ его комнату легкою стопою вошла дочь его Катенька и, сѣвши въ кожаное кресло по другую сторону стола, сказала весело, но значительно:

— Я какъ-то давно не видѣла тебя, папа; можно подумать, что мы съ тобою разошлись, или въ ссорѣ, но вѣдь это не такъ, не правда-ли? Мы все-таки съ тобою большіе друзья, какъ и прежде.

Яркое солнце падало на лицо Павла Ильича, сидѣвшаго напротивъ Катеньки, и она разсматривала, будто въ первый разъ видѣла, его пожелтѣвшія впалыя щеки, мелкія морщины около глазъ и незамѣчаемую ею прежде сѣдину въ вискахъ. Ей казалось, что за эти полгода онъ постарѣлъ лѣтъ на пять; его глаза смотрѣли устало и выцвѣли, будто долгое время смотрѣли лишь на блистающій снѣгъ, губы опустились съ выраженіемъ недовольнаго удивленія. Развѣ могъ этотъ человѣкъ начать новую жизнь, хотя-бы новую страницу своей жизни? Нѣтъ, самое большее, онъ могъ тихо и свято перечитывать прочтенныя главы. Она такъ.

занялась разглядываніемъ своего отца, что почти забыла, зачѣмъ пришла. Ея внимательность не ускользнула отъ взора Павла Ильича...

— Что ты на меня такъ смотришь, Катенька?— сказалъ онъ.—Мы теперь, дѣйствительно, рѣже бываемъ вдвоемъ. Но это, конечно, нисколько не мѣняетъ нашихъ отношеній. Я по-прежнему тебя люблю и очень радъ, что ты вздумала зайти ко мнѣ.

Говоря, онъ все время постукивалъ рукою по столу, и то, что рука его была маленькая, худая, желтая, что она такъ почти автоматически стучала по выгорѣвшему зеленому сукну письменнаго стола, казалось Катенькѣ особенно трогательнымъ. Ей казалось почти невозможнымъ спросить у отца, что у него происходитъ съ Софьей Артуровной, какіе разговоры они ведутъ по ночамъ и какое значеніе во всемъ этомъ имѣетъ старшая госпожа Ламбергъ.

— Все, что ты говорилъ, папа, правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть какая-то переменна въ тебѣ. А можетъ быть, и во мнѣ. Ты помнишь, прежде, когда мы съ тобой сходились, сердца наши какъ-то открывались другъ другу и почти безъ словъ другъ друга понимали. У меня отъ тебя не было тайнъ,—не только чувства, но предчувствія чувствъ я тебѣ повѣряла. Помнишь, какъ я тебѣ говорила про самое начало любви къ Андрею Зотову? Тенерь ужъ, не скрою, у меня есть тайны, и мнѣ даже въ голову не приходитъ открыть ихъ тебѣ. Мнѣ кажется, и у тебя не мало такихъ тайнъ...

— Особенныхъ тайнъ у меня нѣтъ, и, по-моему, вся эта разница, о которой ты говоришь, только кажущаяся и временная. А въ сущности, все осталось по-прежнему.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, не говори! Я скажу тебѣ боль-

ше: ты измѣнился даже въ самомъ цѣнномъ, что насъ связывало, именно въ отношеніи къ покойной мамѣ. Я знаю, ты скажешь, что память о ней теперь возведена, такъ сказать, въ культъ. Ты самъ объ этомъ не упоминалъ, но объ этомъ достаточно говорятъ объ тетушки, и все будто-бы совершается такъ, какъ-бы хотѣла она, но на самомъ дѣлѣ, кто можетъ знать ея волю? А вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняешь-ли ты вѣрность не той отвлеченной усопшей, волю которой ты претендуешь исполнять, а нашей живой, простой и милой мамы, со слабостями и страстями, какою мы ее помнимъ и какою она и должна сохраняться въ нашей памяти?

Павель Ильичъ вдругъ страшно заволновался и, переставъ стучать по столу, долго молчалъ, внимательно глядя на дочь. Наконецъ, произнесъ съ видимымъ спокойствіемъ:

— Какъ странно ты говоришь, Катя! Какъ будто-ты что знаешь или предполагаешь. Или какъ будто хочешь меня упрекнуть въ чемъ-то?

— Я тебя ни въ чемъ не упрекаю. Ты поступаешь такъ, вѣроятно, потому, что иначе поступить не можешь. А я ничего не знаю и далека отъ всякихъ предположеній. Я говорю то, что вижу, что чувствую; можетъ-быть, я огорчена этимъ, но я нисколько тебя не упрекаю.

Павель Ильичъ поднялся и, подойдя къ дочери, сказалъ почти торжественно:

— Одно помни, Катя: что-бы ты ни узнала, что-бы ты ни предположила, я не измѣню той, которую ты хранишь въ своемъ сердцѣ, потому что любовь побѣждаетъ смерть.

Послѣднія слова онъ сказалъ очень громко, и почти тотчасъ вслѣдъ за ними раздался стукъ въ двери, и

вошла Елена Артуровна съ разорваннымъ конвертомъ въ рукѣ. Ея глаза не были заплаканы, голосъ звучалъ, можетъ быть, еще суше и отчетливѣе, чѣмъ обычно, но въ немъ слышалась надтреснутая металлическость, когда она почти равнодушно заявила:

— Простите, что я прервала вашъ разговоръ: сейчасъ только я получила извѣстіе о большомъ несчастіи. Самуиль Михайловичъ Вейсъ умеръ отъ разрыва сердца, сейчасъ... Это было для всѣхъ большой неожиданностью. Еще сегодня утромъ я была у него и долго бесѣдовала... Несчастный молодой человѣкъ теперь совершенно одинокъ. Конечно, къ нему пріѣдутъ родственники, но онъ ихъ почти не знаетъ, и самыми близкими людьми оказываемся мы, я и ты, Катя! Намъ необходимо ему помочь. Я, разумѣется, сію минуту пойду туда, но совѣтовала-бы и тебѣ зайти къ нему сегодня же. Это даже прямая христіанская обязанность.

— Конечно, конечно, Катя, ты должна сходить къ нему... Но бѣдный Самуиль Михайловичъ! Какъ-же это такъ вдругъ?

— Онъ давно былъ боленъ!—отвѣтила тетя Нелли.— А послѣднее время онъ очень скучалъ о покойной женѣ и волновался.

— Такъ что Яковъ Самуиловичъ сдѣлался очень богатымъ?—некстати вставила Катенька, почему-то подозрительно взглянувъ на тетку.

— Очевидно. Но онъ совсѣмъ объ этомъ не думаетъ.

— Зато другіе думаютъ! Можетъ быть, слишкомъ думаютъ и о немъ, и о разныхъ волненіяхъ богатыхъ вдовцовъ... А волноваться это такъ опасно, если имѣешь большое сердце.

— Что ты хочешь этимъ сказать, Катя?

— Ахъ, почему я знаю?—вскрикнула Катенька.—

Оставьте меня въ покоѣ.—Я пойду вечеромъ къ Якову Вейсу, чего же вамъ больше?.. Но что изъ этого выйдетъ, я не знаю.

XXIV.

Яковъ Вейсъ стоялъ безъ шляпы вмѣстѣ съ Еленой Артуровной у черныхъ воротъ своей дачи, которая теперь казалась еще болѣе занавѣшенной, чѣмъ когда-бы то ни было, и откуда не неслись болѣе звуки рояля. Увидя приближавшуюся Екатерину Павловну, онъ быстро пошелъ къ ней навстрѣчу, какъ былъ, безъ шляпы, и рыжіе волосы его, развѣваясь отъ быстрой ходьбы, подчеркивали блѣдность лица. Онъ началъ говорить сбивчиво, все время держа Катеньку за руки. Она ихъ не отнимала—изъ нежеланія-ли обидѣть разстроеннаго молодого человѣка или просто по забывчивости, и задумчиво смотрѣла поверхъ его глазъ, словно не слыша взволнованныхъ словъ его.

— Какъ я радъ, какъ я радъ, дорогой другъ, что вы пришли, отозвались на мое несчастье... Потому что я только теперь понимаю, что, дѣйствительно, это для меня большое несчастье. Я былъ увѣренъ, что вы придете и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вѣрилъ этому; увѣренъ былъ, потому что Елена Артуровна мнѣ такъ сказывала, а не вѣрилъ, потому что мнѣ слишкомъ дорогъ вашъ приходъ и я боялся разочарованія, которое было бы слишкомъ жестоко.

— Какъ вы могли думать, что я не приду? Даже если-бы мы не были въ хорошихъ отношеніяхъ, не были-бы друзьями, я бы все-таки пришла къ вамъ въ такую минуту, а вы не имѣете причинъ не считать меня своимъ другомъ.

— Вы меня любите? Скажите, вы меня любите? Вѣдь

это правда—то, что говорила мнѣ Елена Артуровна?

— Ахъ, вотъ какъ!..— произнесла Катенька.

Но въ эту минуту разговоръ прекратился, такъ-какъ они подошли къ чернымъ воротамъ, гдѣ ихъ ждала, скорбно улыбаясь, госпожа Ламберъ.

— Ты войдешь въ домъ? тихо спросила она.

— Я не знаю. Какъ надо, какъ лучше, я такъ и сдѣлаю.

— Видишь ли, онъ очень разстраивается дома. Нужно какъ можно больше удалять его отъ тѣла, а ты можешь это сдѣлать лучше всѣхъ. Ты бы пошла съ нимъ въ паркъ.

— Я сдѣлаю, какъ вы хотите!—отвѣтила Катенька и, обратясь къ молодому Вейсу, сказала:—вы меня простите, Яковъ Самуиловичъ, я къ вамъ не зайду, я сама недавно поправилась, и мнѣ нужно избѣгать волненій, какъ и вамъ, мнѣ кажется. Потому возьмите свою шляпу и поидемте погулять, тѣмъ болѣе, что тамъ наша помощь и присутствіе, къ сожалѣнію, бесполезны...—Вы ему сказали, будто я его люблю?—обратилась она къ госпожѣ Ламберъ, какъ только Яковъ Вейсъ отошелъ настолько, чтобы не слышать ихъ словъ.

— Да, я это сказала.

— Но вѣдь это неправда!

— Нѣтъ, это правда. Ты его любишь.

— Что же, я сама не знаю, кого я люблю, кого не люблю?

— Да, ты сама не знаешь этого.

— А вы знаете это за меня?

— Да, знаю за тебя.

— Странно!

— Ничто не было бы страннымъ, если бы ты не упрявилась, лучше знала сама себя и не была бы похожа на камышъ, который гнется отъ каждаго вѣтра.

Катенька только пожала плечами. Впрочемъ, отвѣчать было бы и неудобно, потому что къ нимъ уже подходилъ Яковъ Самуиловичъ, на этотъ разъ въ соломенной шляпѣ и даже въ перчаткахъ.

— Вотъ я и готовъ,—сказалъ онъ.

— Такъ идемте.

— А я пойду въ домъ, посмотрю, не нужны ли тамъ мои услуги,—окончила тетя Нелли.

Екатерина Павловна взяла себя въ руки и, забывъ о неприязни къ госпожѣ Ламберъ и къ ея протѣжѣ, стала говорить съ Вейсомъ, какъ съ маленькимъ или съ больнымъ, т.-е. обо всемъ, только не о томъ, что его интересовало и волновало. Наконецъ, уставъ отъ ходьбы, они сѣли въ отдаленной части парка, почти не посѣщаемой гуляющими.

— Я вамъ очень благодаренъ, Екатерина Павловна,—заговорилъ Яковъ Самуиловичъ.—Вы меня стараетесь развлекать, успокаивать и, вѣроятно, поэтому избѣгаете говорить о томъ, что мною теперь исключительно владѣть. Но вы не подозрѣваете, конечно, насколько меня разстраиываетъ это умолчаніе.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—промолвила Екатерина Павловна не совсѣмъ дружелюбно.

— О моемъ и вашемъ чувствѣ, конечно!

— Яковъ Самуиловичъ, не будемте теперь говорить объ этомъ. Развѣ вы находите настоящее время подходящимъ для такихъ разговоровъ?

— Именно теперь, именно теперь я хочу говорить объ этомъ!..

— Но поймите же, что я-то не хочу объ этомъ слышать... Потому что какъ-бы вы ни были увѣрены въ справедливости словъ Елены Артуровны, но я васъ увѣряю, я вамъ клянусь, что кромѣ дружескихъ чувствъ у меня нѣтъ къ вамъ никакихъ другихъ.

— Этого не может быть! И я вас умоляю выслушать меня. Теперь, именно теперь! Вы понимаете, как важна для меня эта минута.

И, взявши за руку, онъ снова усадилъ на скамью, вставшую было Катеньку.

— Хорошо, я вас выслушаю, говорите!—сухо сказала Екатерина Павловна, рѣшивши не поддаваться ни жалости, ни таинственнымъ настроеніямъ, ни болѣзненной чувствительности своего собесѣдника.

— Этого не может быть, потому что мы не напрасно связаны судьбою. Мы предназначены другъ для друга,— это уже не только слова Елены Артуровны. А помните тотъ вечеръ, тотъ концертъ, когда мнѣ сдѣлалось дурно,—я отлично знаю, что въ ту же минуту и вы упали въ обморокъ. А наша болѣзнь, которая кончилась день въ день! Это уже не слова Елены Артуровны,—это настоящее событіе, которое доказываетъ, какую нѣжною и тончайшею связью связаны наши души... Поймите, я умру, если вы меня отвергнете.

Катенька слушала молча, погружаясь въ какую-то полудремоту, и знакомое чувство легкости, отрѣшенности отъ тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то тяжести, окаменѣлости во всѣхъ суставахъ, во всѣхъ членахъ неприятно поразило ее. Это было опять то чувство, послѣ котораго ей хотѣлось выкупаться въ холодной рѣчкѣ, проскакать верхомъ въ вѣтеръ, слышать громкіе голоса, поѣхать съ Андреемъ и Сережей на скачки.

„Не надо поддаваться, не надо поддаваться,—думала она.—Я почти освобождена, еще одно усиліе—и я избавлюсь и отъ Вейса, и отъ страшной госпожи Ламберъ, и отъ того призрака, который царитъ у насъ въ домѣ. Я живая и хочу жить, и буду жить, потому что я такъ хочу“.

Какъ сквозь воду до нея доносился голосъ Якова:

— И нашей любви, нашей связи хочеть ваша покойная обожаемая вами мать!..

— Ложь, ложь, ложь! — вскричала вдругъ Катенька.— Это подлая фантазія, и больше ничего!— И я клянусь безсмертіемъ своей души, своимъ отцомъ и братомъ, этими деревьями, этою зарею, этой травой, всѣмъ, всѣмъ, что есть настоящаго, живого, живущаго, безсмертнаго,— я клянусь, что вы меня видите послѣдній разъ. Если вы меня любите, то слушайте меня хорошенько,— потому что вы не услышите больше моего голоса никогда...

Но любилъ или не любилъ Яковъ Вейсъ Екатерину Павловну,— онъ не могъ слушать ее, потому что былъ въ глубокомъ обморокѣ.

XXV.

Екатерина Павловна не убѣжала одна домой, оставивъ разъ навсегда постылаго ей вздыхателя. Она поневолѣ должна была, зачерпнувъ воды изъ ближайшей канавы, привести его въ чувство и потомъ съ нимъ же потихоньку, шагъ за шагомъ возвращаться домой. Всю дорогу они ничего не говорили, и только дойдя до чугунныхъ воротъ, Яковъ Самуиловичъ произнесъ:

— Вы, конечно, къ намъ не зайдете, Екатерина Павловна?

Катенька молча покачала головой отрицательно.

— Вы, конечно, поступите, какъ вамъ угодно, но знайте одно: что вы неправы и что я ничѣмъ не заслужилъ подобной жестокости.

Катенька пожала плечами и медленно пошла прочь отъ дельфиновъ съ поднятыми хвостами. Яковъ Самуиловичъ печально смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась за поворотомъ, потомъ тихо направился къ

своему дому съ занавѣшенными окнами. Выходило такъ, будто и дѣйствительно слова, произнесенныя Катенькой тамъ на далекой лужайкѣ въ паркѣ, были послѣдними словами, которыя онъ слышалъ отъ нея... А вмѣстѣ съ звуками ея голоса замолкалъ для него и голосъ послѣдней надежды на счастье и радость.

Катенька же шла, хотя и медленно, но бодро, вся поглощенная одною мыслью: скорѣй, скорѣй набавиться отъ того, отъ чего она начала освобождаться; и ей казалось, что нужно собрать всю энергію, всю силу, всѣ мысли, всѣ желанія въ одно послѣднее усиліе и не ослабѣвать до конца. Она опредѣленно не знала, куда нужно направить это усиліе, но готова была устремить его на перваго человѣка, на ближайшее обстоятельство, на все, что могло служить помѣхой предчувствуемой свободѣ. Бодрость въ ней съ каждымъ шагомъ увеличивалась, походка дѣлалась крылатой, лицо свѣтлѣло, и когда она легкими шагами подымалась по лѣстницѣ балкона, она уже не могла сдержать радостной улыбки. Ей представлялось страннымъ: неужели эти мрачныя стѣны, эти полутемныя комнаты, удушливый воздухъ нельзя сдѣлать другими, совсѣмъ другими, а если нельзя, то развѣ трудно покинуть ихъ сейчасъ-же и навсегда выйти изъ этого затона туда, гдѣ ходитъ вѣтеръ, восходитъ и заходитъ солнце, бываютъ радостные дни и сладостныя ночи, мечтательные вечера и бодряя утра, гдѣ все плѣнительно обыкновенно, гдѣ ходятъ, любятъ, говорятъ громкими голосами живые люди, оставивъ мертвымъ оплакивать своихъ мертвецовъ? Войдя въ полутемную отъ сумерекъ гостиную, она не замѣтила небольшой фигуры у занавѣшеннаго кисеей окна.

— Это вы, Катенька? — окликнула ее Софья Артуровна, не двигаясь съ мѣста.

— Кто это? — Ахъ, я васъ и не замѣтила сначала, тетя Софи. Что вы здѣсь дѣлаете одна? мечтаете? Я думала, вы съ тетей Нелли пошли къ Вейсу. А Сережа у себя наверху? Чудная погода сегодня, отчего вы не въ саду?

Софья Артуровна молчала, но Катенька съ той-же улыбкой подошла къ ней и, взявши ее за руку, продолжала:

— Но, милая тетя, нельзя-же быть такой меланхоличной. Вамъ очень скучно у насъ,— не правда ли? Вы мало видите людей и рѣдко выходите изъ дому. Это всегда печально.

— Вы сегодня въ духѣ, Катенька!

— Я теперь буду всегда такою. Сегодня большой день.

— Я хотѣла поговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ,— сказала Софья Артуровна.— Еще съ тѣхъ поръ, какъ мы говорили съ вами въ саду, — помните, — это меня мучаетъ... Вы, конечно, меня не выдадите. Это не должно быть извѣстно другимъ, но вы должны это знать. Мнѣ жалко признаться именно сегодня, когда вы такъ радостны, но потомъ, можетъ-быть, не представится случая. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Милая тетя, сегодня мою радость едва-ли что можетъ нарушить, но можетъ случиться, что, открывшись, вы будете потомъ жалѣть объ этомъ, — тогда лучше не говорить, я не любопытна. Я знаю и такъ-слишкомъ много непріятнаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, Катя, я должна это сдѣлать, ты мнѣ окажешь большое одолженіе, выслушавъ меня.

— Что-жъ, тетя, говорите. Насъ никто не слышитъ... Софья Артуровна помолчала.

— Я не знаю, какъ начать... Я скажу самое главное, чего ты не поймешь, и потомъ уже буду говорить

то, отъ чего тебѣ станетъ понятнѣе... Ты, конечно, не предполагаешь, Катя, не можешь этого предполагать... Я сдѣлалась любовницей твоего отца.

— Да?—беззвучно сказала Катенька.—Давно?

— Нѣтъ. Но не все-ли это равно? Я знаю, что это ужасно, ты меня можешь, должна ненавидѣть и презирать уже изъ-одной любви къ твоей покойной матери, но не прерывай меня, покуда не узнаешь всего... Это правда, что я любовница твоего отца, но я его нисколько не люблю, то-есть не люблю такой любовью... Я должна была такъ сдѣлать, потому что такъ хотѣла твоя мать.

— Моя мать? Что же, она при жизни выразила такое желаніе или, умирая, завѣщала отцу?..

— Нѣтъ, но вѣдь можно знать волю умершихъ, и мы знали.

Катенька улыбнулась и отвѣтила безъ гнѣва:

— Я никакъ не могла-бы на васъ сердиться, тѣмъ болѣе презирать васъ за то, что вы полюбили моего отца. Конечно, онъ достоинъ всякой любви, и вы оба люди совершенно свободные. Я бы могла огорчиться, что отецъ такъ легко позабылъ покойную маму,—это, конечно, такъ... Но если вы его не любите и онъ, по вашимъ словамъ, васъ не любитъ, тогда вся эта исторія принимаетъ иной характеръ, котораго, конечно, одобрить я не могу. Мнѣ это и чуждо, и непонятно, или, если хотите, очень понятно, но въ высшей мѣрѣ противно. Вы меня простите, но другого слова я не могу найти. Мнѣ васъ очень жаль, потому-что, по моему, здѣсь ваша воля не участвовала. Но выдавать за волю покойной мамы мелкія желанія постороннихъ намъ людей—это весьма безцеремонно. Можете быть покойны, я объ этомъ никому не скажу. И я вамъ очень

признательна за вашъ разсказъ, онъ совершенно опредѣлилъ мои будущіе поступки.

— Вы улыбаются, Катенька, вы говорите спокойно, а между тѣмъ, если бы вы знали, какъ жестоко то, что вы говорите! — сказала Софья Артуровна и тихонько заплакала.

Катенька пожала плечами и вышла изъ комнаты. Той же легкой и увѣренной походкой, такъ же улыбаясь, она вошла въ кабинетъ Павла Ильича, гдѣ горѣли уже свѣчи.

Она начала прямо, безъ всякихъ предисловія, какъ будто всѣ ея желанія, всѣ силы и воля укрѣпились и соединились для этого разговора. Когда она ослабѣвала, она вспоминала, что наверху сидитъ Сережа, конечно, сочувствующій ей, что въ Красномъ Селѣ — Андрей Семеновичъ, что стоитъ только выйти за дверь дома, какъ увидишь вечернее небо, — и силы ея вновь крѣпли, какъ передъ послѣднимъ сраженіемъ. Она старалась не глядѣть на отца, потому что знала, что эти сѣдые волосы, поблѣднѣвшее лицо, маленькія сухія руки пронзятъ ея сердце жалостью, и знала, что эта жалость будетъ губительна. Она чувствовала, что, сдѣлай она малѣйшую уступку, — и все, къ чему она стремится, уничтожится, разрушится.

— Ты меня прости, папа, но дѣло въ томъ, что мнѣ сдѣлалось почти невозможнымъ жить съ вами, — заговорила она. — Ты мнѣ позволъ вмѣстѣ съ Сережей жить отдѣльно. Такъ будетъ лучше для насъ всѣхъ. Не думай, чтобы я тебя перестала любить, но ты самъ понимаешь, о чемъ я говорю. Когда мы тебѣ понадобится, когда все будетъ опять по-старому, мы къ тебѣ вернемся съ тою же любовью, а теперь лучше намъ уѣхать.

— Можетъ быть, ты что-нибудь подозреваешь? — въ смущеніи промолвилъ отецъ.

— Я ничего не подозреваю и ничего не хочу знать, потому что все въ этомъ домѣ мнѣ стало противно,— ты понимаешь?

Павель Ильичъ поднялъ голубые выцвѣтшіе глаза и сказалъ тихо и жалобно:

— Ты мнѣ клянешься, что ничего не знаешь?

— А что я должна была бы знать? Я ничего не знаю, кромѣ того, что вижу своими глазами, — сказала Катенька и посмотрѣла въ упоръ на отца.

— Конечно, конечно, ты ничего не должна знать... И ты права, тебѣ лучше уѣхать... И Серелжъ тоже. Я устрою такъ, что положу достаточно денегъ на твое имя, чтобы ты не зависѣла отъ меня матеріально.

— Да, ты хорошо сдѣлаешь, если поступишь такъ. И повѣрь, что все скоро измѣнится. Ты снова захочешь насъ видѣть, узнаешь, что есть свѣжій вѣтеръ и холодная вода... Думай только чаще о живой мамѣ, о той, которую мы всѣ такъ любили... А теперь прощай; мы уѣдемъ завтра утромъ.

— Завтра я съѣзжу въ городъ и сдѣлаю все необходимое... Вы остановитесь на городской квартирѣ, надеюсь, я туда заѣду и сообщу тебѣ все о дѣлахъ.

— Спасибо!—отвѣтила Катенька дѣловито и потомъ добавила съ усмѣшкой: — кто бы могъ подумать, что воля покойной мамы будетъ состоять въ томъ, чтобы мы съ тобой разстались?..

Елена Артуровна до поздняго вечера была у Вейсовъ. Между тѣмъ Катенька поднялась наверхъ, долго говорила съ братомъ и потомъ, завершившись, стала собирать свои вещи. Постучавшаяся горничная подала ей запечатанный конвертъ, прибавивъ: „отъ Елены Артуровны“.

— А гдѣ же онѣ сами?

— Онъ внизу, очень просятъ отвѣта.

Въ письмѣ было написано:

„Милый другъ!

„Я не только удивлена, — я поражена, уничтожена твоимъ рѣшеніемъ. Я все знаю отъ Павла Ильича и Софи. Я понимаю, что на тебя сильно повліялъ сегодняшній разговоръ съ моей сестрой, но ты не можешь безъ нужныхъ объясненій давать оцѣнку всему совершающемуся. Мнѣ необходимо поговорить съ тобою. Я умоляю тебя не отказать мнѣ въ этомъ. Я уже не говорю о томъ, какъ ты отвѣтила на мою любовь, какъ ты поступила съ Вейсомъ, какъ ты поступаешь со всѣми нами послѣднее время. Ты это сама знаешь, но Богъ съ тобой. Есть гораздо большее преступленіе, гораздо большій грѣхъ, — это угашать въ себѣ духъ, который зажженъ не тобою, уничтожать свои лучшія силы и спорить съ высшею волею, которою всѣ мы ведемся“.

Катенька перечла письмо два раза и сказала ожидавшей горничной:

— Отвѣта не будетъ. Извинитесь передъ Еленой Артуровной и скажите, что я очень устала и ложусь спать. А мнѣ принесите холодной воды.

Потомъ, открывъ окно въ прозрачную зеленую ночь, она сказала громко:

— Пусть никогда не угаснетъ во мнѣ духъ жизни!

СКАЗКИ.

Посвящается ЮР. ЮРКУНУ.

Принцъ желаніе.

Давно, давно, — такъ давно, что этого не помню не только я, но и моя бабушка, и бабушка моей бабушки, въ тѣ времена, о которыхъ мы можемъ знать только изъ старыхъ книгъ, подѣденныхъ мышами и переплетенныхъ въ свиную кожу, — была страна Китай. Она, конечно, существуетъ и теперь и даже мало чѣмъ отличается отъ того, какою была тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ, но та исторія, которую я собираюсь рассказать, была очень давно. Нѣтъ надобности называть города, въ которомъ она произошла, а также упоминать названіе большой рѣки, тамъ протекавшей. Эти названія очень трудныя и вы, все равно, ихъ позабудете, какъ забываете урокъ географіи. Достаточно помнить, что рѣка эта впадала въ море, а у самаго устья былъ расположенъ богатый и многолюдный городъ, въ которомъ жилъ бѣдный рыбакъ по имени Не-пью-чай. Онъ говорилъ свободно по-китайски, какъ мы съ вами по-русски, обладалъ лодкой, сѣтями, имѣлъ раскосые глаза и синюю нанковую рубашку. Родители его давно уже умерли, жены и дѣтей не было, не было даже ни брата, ни сестры, только сѣти, да лодка, въ которой онъ лѣтомъ и спалъ, чтобы не тратиться на квартиру. Онъ былъ очень бѣденъ и притомъ безпеченъ, такъ что все, что выручалъ за дневной уловъ, въ тотъ же день проживалъ; такимъ образомъ, ни-

сколько не удивительно, что онъ былъ бѣденъ, какъ мышь. Да и то, у мышей есть запасы сыра, стеариновыхъ огарковъ и т. п., а у Непьючая не было рѣшительно ничего.

Однажды сѣти у него прорвались и вся рыба ушла обратно въ море. Значить, — прощай, денежки и вечерняя порція риса съ бобами! Непьючай очень огорчился и проворчалъ: „у другихъ людей есть домъ, отецъ съ матерью, или хоть друзья, куда они могутъ пойти въ случаѣ несчастья, а я куда дѣнусь? У другихъ есть крестные отецъ съ матерью, а у меня что? Только дырявая лодка, да драныя сѣти!“. Онъ толкнулъ лодку ногой, плюнулъ на песокъ и задумался. Но не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ изъ моря поднялся туманъ, все выше и выше и поплылъ на берегъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ находился несчастный Непьючай. Доидя до него, туманъ разсѣялся и передъ нашимъ рыбакомъ очутилась странная фигура вродѣ громадной лягушки, но съ человѣческой головой и шестью парами человѣчьихъ же рукъ... Непьючай не очень испугался, потому что китайцы любятъ ставить изображенія всякихъ чудовищъ, и рыбакъ къ нимъ привыкъ, но онъ очень удивился, когда морской уродъ, раскрывъ свою широкую пасть, заговорилъ по-китайски: „Чего тебѣ надо? О чемъ ты ворчишь?“

— Моя воркотня нисколько тебя не касается. Я жаловался на свою судьбу, — что у меня нѣтъ никакихъ родныхъ, кто-бы мнѣ помогъ.

— Ты стоналъ, что у тебя нѣтъ крестнаго, очевидно, не подозревая, что я — твой крестный.

— Ахъ, вотъ какъ? Очень пріятно познакомиться. Но отчего вы не появлялись до сихъ поръ и что вы можете дѣлать?

Чудовище улыбнулось и почесало рукою за ухомъ, которое было величиною съ добрый лопухъ.

— Я не появлялся потому, что до сихъ-поръ Непьючай не выражалъ желанія со мной знакомиться. А могу я все.

— Рѣшительно все?

— Рѣшительно все.

— Вы можете сдѣлать, чтобы сѣти мои стали опять крѣпкими?

— Могу.

— Можеть-быть, вы можете доставить мнѣ и новую лодку?

— Могу.

— Можеть-быть, вы можете такъ устроить, чтобы мнѣ вовсе не приходилось закидывать сѣти и трудиться, а можно было-бы имѣть свой домъ, жену, торговать шелкомъ, сидѣть спокойно въ прохладной лавкѣ и цѣлый день пить чай, а по вечерамъ играть въ пашки на балконѣ съ моими пріятелями?

Непьючай задавалъ такіе вопросы, никакъ не думая, что толстая лягушка сможетъ и это исполнить, но чудовище неизмѣнно отвѣтило: „Это сдѣлать очень не трудно, но не имѣешь ли ты еще желаній? Когда тебѣ меня будетъ нужно, ты приходи на это мѣсто и позови: крестный, а крестный!“.

— Хорошо. До свиданья, спокойной ночи!

Снова поднялся туманъ и заволокъ крестнаго, потому стали двигаться по направленію къ морю и исчезъ въ лунномъ свѣтѣ. Непьючай думалъ, что онъ видѣлъ сонъ, проспавъ отъ голода до глубокой ночи, но если онъ и не спалъ, то совершенно не вѣрилъ, что крестный исполнитъ свое обѣщаніе, потому что ничего не измѣнилось: такъ-же качалась дырявая лодка, валялись прорванные сѣти, и самъ рыбакъ такъ-же сп-

дѣлъ на камнѣ въ своей синей нанковой рубашкѣ.

Вдругъ онъ увидѣлъ нѣсколько человѣкъ ходившихъ по берегу, будто они чего-то искали; замѣтивъ рыбака, они подошли къ нему, почтительно поклонились и сказали: „Господинъ, вернись домой; неужели тебѣ не жалко огорчать свою супругу, родственниковъ и насъ, вѣрныхъ твоихъ слугъ своими непонятными капризами?“.

Непьючай подумалъ, что они обознались при невѣрномъ свѣтѣ луны и отвѣтили имъ: „Вы, вѣроятно, принимаете меня за кого-нибудь другого, потому что у меня нѣтъ ни дома, ни жены, ни родственниковъ и тѣмъ болѣе слугъ. Я — простой бѣдный рыбакъ“.

— Тебѣ все еще угодно упорствовать, почтенный Самъ-чинъ?

— Меня зовутъ не Самъ-чинъ и я отродясь не былъ почтеннымъ. Повторяю, я не болѣе какъ нищій рыбакъ и зовутъ меня Непьючай.

— Мы не будемъ съ тобою спорить, но не откажись послѣдовать за нами и, можетъ-быть, память вернется въ твой разумъ.

Рыбакъ подумалъ, не исполняется-ли уже обѣщаніе крестнаго, и спросилъ:

— Ну хорошо, если я—Самъ-чинъ, а не Непьючай, то скажите мнѣ, гдѣ мой домъ и чѣмъ я занимаюсь?

— Ты самъ это хорошо знаешь: ты богатый торговецъ шолкомъ, у тебя двѣ прохладныхъ лавки на базарѣ и домъ на берегу моря, гдѣ по вечерамъ ты сидишь на балконѣ и играешь въ шашки со своими друзьями, у тебя красивая молодая жена, у которой одинъ изъ самыхъ маленькихъ ножекъ всего города; твои почтенные родственники и вѣрные слуги всегда крайне огорчаются и беспокоятся, когдана тебя находятъ болѣзнь и ты теряешь память и не узнаешь ихъ.

— А со мной это уже не разъ бывало?

— Съ нѣкоторыхъ поръ каждое полнолуніе: конечно, это дѣйствіе луны, больше ничего.

Теперь Непьючай не только убѣдился, что все это— дѣло рукъ крестнаго, но даже сталъ подумывать, и въ правду не Самъ-чинъ-ли онъ. Онъ охотно пошелъ за людьми, которые привели его въ благоустроенный домъ съ садомъ и балконами, гдѣ его встрѣтили остальные слуги, почтенные господа, оказавшіеся его родственниками и, наконецъ, вышла молодая женщина въ богатомъ платьѣ. Она была маленькаго роста, по китайскому обычаю сильно набѣлена и нарумянена, глаза ея косили; забинтованныя ножки на деревянныхъ подставкахъ еле передвигались, а крошечныя ручки съ трудомъ шевелили раскрашеннымъ вѣромъ. Таковы китайскія красавицы — и потому неудивительно, что нашему рыбаку она показалась чудеснымъ видѣніемъ. Она бросилась ему на шею и пролепетала тоненькимъ голоскомъ, какъ у десятилѣтней дѣвочки: „медовый мой Самъ-чинъ, звѣзда моего сердца, наконецъ-то ты вернулся ко мнѣ, твоей маленькой Міау-міау. Теперь ты останешься навсегда съ нами, а когда на тебя будутъ находить печальныя мысли, я буду играть тебѣ на флейтѣ пѣсенки золотыхъ комаровъ“.

Непьючай не заставилъ себя просить и поселился въ приморскомъ домикѣ съ садомъ, ведя образъ жизни именно такой, какой хотѣлъ. Днемъ онъ сидѣлъ въ прохладной лавкѣ и пилъ чай, слушая базарныя новости, по вечерамъ или игралъ въ шашки на балконѣ съ пріятелями, или гулялъ по миндальному саду, или слушалъ какъ Міау-міау играла тихонько на флейтѣ пѣсни золотыхъ комаровъ, а рыбки въ бассейнѣ, высовывая свои головы на лунный свѣтъ, слушали ея музыку и будто танцовали.

Такъ прожилъ онъ нѣкоторое время въ покоѣ, но потомъ опять сталъ томиться желаніями. Конечно, теперь ему легче было ихъ исполнять, нежели когда онъ былъ нищимъ рыбакомъ, но все-таки онъ не разъ прибѣгалъ къ помощи крестнаго, который никогда ему не отказывалъ. Сначала онъ хотѣлъ все богатѣть, завелъ восемь лавокъ, купилъ еще четыре дома, въ которыхъ жилъ по очереди, разбилъ диковинные сады, въ которыхъ цвѣли цвѣты въ тѣ именно мѣсяцы, когда цвѣсти имъ не полагается, зимою зрѣли дыни и ананасы, а въ февралѣ, когда снѣгъ еще не сошелъ съ полей, цвѣли вишни, миндали и персики. Ему надоѣло слушать, какъ его жена играетъ на флейтѣ и онъ завелъ цѣлый хоръ флейтистокъ, которыя играли по вечерамъ и во время обѣдовъ. У нихъ у всѣхъ были нелѣпныя имена: Муръ-муръ, Шуръ-шуръ, Брысь-на-поль, и др. Онѣ умѣли играть пѣсни и веселыя, такъ-что не только рыбки въ бассейнѣ, а даже бронзовыя изображенія лягушекъ начинали танцовать, и печальныя, такъ что всѣ деревья и кусты опускали листья книзу и съ нихъ капали серебряныя слезы, а розы и тюльпаны задумчиво качали головами, — и много другихъ пѣсенъ знали эти флейтицы, такъ что, если бы слушать по пѣснѣ въ день, ихъ хватило бы на три года. Крыши и балконы своихъ домовъ онъ увѣсилъ колокольчиками, которые утромъ звенѣли весело, а вечеромъ печально. Въ птичникѣ у него были заморскіе фазаны и пестрые павлины, отъ которыхъ нельзя было отвести взора. У него были карлики, масса драгоценныхъ камней и золотые носилки съ зелеными занавѣсками, на которыхъ его носили изъ дому въ домъ, изъ лавки въ лавку, потому-что пѣшкомъ онъ ходилъ только по своему саду.

Наконецъ все это ему надоѣло и онъ захотѣлъ ви-

дѣть, какъ живутъ люди въ чужихъ краяхъ. Онъ путешествовалъ семь разъ и объѣздилъ весь свѣтъ. Онъ побывалъ и въ Японіи, и въ Индіи, и въ Персіи, гдѣ цвѣтутъ чудесныя розы, а въ дикихъ горахъ охотники скачутъ за тиграми; онъ побывалъ и въ Египтѣ, гдѣ крокодилы спятъ въ тростникѣ, похожіе на мокрыя бревна; онъ доѣзжалъ даже до Англіи, гдѣ полгода ничего не видно отъ тумана, а канарейки дѣлаются сѣрыми отъ сажки, которая вѣчно летитъ изъ трубъ. Но объѣхавъ весь міръ, Непьючай нашелъ, что вездѣ люди одинаковы и что все-таки лучше тамъ, гдѣ родился. Тогда онъ сталъ искать власти. Съ помощью крестнаго онъ сдѣлался чиновникомъ, которые имѣютъ больше всего власти въ Китаѣ. Мы не будемъ описывать, какъ онъ возвышался со ступеньки на ступеньку и получалъ все больше и больше шишечекъ. Въ Китаѣ по шишечкамъ отличаютъ большую или меньшую заслуженность и почтенность служилыхъ людей. Онъ сдѣлался правой рукой Богдыхана и имя его было увѣковѣчено многими поэтами, которые воспѣвали его мудрость, разсудительность и богатство.

Однажды, послѣ веселаго праздника, Непьючай вернулся къ себѣ во дворецъ, и, такъ-какъ ему не спалось, то онъ вышелъ на балконъ и сталъ слушать, какъ въ кустахъ пѣлъ соловей, и онъ подумалъ: „Конечно, я теперъ и богаче, и знаменитѣй, и сильнѣе любого человѣка въ мірѣ. Но отчего я отъ этого не чувствую никакой радости? Если вспомнить, какъ въ первый разъ меня привели въ домъ торговца шелкомъ и приняли за хозяина, то, конечно, это была одна изъ самыхъ счастливыхъ минутъ моей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этой-то минуты и началось то, что съ каждымъ днемъ я радуюсь все меньше и меньше. Я думаю это оттого, что мнѣ нечего желать. Я знаю, что

лишь чего только я пожелаю, все сейчас-же исполнится; потому мнѣ даже не хочется и желать. Даже тогда, когда у меня была всего одна дырявая лодка и рванья сѣти, я и тогда былъ веселѣе: я тогда беззаботно пѣлъ, а теперь я не помню даже, когда послѣдній разъ улыбнулся. Это, конечно, очень печально, но поправить этого нельзя“.

Вдругъ изъ глубины сада до Непьючая донесся голосъ: „все можно поправить“.

Непьючай подумалъ, что онъ ослышался и еще разъ повторилъ:—„едва-ли это можно поправить“.

А голосъ ему снова отвѣтилъ: „все можно поправить“.

Непьючай подумалъ, что это одинъ изъ попугаевъ, которые были у него развѣшаны въ клѣткахъ по саду, безмысленно повторяетъ слова какого-нибудь изъ слугъ. Но голосъ былъ некрикливый, какъ у попугая, а нѣжный и густой, будто вѣтеръ задѣвалъ большой бронзовый колокольчикъ, или музыкантъ проводилъ смычкомъ по высокимъ струнамъ виолончели. Онъ казался среднимъ между голосомъ мужчины и голосомъ ребенка. Тогда Непьючай подобралъ свой халатъ и спустился съ балкона въ садъ, чтобы посмотрѣть, кто съ нимъ разговариваетъ. Такъ какъ садъ былъ рѣдокъ по китайскому обычаю и при томъ ярко освѣщенъ луной, то скрыться тамъ было негдѣ, кромѣ одного мѣста—фарфоровой бесѣдки, помѣщавшейся въ правомъ углу сада. Къ ней-то и направился Непьючай, чтобы разъяснить свои сомнѣнiя. Остановясь передъ рѣзною мѣдною дверью, онъ повторилъ: „едва-ли это можно поправить“, а изъ-за двери ему отвѣчали:—„все можно поправить“. Тогда Непьючай вошелъ въ бесѣдку и увидѣлъ тамъ мальчика лѣтъ 16, совсѣмъ голаго, который сидѣлъ на коврѣ и горько плакалъ.

Непьючай такъ этому удивился, что позабылъ даже, о чемъ онъ хотѣлъ спрашивать. Онъ подошелъ къ плачущему и сказалъ:—„зачѣмъ ты здѣсь, и кто тебя обидѣлъ? На тебя, конечно, напали воры и украли твое платье, а ты черезъ заборъ скрылся отъ нихъ въ мой садъ?“ Мальчикъ ничего не отвѣчалъ и только плакалъ. Тогда Непьючай еще разъ спросилъ:—„ты, можетъ-быть, нѣмой или глухой? Я тебя спрашиваю, кто тебя обидѣлъ?“

— Ты меня обидѣлъ.

— Чѣмъ же я могъ тебя обидѣть? Я тебя вижу въ первый разъ.

— Ты меня обидѣлъ тѣмъ, что отъ себя удалилъ.

— Развѣ ты у меня служилъ? Я тебя не помню.

— Смотри на меня хорошенько, неужели ты меня не узнаешь?

Онъ повернулъ къ Непьючаю свое круглое лицо съ большими черными глазами, но какъ Непьючай ни всматривался въ него, онъ не могъ вспомнить, чтобы гдѣ-нибудь его видѣлъ. Тогда мальчикъ произнесъ:

— Конечно, ты могъ меня забыть: мы уже лѣтъ двадцать, какъ не видѣлись.

— Сколько же тебѣ лѣтъ? Тебя и на свѣтѣ-то не было двадцать лѣтъ тому назадъ.

Мальчикъ улыбнулся и сказалъ:

— Мнѣ всегда столько-же лѣтъ, потому что я принцъ—Желаніе. И я—твое желаніе. Я всегда былъ съ тобою, только ты меня не видѣлъ, а когда твой крестный сталъ исполнять всѣ твои прихоти, мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти отъ тебя. Оттого я плачу, что ты меня позабылъ. У всякаго человѣка есть такой принцъ, у всякаго свой. Мы радуемся и бережемъ васъ, пока вы насъ любите и пока въ васъ не изсякаютъ желанія. Когда же вы, успокоившись,

отвернетесь отъ насъ, мы плачемъ и покидаемъ васъ. Посмотри на меня: неужели тебѣ не стыдно промѣнять меня на несчастную лягушку--твоего крестнаго?

Непьючай не зналъ, что подумать; онъ забылъ о своемъ дворцѣ, о своемъ чинѣ, а сдѣлался будто по прежнему рыбакомъ, которому *захотѣлось* утѣшить этого принца. Онъ спросилъ у мальчика:

-- А что нужно сдѣлать, чтобы опять быть съ тобою?

-- Ты уже это сдѣлалъ, потому что ты *захотѣлъ* меня утѣшить, но знай, что этимъ самымъ ты лишаешься покровительства крестнаго и дѣлаешься прежнимъ Непьючаемъ. Подумай, какъ это будетъ весело: я всегда буду съ тобою, только ты меня не будешь видѣть, а въ знакъ мира дай я тебя поцѣлую.

Онъ вскочилъ на ноги, какъ коза, и поднявшись на цыпочки, поцѣловалъ Непьючая въ губы, а когда тотъ опомнился, то ни принца, ни бесѣдки, ни сада, ни дворца,—ничего не было, а самъ Непьючай въ нанковой рубашкѣ сидѣлъ на камнѣ у моря, передъ нимъ качалась дырявая лодка и лежали разорванныя сѣти.

Непьючай закрылъ глаза, думая, что онъ видитъ сонъ, но когда онъ ихъ открылъ, все оставалось по-прежнему. И сколько онъ ни закрывалъ глазъ, ни открывалъ ихъ, ничто не измѣнялось. Такъ онъ просидѣлъ до разсвѣта, все еще не вѣря перемѣнѣ своего положенія. Когда уже онъ убѣдился, что все потеряно, онъ попробовалъ позвать крестнаго. Но крестный не появлялся. Непьючай почувствовалъ голодъ и сталъ прилаживать свои сѣти, чтобы ихъ чинить. Онъ ихъ чинилъ и ворчалъ: „дорого-бы я далъ, чтобы встрѣтить опять этого мальчишку, — онъ бы узналъ, что значить плетка и не такъ бы еще заревѣлъ“.

Таково было послѣ двадцати лѣтъ первое желаніе благодарнаго рыбака.

Рыцарскія правила.

Въ густомъ лѣсу стоялъ замокъ Гогенрегель, окруженный рвами и бойницами. Тамъ жилъ старый графъ, старая графиня и ихъ молодой сынъ Ульрихъ. Жили они просто, какъ жилали отцы и дѣды. Въ молодости старый графъ не разъ ходилъ на войну съ своимъ королемъ и дома усмирялъ взбунтовавшихся бродягъ и разбойниковъ. Теперь онъ занимался только охотой, а графиня Матильда блюла хозяйство или вышивала ризы и пелены для сосѣдней церкви. Ульрихъ былъ ихъ послѣднимъ сыномъ. Молодому графу было всего 16 лѣтъ. Сестеръ у него не было, а старшіе два брата почилы въ бояхъ. Ульриха воспитывали въ добрыхъ старинныхъ правилахъ и онъ росъ юношей храбрымъ, благочестивымъ и послушнымъ. Всего больше онъ любилъ, возвратясь съ охоты, сѣсть на маленькую скамейку у ногъ матери и слушать, какъ та поетъ подъ арфу старыя пѣсни о рыцаряхъ, королевскихъ дочеряхъ, феяхъ и Дѣвѣ Маріи. У Ульриха были длинныя золотистыя кудри, голубые глаза и маленькій розовый ротъ, но если лицомъ онъ и былъ похожъ на дѣвущку, то духъ у него былъ мужественный и воинственный.

Когда ему минуло 17 лѣтъ, онъ сказалъ отцу, что ему неприлично сидѣть все время за печкой и что онъ хочетъ, какъ отцы и дѣды, пойти по бѣлому свѣту

искать счастья, показать свою удаль и прославить рыцарское званіе. Отцу было жалко оставаться вдвоемъ съ графиней Матильдой въ старомъ замкѣ, но онъ, какъ добрый рыцарь, понималъ Ульриха и сталъ снаряжать его въ путь. Когда уже осѣдланные кони ржали на дворъ, а люди, которые должны были ѣхать съ Ульрихомъ, сидѣли уже въ сѣдлахъ, старый графъ подозвалъ сына и сказалъ ему:

— Сынъ мой, ты отлично знаешь всѣ рыцарскія правила, но въ пути бываютъ такіе случаи, когда нѣтъ времени вспоминать всѣ предписанія. Помни только главное: освобождай угнетенныхъ, не воруй, не лги и не допускай несправеднаго суда. Остальное все придетъ само собою. Теперь прощай. Богъ вѣсть, увидимся-ли мы въ этомъ мірѣ. Мое благословеніе тебѣ сопутствуетъ. Я увѣренъ, что ты не уронишь высокаго званія рыцаря и славнаго имени Гогенрегель.

Ульрихъ поцѣловалъ руку матери и отца, вложилъ ногу въ стремя и выѣхалъ изъ родительскаго двора. Въѣхавъ на пригорокъ, откуда видно было крыльцо замка и бѣлый платокъ, которымъ махала графиня Матильда, онъ долго смотрѣлъ туда и рукою слалъ поцѣлуи, межъ-тѣмъ какъ золотистые волосы его раздувались отъ вѣтра. Такъ Ульрихъ уѣхалъ изъ родительскаго дома.

Долгое время они ѣхали безъ всякихъ приключеній, такъ-что молодой графъ могъ подумать, что они отправляются на охоту. Шумѣли деревья, по болотамъ цвѣли незабудки, пѣли птицы, изрѣдка пробѣгали серны — больше ничего. Подъ вечеръ шестого дня они услышали громкіе стоны, и, подѣхавъ къ мѣсту, откуда они раздавались, увидѣли человѣка, привязаннаго къ дереву. Онъ былъ совсѣмъ голый съ смуглымъ тѣломъ и всклокоченной черной бородою. Прежде всего

графъ Ульрихъ разсѣкъ мечомъ веревки, связывавшія незнакомца, затѣмъ сталъ разспрашивать, какимъ образомъ тотъ очутился въ такомъ странномъ положеніи. Увидя, что съ нимъ говорятъ пріѣзжіе, мужчина съ бородой разсказалъ, что его привязали къ дереву его же братья изъ боязни, что онъ донесетъ отцу, какъ они сговаривались отравить послѣдняго, чтобы получить наслѣдство. Подѣлившись съ незнакомцемъ одеждой и накормивъ его, Ульрихъ и его спутники отправились дальше, благодаря Небо за начало рыцарскихъ подвиговъ.

Не доѣзжая до ближайшаго города, они замѣтили много людей въ-одиночку, по-двое и цѣлыми партіями, шедшихъ въ одномъ съ ними направленіи. Чѣмъ ближе они подѣзжали къ городу, тѣмъ толпа все увеличивалась, а когда они вѣхали въ улицы, то едва могли двигаться впередъ отъ массы народа, спѣшившаго на городскую площадь. Всѣ лавки и частныя квартиры были заперты и въ окнахъ виднѣлись только няньки съ грудными дѣтьми, да больные, которые, будучи оставлены дома, смотрѣли на улицу. Хотя обѣдня еще не отошла, но церкви были пусты, даже нищихъ не было, а пѣвчіе поминутно вертѣли головами, чтобы хотя однимъ глазомъ увидѣть въ открытую дверь, что дѣлается на площади. На площади происходилъ судъ. Передъ судьей стояли сѣдой старикъ въ богатыхъ одеждахъ и молодая женщина въ черномъ. У старика выраженіе лица было спокойное и недоброе, а молодая женщина была очень блѣдна, красива и все время плакала и крестилась. Они судились о какихъ-то земляхъ, которыя старикъ за долги хотѣлъ оттягать отъ дамы, а у той онѣ были послѣднія. Но, вѣроятно, за этимъ дѣломъ крылась другая какая-нибудь болѣе важная вражда, потому что иначе нельзя было себѣ

объяснить общаго волненія по поводу столь обычнаго дѣла. Старикъ предъявлялъ расписки и документы, а дама, поднявъ глаза къ небу и заливаясь слезами, увѣряла, что она ничего не подписывала, и что это не иначе, какъ колдовство. Судья былъ, повидимому, человѣкъ черствый, потому что онъ вѣрилъ больше словамъ, написаннымъ на бумагѣ, нежели слезамъ и клятвамъ бѣдной женщины. Онъ такъ и рѣшилъ дѣло въ пользу старика. Тогда Ульрихъ со своими людьми подѣхалъ къ судейскому мѣсту и сказалъ, положивъ руку на рукоять своего меча:

— Это дѣло темное, господинъ судья, а потому я предлагаю прибѣгнуть къ Божьему суду. Пусть со стороны истца явится противникъ и я хоть сейчасъ же готовъ сразиться съ нимъ въ защиту обижаемой дамы..

Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на Ульриха, потому что онъ никому не былъ извѣстенъ, а дама въ черномъ сказала ему:

— Спаси тебя Богъ, добрый юноша. Ты, конечно, ангель, котораго Господь послалъ въ мою защиту. Я увѣрена, что ты съумѣешь постоять за правду и наградить тебя, какъ могу и какъ ты хочешь.

Ульрихъ поцѣловалъ у нея руку и отвѣтилъ:

— Я тоже увѣренъ, что Господь, Который читаетъ въ сердцахъ людей, покажетъ, на чьей сторонѣ правда, а мнѣ достаточной наградой будетъ сознаніе, что я сдѣлалъ доброе дѣло и предотвратилъ зло.

На слѣдующее утро былъ поединокъ. Со стороны старика вышелъ его внукъ, совсѣмъ еще мальчикъ, котораго Ульрихъ безъ труда побѣдилъ, и молодая дама, которую звали Эдитой, не только получила обратно свои земли, но ей была дана даже часть земель старика, въ видѣ вознагражденія за неправильный искъ,

Ульриха нѣсколько удивило, что его побѣда не была встрѣчена восторженными криками собравшагося народа, а, наоборотъ, всё въ глубокомъ молчаніи разступились, чтобы дать ему проѣхать обратно. И когда они ѣхали изъ города, то люди, которыхъ они обгоняли, говорили, показывая на него:

— Вотъ тотъ неизвѣстный рыцарь, который сражался за Эдиту.

Одинъ изъ крестьянъ, узнавъ, что ихъ путь лежитъ мимо его деревни, довольно дальней, просилъ завести туда мѣшокъ, указавъ притомъ, въ какой избѣ его оставить. Ульрихъ согласился, а крестьянинъ взялъ съ него обѣщаніе, что онъ не будетъ смотрѣть, что находится въ этомъ мѣшкѣ. Графъ согласился и поѣхалъ дальше. Они ѣхали сильною рысью, потому что уже темнѣло, а къ тому же въ городѣ они забыли запастись провизіей, такъ что у нихъ не было ни корки хлѣба, ни глотка вина. Было уже совсѣмъ темно, какъ вдругъ лошадь Ульриха остановилась и, захрапѣвъ, не хотѣла идти дальше. Ульрихъ спѣшился и, наклонившись, ощупалъ человѣка, который лежалъ поперекъ дороги и тихонько стоналъ. Ульрихъ насилу добился отвѣта, изъ котораго узналъ, что на этого человѣка по пути въ городъ напали разбойники, изранивъ, ограбили и бросили здѣсь на дорогѣ. Онъ уже второй день лежитъ не ѣвши и ждетъ, когда смерть придетъ взять его, или какой-нибудь добрый прохожій ему поможетъ.

— Глотокъ вина и небольшой кусокъ хлѣба возстановили сразу-бы мои силы,—такъ говорилъ больной. Но, такъ какъ у Ульриха не было ни того, ни другого, то онъ послалъ одного изъ своихъ верховыхъ, чтобы тотъ досталъ въ ближайшей деревнѣ ѣду и вино, а остати бы завезъ и крестьянскій мѣшокъ, который имѣ

былъ поручень. Верховой поскакалъ въ глухую ночь, а умирающій все стоналъ и метался. Наконецъ, подъ утро онъ умеръ, когда верховой вернулся съ хлѣбомъ и виномъ. Умершаго привязали къ сѣдлу, а вернувшійся человѣкъ сказалъ:

— А знаете-ли вы, графъ, что въ томъ мѣшкѣ, который я отвозилъ, былъ какъ разъ боченокъ съ виномъ и пять свѣжихъ хлѣбовъ? Если-бы мы посмотрѣли раньше, человѣкъ могъ-бы не умереть.

— Но этого мы не знали, а если-бы и знали, то не могли-бы взять, потому что это было не наше и, взявъ его, мы бы совершили кражу у человѣка, довѣрившаго намъ свое добро.

Пріѣхавши въ деревню, они отдали покойника его родственникамъ, которыхъ скоро нашли и узнали, что воѣ окрестности въ страхъ отъ ужаснаго разбойника, который грабитъ и убиваетъ всѣхъ встрѣчныхъ, угоняетъ скотъ и поджигаетъ хутора.

— Мы его разъ изловили и привязали къ дереву, не захотѣли кровь проливать. А жалко, что не убили, потому что какой-то негодяй его освободилъ и онъ теперь еще болѣе свирѣпствуетъ.

— А каковъ онъ былъ съ виду?—спросилъ молодой графъ.

— Высокій мужикъ, борода черная, тѣло темное.

Ульрихъ промолчалъ, а крестьяне ему дальше рассказываютъ:

— Теперь у насъ еще другая забота. Не знаемъ, какъ и быть. У насъ былъ очень хорошій господинъ: добрый и справедливый, а теперь, мы слышали, былъ въ городѣ судъ и присудили насъ дамѣ Эдитѣ, а эта Эдита—не дама, а просто, простите, чертовка. Она пятерыхъ мужей отравила, ростовщица и мошенница, да къ тому-же и колдовствомъ занимается. Мы думали,

что ее судья совсѣмъ засудить и радовались этому, но явился какой-то рыцарь, за Эдиту заступился и вышло все наоборотъ. Да и то сказать: рыцарь былъ прѣбазій, а госпожа Эдита извѣстная комедіантка, напустила на себя кротости, расплакалась,—онъ и повѣрилъ, а намъ теперь за его довѣрчивость придется своими боками расплачиваться. Прямо хотъ живымъ въ гробъ ложись.

Тягостно было Ульриху это слышать. Онъ былъ юноша добрый и совѣстливый и зналъ, что правила, по которымъ онъ поступалъ, были правила хорошія и честныя,—отчего же все выходило, будто на смѣхъ? Да на смѣхъ было-бы еще ничего, а то отъ его поступковъ происходило настоящее зло и онъ не только не поправлялъ, а портилъ все, куда ни вмѣшивался. Всѣ эти мысли очень разстроили графа и онъ пошелъ на берегъ рѣки, чтобъ его обдуло вѣтеркомъ. Рѣка была очень узенькая и быстрая,—вродѣ водопада,—такъ что постоянно урчала между камней. Высокіе берега были покрыты лѣсомъ, вдали кричала кукушка. Графъ все думалъ о рыцарскихъ правилахъ, слушая ропотъ волнъ, и незамѣтно для себя заснулъ. Онъ почувствовалъ, что кто-то трогаетъ его за руку, открылъ глаза и замѣтилъ, что все лицо его мокро отъ слезъ, а передъ собою увидѣлъ крестьянскаго парня. Парень ему говоритъ:

— Не надо, господинъ, вечеромъ спать надъ рѣкою, а то тебя русалки за ноги въ воду утащатъ. Да о чемъ ты плачешь? Или тебѣ во снѣ что приснилось? Или о мамашѣ вспомнилъ?

Графъ ему отвѣчаетъ:

— Пусть-бы ужъ меня лучше русалки утащили: все равно никакого прока нѣтъ.—И все парню рассказалъ, какъ было дѣло. Парень выслушалъ и говоритъ:

— Дѣйствительно, дѣло плохо, но ты тутъ не вино-

вать. Я пастухъ, человѣкъ простой, у меня какія правила? Если куртка продралась, нужно отдать зашить. Если обѣдъ готовъ — нужно бабу похвалить, а не готовъ — ту же бабу побить надо; которая корова бодливая — надо рога спилить. У меня никакихъ правилъ нѣтъ. Иногда какъ-будто совсѣмъ одно и то же дѣло, а поступаешь по-разному, потому что смотришь на человѣка, а не на себя; скажу къ примѣру: два человѣка просятъ у тебя денегъ, одному дашь, другому нѣтъ, потому что знаешь, на что имъ нужно, — ты о нихъ думаешь, а если бы ты о себѣ думалъ, тебѣ не нужно было-бы и знать, зачѣмъ имъ деньги, — сдѣлалъ доброе дѣло и слава Богу! Правила твои — хорошія правила, да они, какъ готовыйса погъ, не на всякую ногу влезутъ.

Правила, молъ, у меня хорошія, я ихъ исполняю свято, а что изъ этого выйдетъ, это — уже не мое дѣло. Такъ могутъ безсердечные лѣнтяи говорить, а ты, по виду, человѣкъ совѣстливый и безпокойный. Вѣдь правила созданы для человѣка, а не человѣкъ для правилъ.

У меня правилъ нѣтъ, а сидитъ въ сердцѣ, ужъ не знаю кто, ангель-ли, духъ-ли какой, который мнѣ говоритъ, какъ въ данную минуту, въ данномъ дѣлѣ, съ даннымъ человѣкомъ я поступать долженъ.

— Ты внимательно слушай твоего ангела и, если ангель съ правилами заспоритъ, то какъ-бы они ни были хороши, всѣ правила выброси. А то, что ты до сихъ поръ сдѣлалъ, объ этомъ не печалься; если можешь, поправь, и впередъ не дѣлай, а жалѣть о томъ, чего не вернуть, это — только время терять, а его у насъ очень мало.

Когда Ульрихъ очнулся, никакого пастуха не было, а только шумѣла рѣка, да вдали кричала кукушка. И онъ не зналъ, пастухъ-ли съ нимъ говорилъ, ангель-ли бесѣдовалъ, былъ-ли это — рокоть рѣки, или просто во снѣ все приснилось.

Шесть невѣстъ короля Жильберта.

Король Жильбертъ любилъ поступать справедливо и откровенно. Кромѣ того, онъ не любилъ много говорить и не разъ высказывалъ мнѣніе, что о людяхъ нужно судить не по ихъ словамъ, а по ихъ поступкамъ.

„Мнѣ совсѣмъ не важно, что ты говоришь, потому что турусы на колесахъ всякій пускать умѣетъ, а важно то, что ты дѣлаешь“.

Такъ не рѣдко говаривалъ король Жильбертъ за стаканомъ добраго вина, на охотѣ, въ залѣ совѣта,— вообще, гдѣ придется. Онъ очень любилъ свое королевство, которое было невелико, никогда не велъ войнъ и воздерживался не только отъ столкновеній, но и отъ всякихъ сношеній съ сосѣдями. Онъ былъ высокъ, румянъ и тученъ, а пріятное лицо его выражало доброту и прямодушіе. Когда королю Жильберту пришлось время жениться, онъ не захотѣлъ выписывать, заморскихъ принцессъ, а рѣшилъ выбрать себѣ въ невѣсты какую-нибудь изъ дѣвицъ своего-же королевства.

„Войнъ я не веду, иностранныхъ языковъ не знаю, виѣшней торговли у насъ нѣтъ,— такъ зачѣмъ-же мнѣ заморская принцесса? Я съ ней и разговаривать-то не съумѣю, а она на все начнетъ фикать и заводить порядки своей страны. Мнѣ нужна только любящая жена.

которая бы меня уважала, много не разговаривала и хорошо воспитывала дѣтей. Мнѣ бы хотѣлось толстенную блондинку, да, впрочемъ это все равно: это не такъ важно, была бы только доброй дѣвушкой.“

На этотъ предметъ король составилъ такое объявленіе, въ которомъ приглашались записываться всѣ дѣвушки, безъ различія званія, отъ 16 до 25 лѣтъ, которыя пожелали-бы сдѣлаться женою короля. Онъ показалъ это объявленію своему канцлеру и спросилъ:

— Не дурно составлено, а?

— Объявленіе составлено прекрасно, Ваше Величество. Меня смущаетъ только одно: какъ Вы узнаете, которая изъ этихъ дѣвицъ будетъ доброй женой и станетъ Васъ уважать?

Это у меня все предусмотрѣно. Тѣхъ, которыя запишутся, я ко двору не приглашу, а которыя не запишутся, тѣхъ я вызову и изъ нихъ выберу. По крайнемѣрѣ я буду увѣренъ, что это дѣвушки скромныя и не польстились быть королевою. Недурно придумано, а?

Канцлеръ помолчалъ и сказалъ:

— А все-таки въ этой бумагѣ одного не хватаетъ.

— Чего-же тутъ не хватаетъ?

— Вдовъ.

— Какихъ вдовъ?

— Да самыхъ обыкновенныхъ. Отчего - бы Вашему Величеству не пригласить и вдовъ въ невѣсты, если, которыя, по возрасту подходятъ?

— Ты думаешь, вдовъ? Можетъ - быть, это будетъ неприлично, если я женюсь на вдовѣ? А впрочемъ, бывають и вдовушки, которыя за себя постоять не хуже любой дѣвицы, особенно, которыя потолще. Давай сюда перо и чернила: вставлю и вдовъ. Ну, теперь, кажется, совсѣмъ хорошо?

Канцлеръ перечелъ бумагу и сказалъ:

— А что-же Вы сдѣлаете съ тѣми, которыя записались и которыхъ Вы не вызовете?

— Я имъ пошлю по рублю денегъ и по лентѣ въ косу: блондинкамъ голубья, а брюнеткамъ красныя, а вдовамъ я пошлю по металлической брошкѣ со своимъ портретомъ. Я думаю, такъ будетъ прилично, а?

— Такъ будетъ вполне прилично, Ваше Величество.

Гонцы разнесли это объявленіе по всѣмъ городамъ, селамъ и деревнямъ королевства.

То-то поднялось волненіе и хлопоты. Даже дѣвицы и вдовы, которымъ давно уже стукнуло сорокъ лѣтъ, подправивъ свои метрики увѣряли, что имъ всего 20, нашивали себѣ платья, и уже спозаранокъ натирали себѣ лица гусинымъ саломъ, чтобы ко дню смотринъ казаться свѣжими и привлекательными. Толстухи старались похудѣть, худыя—потолстѣть, беззубыя—вставляли зубы, а горбатыя—шили такія платья, которыя дѣлали-бы незамѣтнымъ ихъ недостатокъ. И каждая, въ глубинѣ души, была увѣрена, что она и будетъ избранницей короля. Каково-же было ихъ разочарованіе, когда недѣли черезъ двѣ имъ прислали по рублю денегъ на каждую, алая ленты брюнеткамъ, голубья блондинкамъ, а вдовамъ металлическія брошки съ изображеніемъ королевской персоны,—а кромѣ того приглашеніе не беспокоиться и не являться на смотрины. Не записавшихся оказалось всего только шесть: одна вдова и пять дѣвиць. Вдову звали Женевьева а дѣвиць: Арманда, Катерина, Жанна, Сусанна и Николь. Онѣ не были ни горбаты, ни косы, ни хромали, ни ковыляли, а были отмѣнны по всѣмъ статьямъ, такъ-что было удивительно, почему онѣ не записались въ королевскія невѣсты. Вдовѣ было года 28, дѣвицамъ же лѣтъ по 18. Женевьева была высокая и рыжеволосая,

у нея былъ очень красный ротъ и блѣдное лицо, а глаза свои она всегда держала опущенными въ землю, Арманда и Катерина были брюнетки: одна высокая и стройная, другая маленькая, веселая толстوشка. Жаннѣ хотя и было 18 лѣтъ, но на видъ казалось 14, это былъ испуганный ребенокъ, со льняными волосами и большими сѣрыми глазами, въ которыхъ мысли медленно проплывали, какъ лебеди по сѣверному озеру, или какъ облака по осеннему небу. Сусанна была тоже рыжая, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ Женевьева: она была похожа на дикаго звѣрька, глядѣла всегда изподлобья, а всклокоченные рыжіе кудри, падавшіе ей на лобъ, придавали ей еще болѣе дикій и странный характеръ. Ее привезли связанной, потому что она царапалась и кусалась, когда ее хотѣли брать. Николь была совсѣмъ обыкновенная дѣвушка: ни толста, ни худа, ни высока, ни мала; волосы у нея были русые, лицо чистое, особыхъ примѣтъ никакихъ. Была у нея родинка на правомъ плечѣ, да какая-же это примѣта? При этомъ подъ платьемъ этой родинки видно не было. Походка у нея была не спѣшная, голосъ тихій, разговоръ пріятный и разсудительный. Таковы были невѣсты короля Жильберта.

Онъ ихъ посмотрѣлъ и всѣ онѣ ему понравились, но его интересовалъ вопросъ, почему каждая изъ нихъ отказалась записаться въ число королевскихъ невѣстъ. И онъ рѣшилъ вмѣстѣ съ канцлеромъ разспросить каждую изъ этихъ шести женщинъ въ отдѣльности. Первую позвали Женевьеву. Она низко поклонилась и стала молча, ожидая, что ей скажетъ король. Король тоже помолчалъ, потомъ спрашиваетъ:

— Скажите намъ, госпожа Женевьева, отчего Вы не пожелали записаться въ число нашихъ невѣстъ? Или, можетъ-быть, Вы хотѣли сохранить вѣрность по-

какому супругу, потому что, вѣдь Вы, кажется, вдова, насколько мнѣ извѣстно? Откиньте страхъ и говорите совершенно откровенно.

Женевьева подняла на короля свои усталые глаза и отвѣтила:

— Я вамъ отвѣчу совершенно откровенно. Не смотря на то, что мнѣ только 23 года, за эти шесть лѣтъ у меня было шесть мужей, Ваше Величество; двое изъ нихъ умерло, а четверо со мной развелись. Кромѣ того было безъ счета молодыхъ людей, которыхъ я любила и которые меня любили. Какъ они ни были различны между собою, исторія была всегда одна и та-же: послѣ краткаго, очень краткаго наслажденія, наступала при-вычка, скука и отвращеніе. Я не могу безъ ужаса подумать о замужествѣ. Ваше Величество, хоть и король, но такой же человѣкъ, какъ и всѣ и мнѣ бы не хотѣлось, чтобы Вы получили такую скучную жену, а у меня вмѣсто уваженія къ Вамъ, какъ къ моему королю, явилась бы досада на новое супружество. Я очень устала и ничего не могу чувствовать, потому позвольте мнѣ удалиться въ монастырь. Все, что я сказала, сказала совершенно откровенно и безъ всякой утайки.

Король ее отпустилъ и велѣлъ привести къ себѣ Арманду, у которой спросилъ то-же самое.

Арманда стиснувъ зубы и поднимая голову, надменно проговорила:

— Чтобы я вышла замужъ за человѣка, котораго отъ души ненавижу! За кого ты меня считаешь? Развѣ ты позабылъ, что мой отецъ долженъ-бы былъ быть королемъ, а вовсе не ты? Ты воровскимъ манеромъ завладѣлъ престоломъ и хочешь меня осчастливить своей рукой? Дѣйствительно, завидная честь быть женою такого толстаго дурака. Да я бы въ первую-же ночь тебя

убила, отравила-бы, повѣсила, задушила. Да и теперь еще ты отъ меня не уйдешь.

Съ этими словами она вытащила изъ-за лифа длинный кинжалъ и бросилась на короля Жильберта, но канцлеръ, подоспѣвъ во-время, обезоружилъ ее, межъ-тѣмъ, какъ король изъ-за спинки трона кричалъ:

— Отослать ее домой немедленно! Ишь ты какая ловкая, да проворная! то-же невѣста называется, дрянъ!

Стража увела Арманду и привели къ королю Катерину. Она была такая маленькая, кругленькая, все время улыбалась и красѣла. Король взялъ ее за подбородокъ и спросилъ:

— А ты, душенька, убивать меня не собираешься?

— Ахъ, что Вы,—отвѣтила Катерина, и потупившись, зардѣлась еще пуще.

Король полюбовался на нее и продолжаетъ:

— Отчего-же ты, милая, не захотѣла записаться въ наши невѣсты?

— Какая-же я Вамъ жена? да притомъ есть еще одно обстоятельство.

— Что-же это за обстоятельство?

Катерина глянула на короля и спросила тихонько:

— Можно все говорить?

— Конечно, дитя мое, не только можно, но должно все говорить. Я король, а канцлеръ старикъ—кого тебѣ стѣсняться?

— Ну, такъ вотъ: еще я люблю сына нашего лавочника, Петра и, такъ-какъ я не могу быть въ одно и то-же время невѣстой двоихъ, то я и не записывалась въ Ваши невѣсты, чтобъ не огорчать Петруши. Ахъ, Ваше Величество, если бы Вы знали, какой хорошенькій у меня Петруша и какъ онъ славно играетъ на волынкѣ! И онъ любитъ меня отъ души. Онъ цѣлый

вечеръ проплакалъ подъ ливками, такъ боялся, что я запишусь. У нихъ пять коровъ и три лошади, и очень порядочная лавка,—не хуже, чѣмъ въ городѣ, а старикъ хоть и строгій, но меня любить. Конечно, хвататься не слѣдъ, но я гуляю только съ Петромъ. Я очень веселая, но вѣдь это же не бѣда и дурного тутъ ничего нѣтъ?

Король обнялъ ее и сказалъ:

— У твоего Петруши кромѣ лавки, лошадей и пяти коровъ есть еще отличная невѣста. Вы меня позовите на свадьбу, а еще лучше справимте обѣ свадьбы вмѣстѣ.

— Вы очень добры Ваше Величество; повѣрьте, что если бы я не любила Петруши я бы непременно вышла за Вася.

— Ну, что же дѣлать, мы въ своемъ сердцѣ не вольны.

Послѣ Катерины къ королю привели Жанну. Съ виду это былъ совсѣмъ ребенокъ. Отъ испугу она долго не понимала, о чемъ ее спрашиваютъ. Канцлеръ ужъ и словами, и жестами объяснялъ ей, почему она не хочетъ замужъ за короля. Наконецъ Жанна будто поняла и начала говорить, заикаясь:

— Ни, ни .. ангелъ не велить... съ пикой... на болотѣ... Ангелъ строгій, строгій... рубашка у него красная... Овецъ пасла,.. говоритъ: носи, носи... замужъ не ходи... Ангелъ строгій... пикой въ грудь мнѣ ударилъ... Мужики... у... у... у нихъ ноги волосатые,.. Ангелъ сказалъ: замужъ не ходи... А короля боюсь... онъ меня въ болото загонить... На болотѣ-то клюква... Ангелъ строгій, строгій, а рубашка у него красная... а мужики... бя... у нихъ ноги волосатые. Я тебя боюсь: ты меня съѣшь...

Король слушалъ, слушалъ да и говорить:

— Это что-жъ такое? Чему это соотвѣтствуетъ? Какъ къ ко мнѣ дурь наслали? Посадить ее въ богадѣльню, пускай старухамъ предсказываетъ. Какая-же къ чорту невѣста? это блаженная, а не невѣста.

Но если съ Жанной мало можно было разговориться, то съ Сусанной ужъ и совсѣмъ нельзя было слова сказать, потому что она ничего не говорила, а только царапалась, да кусалась. Ее отправили обратно, а король сказалъ:

— Вѣдь это все равно, что на кошкѣ Машкѣ жениться. Ну, кто тамъ остался, приводите послѣднюю. Тоже, навѣрно, какая-нибудь бѣсноватая?

Но вошла Николь: ни высока, ни мала, ни худа, ни толста, лицо чистое, волосы русые, глаза сѣрые, голосъ тихій, разговоръ пріятный, идетъ не спѣша — уточкой.

Король и къ ней съ тѣми-же вопросами, а та ему докладываетъ:

— Отъ семейной жизни я не прочь, но по сердцу себѣ никого еще не нашла. Противъ Васъ никакого зла не имѣю, а не записывалась потому, что не знала, а наобумъ идти не хотѣла. Если бы мы были съ Вами знакомы раньше, тогда, конечно, было бы другое дѣло, а за глаза рѣшать очень трудно. Я вѣдь такъ понимаю, что разъ выходишь замужъ, то это на всю жизнь. И тутъ нужно семь разъ примѣрять и одинъ разъ отрѣзать.

Королю такая рѣчь понравилась и онъ говоритъ:

— Такъ вотъ давайте и познакомимтесь. Погостите у меня нѣкоторое время, а тамъ видно будетъ.

Николь согласилась и стала жить у короля Жильберта. Занималась хозяйствомъ, играла съ нимъ въ шашки и въ свои козыри, штопала носки и варила варенье. Такъ они узнали другъ друга, а узнавши подружались, а подружившись, полюбились, а полюбив-

иши поженились. И они очень подходили одинъ къ другому. Оба были люди разсудительные, сердечные и спокойные. Свадьбу они справили вмѣстѣ съ Катериной, которая вышла за своего Петрушу. Торжество продолжалось цѣлую недѣлю. Во время одного изъ пировъ король Жильбертъ подозвалъ къ себѣ канцлера и сказалъ ему:

— Вотъ я всю жизнь судилъ людей по поступкамъ, а оказывается и этого нельзя дѣлать, потому что одинаковые поступки совершаются по совершенно различнымъ причинамъ. Возьми моихъ шесть невѣстъ: всѣ онѣ отказались отъ записи, но сколь различны были поводы этого поступка! Сами поступки ничего не значатъ, а важны причины, ихъ породившія, а главное, люди.

Дочь генуэзскаго купца.

Считалось, что Павелъ Мартини ведетъ торговлю коврами, но, на самомъ дѣлѣ, главнымъ источникомъ его доходовъ было ростовщичество. Потому вполнѣ понятно, что знакомые его были самага разнообразнаго положенія, состоянія и занятій.

Еще понятнѣе было, что, когда приходила нужда въ деньгахъ, всѣ въ Павлѣ заискивали, а когда нужно было отдавать долгъ или платить проценты, тѣ же самые люди Павла поносили и упрекали. Тѣмъ не менѣе, онъ пользовался почетомъ, будучи человѣкомъ богатымъ и много жертвуя на монастыри, украшеніе города и вооруженіе кораблей. Ростовщичество же ему не ставилось въ большую вину, такъ какъ въ Генуѣ почти всѣ купцы занимались этимъ дѣломъ. Его домъ даже среди мрачныхъ генуэзскихъ домовъ производилъ особенно мрачное впечатлѣніе.

А можетъ - быть, это только казалось его должникамъ, которые всегда, проходя мимо Павлова дома, вспоминали о процентахъ или конечномъ срокѣ расплаты, и будто забывали тѣ минуты, когда, проигравшись въ карты, потерявъ корабли въ морѣ или обманувшись въ ожиданіи наслѣдства, они выходили черезъ эту мрачную дверь на улицу, неся кошельки туго набитыми павловыми же червонцами.

Нѣсколько смягчали мрачность этого жилища пять

дочерей Павла, которыя у него остались отъ давно умершей жены. Старшей шель уже 24-й годъ, меньшая же едва достигла 15 лѣтъ, еще не научившись какъ слѣдуетъ причесывать свои рыжіе, курчавые волосы.

Всѣ онѣ были дѣвушки красивыя и веселыя, какъ будто онѣ жили не въ домѣ ростовщика. Цѣлыми днями онѣ пѣли, смѣялись, болтали или ссорились между собою, такъ что прохожіе могли думать, что они идутъ мимо клѣтки со скворцами. Звали ихъ: Катарина, Вероника, Петронелла, Марта и Филомена.

Какъ это ни странно, но всѣ они вышли замужъ почти въ одинъ годъ. Всѣ ихъ мужья были купеческими сыновьями или служащими въ банкахъ; только мужъ Петронеллы былъ художникомъ, учившимся въ Миланѣ у Боргоньоне. Хотя онъ былъ молодъ, но былъ уже достаточно извѣстенъ и получалъ много заказовъ на роспись церквей, городскихъ ратушъ и частныхъ домовъ; и вездѣ онъ изображалъ свою жену Петронеллу, то въ видѣ Пречистой Дѣвы, то въ видѣ богини Венеры, то нимфой, убѣгающей отъ преслѣдованій Юпитера, то Фортуной съ завязанными глазами на колесѣ, то въ видѣ просто гуляющей дамы, не имѣющей, казалось - бы, никакого отношенія къ избіенію младенцевъ или мученію св. Себастіана, на которыхъ она была изображена. Такъ-какъ художникъ зарабатывалъ много денегъ, то Павелъ Мартини примирился съ тѣмъ, что одинъ изъ его зятьевъ не купецъ и не банковскій клеркъ. Всѣ сестры разъѣхались по разнымъ домамъ, но часто ходили одна къ другой, по-прежнему смѣясь, болтая, ссорясь. Теперь чаще всего предметами ихъ споровъ были ихъ мужья, потому что каждая выхваляла и прославляла своего въ ущербъ другимъ. Такъ какъ онѣ очень часто объ этомъ гово-

рили, то, въ концѣ концовъ, выяснили, за что каждая любитъ своего супруга. Старшая сказала: больше всего я цѣню въ своемъ мужѣ его добродѣтель и неподкупную честность. Это, дѣйствительно, человѣкъ, такъ человѣкъ! Никогда не стыдно сказать, что ты его жена.

— Что-жъ, ты думаешь, мнѣ стыдно сознаться, что я жена извѣстнаго художника? Его, слава Богу, знаютъ не только у насъ, а и въ Миланѣ, и въ Пизѣ. Говорятъ, на будущій годъ его пригласятъ въ Римъ, раписать спальню святѣйшему папѣ.—Такъ сказала вторая.

— Я тоже довольна своею участью, — начала Вероника.

— У меня мужъ такъ богатъ, что мнѣ можетъ позавидовать любая изъ герцогинь, и, притомъ, мужъ меня очень любитъ, ни въ чемъ не отказываетъ, чего-жъ мнѣ больше желать?

— А я,—прибавила Марта,—когда вижу своего мужа, его густыя брови, большіе глаза и ямочку на подбородкѣ, мнѣ не приходитъ въ голову думать: богатъ ли онъ, знаменитъ ли, и каковы его добродѣтели. Я люблю его за его красоту.

-- Ахъ,—произнесла Филомена,—у меня даже нѣтъ и этого утѣшенія, потому что я знаю, что на чужой взглядъ мой мужъ можетъ показаться некрасивымъ, но для меня-то милѣе, лучше, дороже, нѣтъ никого на свѣтѣ. Я просто его люблю, потому что люблю. Если-бъ я завтра узнала, что онъ Антихристъ, то и то я не покинула бы его, потому что онъ мнѣ всего дороже.

Сестры всѣ засмѣялись надъ Филоменою, и на этомъ разстались. Вскорѣ произошелъ случай, который подвергъ испытанію привязанность дочери Павла Мартини. Ихъ мужья такъ же часто собирались вмѣстѣ, но

совсѣмъ не для того, чтобы спорить о достоинствахъ своихъ женъ. Вмѣстѣ со своимъ тестемъ Павломъ,—у котораго было не мало враговъ, а больше всѣхъ другихъ, какъ бѣльмо на глазу, крупный негоціантъ Александръ Гастольди,—они затѣяли дѣло рискованное, темное и, на нашъ взглядъ, не особенно чистое. Не успѣвъ сначала въ попыткѣ уничтожить своего врага тѣмъ, что они скупили всѣ его векселя и, воспользовавшись его временно стѣсненными обстоятельствами, подали ко взысканію и прижали Гастольди до того, что его чуть не посадили въ тюрьму,—они рѣшили просто-на-просто убить ненавистнаго Гастольди и присвоить его богатство.

Такъ какъ ихъ не одушевляла никакая семейная личная вражда, то дѣло было похоже на самое обыкновенное убійство и грабёжъ. Но при такихъ дѣлахъ рѣдко изъ числа шести человѣкъ не найдется Іуды.

Мужъ старшей дочери, наиболѣе добродѣтельный и наименѣе храбрый, выдалъ за большія деньги весь разговоръ Александру, такъ-что, когда старшій Мартини, со своими зятями, темною ночью подошелъ къ дому Гастольди, чтобы исполнить свой злодѣйскій замыселъ, онъ былъ встрѣченъ отрядомъ вооруженныхъ слугъ; между ними завязалась ожесточенная схватка, къ которой подоспѣла городская полиція, и всѣхъ отвела въ тюрьму. Было убито четверо слугъ Гастольди, а съ другой стороны пострадалъ художникъ, потерявшій оба глаза, и красавецъ Грифонетто, которому мечемъ разсѣкли наискосокъ бровь, носъ и нижнюю губу.

Послѣ того, какъ всѣхъ зятьевъ Мартини продержали извѣстное время въ тюрьмѣ, ихъ присудили къ изгнанію, конфисковавъ имущество. Всѣ они разѣхались въ разныя стороны, и на этомъ, казалось-бы, дѣло и кончилось. Но по правдѣ сказать, насъ больше инте-

ресуютъ жены несчастныхъ молодыхъ людей, нежели судьба этихъ послѣднихъ.

Какъ это ни странно, ни одна изъ нихъ не послѣдовала за своимъ мужемъ, исключая послѣдней. Если хорошенько размыслить, въ этомъ страннаго, конечно, ничего не было, потому что всегда можно ожидать когда любишь за что-нибудь, что любовь улетучится, разъ причина ея исчезнетъ.

И богатство, и слава художника, и красота Грифонетто, обезображеннаго шрамомъ, и, тѣмъ болѣе добродѣтель и неподкупная честность того молодого чело-вѣка, который выдалъ своихъ сообщниковъ, были уничтожены, и потому вполнѣ естественно, что жены ихъ, любившія ихъ за эти качества, стали искать эти же качества въ другихъ.

Любительница добродѣтели постриглась въ монастырь, ищущая богатства и славы отправилась въ Римъ, бывшій въ то время, благодаря расцвѣту папскаго двора, разсадникомъ куртизанокъ, а ставившая выше всего красоту, осталась жить у себя въ Генуѣ соломенной вдовой, окруживъ себя толпою красивыхъ молодыхъ людей и подростковъ. Были ли онѣ счастливы и нашли-ли то чего искали, мы не знаемъ. Мы только знаемъ то, что послѣдняя Филомена, повидимому ничего не искавшая и не пожелавшая покинуть въ несчастіи своего мужа, была на общій взглядъ весьма несчастна. Они отправились въ Парижъ, и сначала онъ поступилъ мелкимъ клеркомъ въ одинъ изъ мѣстныхъ банковъ.

Жена его хозяйничала, и все шло хорошо, пока однажды нашъ генуэзецъ не встрѣтилъ на улицѣ случайно своего земляка. Онъ накормилъ его ужиномъ, выставивъ бутылку бургундскаго, а тотъ на утро пошелъ въ банкъ, гдѣ служилъ клеркъ, и сообщилъ

тамъ, что у нихъ служить воръ и убійца. Клерка лишили мѣста, которое занялъ какъ разъ его землякъ. Понемногу слухи о его прошломъ распространились, такъ что онъ не могъ найти себѣ занятій, а мелкимъ ремесламъ не былъ обученъ; кромѣ того, мы не будемъ скрывать, что онъ былъ человѣкъ отнюдь не добродѣтельный. Онъ любилъ выпить, повеселиться, не дѣлалъ большого различья между чужимъ карманомъ и своимъ, былъ безпеченъ, и скоро поддавался унынію.

Въ такія минуты не разъ говорила ему жена: „Ну, полно Беппо, я не могу видѣть твоего лица печальнымъ и не могу допустить, чтобъ ты голодалъ. Хочешь я пойду погуляю по улицѣ. Можетъ быть, что-нибудь и нагуляю. А ты понимаешь, что я люблю только тебя, и измѣны тутъ никакой не будетъ“. Она такъ говорила не потому, что была распутной, а потому, что, дѣйствительно, не могла видѣть своего мужа печальнымъ, и готова была-бы отрубить себѣ обѣ руки, чтобъ зажарить ихъ на ужинъ Беппо.

Но мужъ ее не пустилъ ходить по улицѣ, а открылъ небольшой игорный притонъ, куда многихъ привлекала красота Филомены и ея веселыя пѣсни. Такъ они жили среди шума, ссоръ и дракъ, между шулерами и продажными женщинами. Но и такому существованію насталъ конецъ, потому что скоро послѣ одной изъ большихъ дракъ, въ которой былъ убитъ сынъ нидерландскаго посла, ихъ притонъ закрыли, а самихъ Беппо и Филомену вмѣстѣ посадили на этотъ разъ уже въ парижскую тюрьму. Выйдя изъ нея, они не знали куда ити. Но Беппо стащилъ у какого-то зазѣвавашагося савояра его обезьяну, и они отправились сами какъ савояры, причемъ вмѣсто волынки Филомена пѣла свои пѣсни. Иногда она гадала по рукамъ, потому что, по смуглости кожи, могла сходить за цыганку. Она,

конечно, плела всякій вздоръ наивнымъ крестьянкамъ, но всегда дѣлала имъ предсказанія радостныя, такъ-что онѣ отходили отъ нея болѣе счастливыми.

Конечно, грѣшно обманывать, но нужно-же ѣсть, а главное, чтобъ не голодалъ ея милый Беппо. Она не роптала, наоборотъ, даже всегда старалась ободрить мужа, говоря, что все измѣнится, что они достигнутъ мѣста, гдѣ ихъ никто не знаетъ, и что, тамъ можно будетъ устроиться. Едва-ли она сама вѣрила тому, что говорила, но такъ нужно было говорить, чтобы имѣть силы доплестись до слѣдующей деревни.

Тѣмъ не менѣе, когда они находились недалеко отъ Льежа, они не могли дойти за-свѣтло до ночлега и заночевали въ полѣ: раздѣливъ пополамъ кусокъ чернаго хлѣба, Филомена заговорила:

— А смѣшонъ вчера былъ сынъ старосты! Знаешь, когда ты отошелъ, онъ все приставалъ ко мнѣ и говорилъ всякія нѣжности. Ужъ, кажется, на кого я теперь стала похожа? — кожа да кости, а все-таки вотъ мужчинамъ всегда новенькое нравится. Хотѣлъ за нами ѣхать слѣдомъ, ловко вышло, что мы въ полѣ остановились: онъ проѣдетъ въ слѣдующую деревню, будетъ насъ искать, а насъ-то и нѣтъ.

Беппо ничего не говорилъ, но Филомена продолжала:

— Вотъ въ Льежъ придемъ, тамъ все поправится. Тамъ мѣста всѣмъ найдутся, вѣдь ты же умница у меня, пишешь грамотно, почеркъ отличный, знаешь итальянскій счетъ.

— Куда я пойду такимъ оборванцемъ? Кто меня возьметъ?

— Да, я объ этомъ не подумала, гдѣ у меня голова? Жалко, что вчера молодчика-то отшили; можно было бы купить у старьевщика платье.

— Зачѣмъ это, Филомена, милая? Не надо. Умремъ и такъ?

— Какой ты глупый! Развѣ я тебѣ измѣню? Развѣ я сердилась, когда въ Парнякѣ дамы тебѣ давали деньги? Я вѣдь молчу только, а я вѣдь все знаю и не сержусь. Что-жъ съ насъ спрашивать? Если-бъ мы были богатыми, то мы были бы добродѣтельны, а у меня добродѣтель одна—любовь къ тебѣ, а потому идемъ скорѣе, мы до утра дойдемъ въ ту деревню, а тамъ въ Льежѣ купимъ у старьевщика платье, и все устроятся отлично, ты увидишь.

Филомена вскочила и тотчасъ опять опустилась со словами:

— Что-то я устала сегодня. Тоже нашла время разыгрывать барыню. Но, право, я не могу. Ты меня снеси, Беппо, нужно торопиться.

Разбуженная обезьянка начала чесаться и щелкать пойманныхъ насѣкомыхъ. Беппо наклонился къ лежавшей женѣ говоря:

— Не надо, Филомена, не надо. Все обойдется какъ-нибудь. Милая Филомена, ты меня слышишь?

— Сплю,—отвѣчала чуть слышно жена.

— Ну, спи, Господь съ тобой!—отвѣтилъ было Беппо.

Но черезъ минуту снова наклонился къ женѣ, ощущалъ ее и вдругъ закричалъ очень громко:

— Филомена, Филомена, да что съ тобой? Ты меня слышишь? Тебѣ нехорошо? Отвѣтъ же, Филомена! Всемогущій Боже! Неужели она умерла?

И оня молча повалился на тѣло жены, а разбуженная обезьянка снова принялась щелкать насѣкомыхъ.

Золотое платье.

Въ одномъ изъ городовъ Сиріи жили двѣ дѣвушки. Конечно, въ этомъ городѣ жило гораздо больше дѣвушекъ, но такъ какъ для нашего разсказа нужны только эти двѣ, то мы и говоримъ, что жили двѣ дѣвушки. Обѣ они были христіанки, а въ то время, къ которому относится наша исторія, въ Сиріи жили и язычники, и евреи, и разныя такія христіанскія секты, которыя на христіанъ даже и похожи то не были. Императоръ тогда былъ тоже христіанинъ и всѣ чиновники были христіане; у нихъ были настроены красивыя церкви и ихъ никто не гналъ и не преслѣдовалъ, какъ бывало, а, наоборотъ, при случаѣ они сами тѣснили и язычниковъ, и евреевъ, и своихъ же братьевъ сектантовъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ называлась Мара, а другая Дада. Мара была нѣмою отъ рожденія, слѣпа, горбата и хромала на правую ногу. Она была очень добра и считалась богатой, потому что дядей ей приходился самый богатый въ городѣ торговецъ коврами, человекъ бездѣтный и уже преклоннаго возраста. Дада же была писаная красавица. Она отлично пѣла, танцевала и одѣвалась въ пышныя платья, на которыя тратила всѣ свои деньги, потому что она вовсе была не такъ богата, какъ Мара, и у нея не было бездѣтнаго дяди. Въ ту пору городъ и его окрестности постигла засуха. Напрасно епископъ, все духовенство и весь народъ ежедневно молили о

дождѣ,—ни одного облачка не показывалось на поспѣрѣвшемъ отъ зноя небѣ, и каждый день солнце всходило такъ же безжалостно, какъ и наканунѣ. Однажды епископу не спалось, и онъ до утра ворочался на своей мягкой постели. Вдругъ онъ услышалъ легкіе шаги, и къ нему въ комнату вошелъ высокій мальчикъ. Епископъ думалъ, что это кто-нибудь изъ его слугъ, и разсердился, зачѣмъ тотъ входитъ безъ спроса, но лицо пришлеца было ему незнакомо.

Епископъ спрашиваетъ:

— Чего тебѣ? Какъ ты сюда попалъ?

А тотъ ему въ отвѣтъ:

— Я пришелъ пособить твоему горю. Вы напрасно молитесь о дождѣ: Господу нужна жертва. Если у васъ въ городѣ найдется дѣвушка, которая добровольно откажется отъ суетныхъ удовольствій: отъ пѣнія, танцевъ, пышныхъ одеждъ и богатства, тогда Господь смилостивится и пошлетъ вамъ дождь. А пока вы и не трудитесь напрасно, все равно ничего не будетъ. Ты ужь мнѣ повѣрь, потому что я—Божій ангель.

Ангель исчезъ, а епископъ записалъ на бумажкѣ все, что онъ слышалъ, чтобы не позабыть, повернулся на другой бокъ и спокойно заснулъ. А на другое утро по всѣмъ площадямъ, церквамъ и базарамъ читали объявленіе отъ епископа, гдѣ городскія дѣвушки приглашались на добровольную жертву. А потомъ это объявленіе развѣсили по виднымъ мѣстамъ, и народъ съ утра до вечера читалъ его и разсуждалъ между собою. Дошло все это и до Мары, и она написала письмо къ епископу, гдѣ она ему предложила, что готова отказаться и отъ пѣнія, и отъ танцевъ, и отъ богатыхъ одеждъ и отъ своего наслѣдства въ пользу городского бѣдствія. Епископъ сдѣлалъ второе объявленіе, въ которомъ всѣхъ оповѣстилъ, что вотъ нашлась такая

добродѣтельная и святая дѣвушка, которая готова помочь своимъ согражданамъ. Въ назначенный день всѣ собрались въ соборную церковь, и такъ какъ было большое скопленіе народа, то не только соборная площадь, но и прилегавшія къ ней уллицы и переулки были наполнены толпою. Изъ дальнихъ деревень пришли полуголые пастухи, у которыхъ весь скотъ палъ отъ пеклаго жара, чтобы посмотрѣть на добродѣтельную Мару. Одинъ монахъ написалъ длинные стихи вродѣ акаѳиста, гдѣ все время повторялось: „радуйся, дождеводительница!“

Мару привезли на бѣлыхъ мулахъ, и весь народъ по ея дорогѣ становился на колѣни и благословлялъ ее, а горбатая дѣвушка, ничего не видя слѣпыми глазами, улыбалась и плакала. Епископъ и городскіе начальники долго не могли придумать, какую церемонію устроить, чтобы закрѣпить Марино отреченіе. Если-бы она постриглась въ монахини, было-бы, конечно, очень просто, но дѣвушка въ монахини идти не собиралась, а хотѣла сдѣлать только то, что велѣлъ ангелъ, ни больше, ни меньше. Тогда рѣшили, что послѣ торжественнаго молебна прочтутъ вслухъ такую бумагу, гдѣ все сказано по пунктамъ, а Мара ее подпишетъ и поцѣлуетъ крестъ на томъ, что слово ея крѣпко.

Послѣ церемоніи народъ долго не расходился, думая, что сейчасъ же хлынетъ дождь, а нѣкоторые упорные ждали и до слѣдующаго утра, расположившись, какъ цыгане, подъ открытымъ небомъ и устроивши шалаши въ предохраненіе отъ ожидаемаго дождя. Такъ какъ думали, что первыя капли его будутъ цѣлебны, то вытащили на улицу же больныхъ и калѣкъ, которые стонали и охали. Ловкіе продавцы тутъ же раскинули свои палатки съ хлѣбомъ, лукомъ, вяленой рыбой и печеными яйцами. Но дождя такъ и не было

и на другой день не было, и на третій тоже. Всѣ понемногу разошлись по домамъ, больныхъ и калѣкъ уволокли тоже съ собою, Мара плакала отъ огорченія, но всего непріятнѣе было епископу, потому что стали говорить, что никакого ангела ему не являлось, а все это онъ выдумалъ изъ головы. Чиновники же говорили, что навѣрно что-нибудь не такъ сдѣлали, оттого ничего и не вышло. Одни увѣряли, что дѣвушка должна была сначала поцѣловать крестъ, а потомъ подписать бумагу, другіе — наоборотъ. Такъ всѣ перессорились между собою, а дождикъ все не шель. Епископъ совсѣмъ сонъ потерялъ. И вотъ однажды ночью, когда онъ, во время бессонницы, читалъ Ефрема Сирина, опять къ нему пришелъ тотъ же мальчикъ. Епископъ отложилъ книгу и говоритъ ему:

— Что же ты сомной дѣлаешь? Вѣдь это называется прямо подводить. Ты войди въ мое положеніе. Я же, человѣкъ почтенный, епископъ, съ твоихъ словъ пообщалъ людямъ дождь и дѣвушку такую нашли, а засуха все продолжается. Вѣдь про меня будутъ говорить, что я, какъ старая баба, пустымъ снамъ вѣрю, а потомъ народъ баламучу. Вѣдь это что же такое? Теперь, что-бъ ты мнѣ ни сказала, я тебѣ не повѣрю.

Ангелъ разсмѣялся и говоритъ:

— Неразсудительный ты человѣкъ, хотъ и епископъ. Что я тебѣ говорилъ? Я говорилъ, чтобы дѣвушка *отреклась* отъ суетныхъ забавъ, а развѣ можно отречься отъ того, чего не знаешь? Я ничего про Мару не говорю, она дѣвушка добрая и хорошая, да вѣдь она слѣпая, нѣмая и хромая. Платьевъ своихъ она не видитъ, ей все равно, хотъ въ рогожку ее одѣнь, пѣть она не можетъ, танцовать тоже, а что до дядинаго наслѣдства, такъ это тоже дѣло темное: старикъ можетъ еще десять лѣтъ прожить и двадцать разъ завѣщаніе измѣнить.

Вѣдь это выходитъ отречься отъ того, что тебѣ не нужно, и отказываться отъ того, что тебѣ не принадлежитъ. Это все равно, какъ если бы ты сказала: „отказываюсь отъ римскаго престола и отрекаюсь отъ своихъ старыхъ сапогъ“. Римскій престолъ тебѣ никто предлагать не собирается, а старые сапоги тебѣ не нужны. Отречься можно отъ того, что любишь, а Мара всего этого и полюбить не могла, потому что не знала. Есть у васъ въ городѣ дѣвушка Дада — вотъ если-бы та отрелась, было-бы другое дѣло.

Епископъ подумалъ и говорить:

— Все это прекрасно, но боюсь, не вышло-бы какой фальши. Опять я въ дуракахъ останусь.

А ангелъ ему отвѣчаетъ:

— Будь спокоенъ,—и самъ исчезъ.

На другое утро епископъ призвалъ къ себѣ Даду и, заперевшись въ отдѣльномъ покоѣ, все ей рассказалъ и просилъ помочь горю. Дада сначала отказывалась исполнить его просьбу, но какъ она была дѣвушка разсудительная и сердечная, то въ концѣ-концовъ согласилась, добавивъ только, что это ей будетъ очень трудно. Епископъ обрадовался и говорить:

— Это-то и хорошо, дитя мое, что трудно. Этого-то намъ и нужно; а что касается увеселенія, такъ вѣдь это все суета: немножко на землѣ потерпѣть, тогда на небесахъ получишь райское блаженство, ангельское одѣяніе и сладкое пѣніе.

Дада улыбнулась и сказала:

— На это я не рассчитываю, отецъ; во-первыхъ, ко дню моей смерти я буду, можетъ-быть, уже старухой, а во-вторыхъ, если мнѣ и дадутъ ангельское одѣяніе, такъ некому будетъ на меня смотрѣть. Я дѣвушка простая и грѣшная. Мнѣ нравится, чтобы на меня любовались, и мнѣ радостно, когда другимъ весело, глядя

на меня. Я твою просьбу исполню, но я разсуждаю такъ: если ужъ пришелъ такой случай, что мнѣ нужно отказаться отъ вещей, которыя я люблю, такъ я буду любоваться ими на другихъ и радоваться этому, потому что все это я очень люблю. Никакой моей заслуги тутъ нѣтъ, а просто Богъ далъ мнѣ глупое сердце и мнѣ жалко, что люди томятся и болѣютъ отъ жары, и ты, отецъ, безпокоишься. Если я могу чѣмъ-нибудь помочь, я очень рада, потому что мнѣ и самой жара надоѣла. Райскаго блаженства я не ищу. Я не святая; святые, тѣ въ пустынѣ живутъ и питаются кузнечиками, какъ Иоаннъ Предтеча, а я дѣвушка мірская, неученая и веселая. Ты меня прости, если я что не такъ сказала.

Епископъ ей отвѣчаетъ:

— Конечно, ты разсуждаешь не совсѣмъ правильно, но поступаешь по добротѣ и справедливости. Это тебѣ зачтется. Иди съ миромъ.

Онъ благословилъ Даду и дѣвушка ушла къ себѣ въ домъ. Было рѣшено не дѣлать никакой церемоніи, а чтобъ Дада келейно, только въ присутствіи епископа и духовенства отреклась отъ любимыхъ ею увеселеній. Рѣшили такъ, потому что боялись, чтобъ не вышло опять неудачи, какъ прежде съ Марой. День былъ особенно жаркій; съ утра все небо посѣрѣло отъ пыли и пеклаго зноя; само солнце было въ какомъ-то дыму, потому что поблизости горѣли лѣса. Наконецъ, солнце совсѣмъ скрылось въ густой мглѣ и стало темно, будто во время затмѣнія. Собаки выли, а голуби, какъ слѣпые, тыкались во всѣ окна. Дада надѣла простое платье, нарядныя-же отдала своей подругѣ, а когда отдавала, то цѣловала ихъ и плакала, приговаривая:

„Прощайте, мои друзья, теперь вы будете украшать другую, а Дада будетъ только смотрѣть на васъ; не

будеть Дада пѣть пѣсенокъ, не будегъ плясать и рѣзвиться, за то пройдетъ эта противная жара, отъ которой никому не хочется ни пѣть, ни танцовать, а всё бродягъ, какъ сонныя мухи“.

Дадѣ прочли ту же бумагу, что и Марѣ; она подписала ее и устно подтвердила свое обѣщаніе, поцѣловавъ на этомъ крестѣ. Не успѣла оно сойти съ амвона и хоръ кончить своего пѣнія, — какъ всё услышали шумъ на площади, а сторожъ на всю церковь закричалъ:

— Братія, чудо, дождь пошелъ!

Всѣ бросились къ выходу: и народъ, и пѣвчіе, и самъ епископъ поспѣшили, переодѣвшись, такъ что о Дадѣ даже позабыли.

И, дѣйствительно, изъ черно-желтой тучи съ шумомъ лилъ проливной дождь, но, несмотря на ливень и удары грома, вся площадь и всѣ улицы были полны народа, вышедшаго посмотрѣть на чудо. Никому не было извѣстно, что Дада исполнила то, что велѣлъ ангель, а епископъ отъ радости все перезабылъ.

Когда дождь прекратился и перекинулась черезъ уходящую тучу огромная радуга, то съ радуги опустилась золотая лѣстница и по ней сошелъ ангель и сказалъ:

— Что вы смотрите и дивуетесь? Я обѣщаль вашему епископу открыть небесныя воды, если Дада отречется отъ мірскихъ забавъ. Отречься можно отъ того лишь, что любишь, а не зная, не любя, отречься нечего. Не всякому дано отреченіе, но не горюйте, бойтесь скорѣй того, какъ бы не уподобиться людямъ, которые имѣютъ глаза и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ, имѣютъ ноздри и не обоняютъ. Любите Божій міръ, потому что онъ—Божій, и не бойтесь любить его, потому что трусовъ Господу не надобно! Будьте щедры и не рассчитывайте все на верхки, потому что ни ар-

шинниковъ, ни скрягъ, ни скопцовъ Господу не надобно! А когда придетъ время, у сильныхъ Богъ спроситъ отреченія. Богъ благъ и милостивъ. Онъ справедливъ и не наложитъ ига неудобноносимаго, а покаждите и любите Божій міръ, славя Господа, а то впадете въ гордость или въ скудость сердечную.

Ангель говорилъ очень громко, и слова его разносились, какъ звукъ трубы, такъ что Дада услышала ихъ изъ церкви, въ которой ее забыли, и вышла на порогъ посмотрѣть, что случилось. Ангель поднимался, уже по лѣстницѣ обратно на радугу. Увидавъ Даду онъ обернулся и сказалъ:

— Ты, Дада, не гордая и щедрая сердцемъ, ты много любишь, и потому Господь тебя выбралъ, а вотъ тебѣ одѣяніе, которое никогда не изнашивается.

Тутъ онъ наклонился и зачерпнувъ пригоршней остатки дождя, которые дрожали на радугѣ, плеснулъ въ Даду. И тотчасъ ея платье изъ холщеваго сдѣлалось золотымъ, на немъ были затканы цвѣты, бабочки и олени, а тамъ, куда попали мелкія брызги, засіяли самоцвѣтные камни, которые горѣли и переливались ярче радуги.

Гдѣ всѣ равны.

Хотя у меня сестеръ не было, а былъ только братъ Дмитрій, къ намъ часто приходили въ гости двѣ дѣвочки, Маша и Клаша. Отецъ думалъ, что если съ дѣтства мы приучимся играть съ дѣвочками, мы будемъ не такъ шалить и вести себя тише. Онѣ приходили каждое воскресенье, мы ихъ колотили и дразнили дѣвчонками, онѣ ревѣли, ябедничали, называли насъ мальчишками и исподтишка норовили сдѣлать какую-нибудь гадость. Задирали первыя обыкновенно онѣ, а потомъ бѣжали жаловаться; насъ ставили въ уголь, а онѣ ходили и дразнились. Нельзя сказать, чтобы это было особенно весело; но ихъ родители были того же мнѣнія, какъ и мой отецъ, и посылали ихъ къ намъ каждое воскресенье. И, дѣйствительно, мы привыкли обращаться съ Машей и Клашей: еще съ субботы мы придумывали, какъ ихъ изводить въ воскресенье.

— Давай, какъ только онѣ придутъ завтра, дернемъ ихъ за косы.

— Или, лучше, намажемъ стулъ горчицей и посадимъ ихъ въ чистыхъ платьяхъ на этотъ стулъ.

Такъ мы сговаривались, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода нашихъ жертвъ.

Когда мы нѣсколько подросли, мы, конечно, не сажали ужъ нашихъ подругъ на горчицу и не дергали ихъ за косу, но отъ этого дѣло не улучшилось, потому

что все время мы проводили въ спорахъ о томъ, кто лучше: мужчина или женщина.

-- А женщины не могутъ хорошо ѣздить верхомъ.

— Это все вздоръ, отлично умѣютъ, а вы не умѣете стряпать.

— Фу, какая ты глупая, а повара-то? вѣдь когда кухарка хочетъ похвастаться, всегда говоритъ: „кухарка за повара“.

— Ну, такъ вы не умѣете вышивать.

— А вы не можете быть гусарами.

— А вы не можете быть кормилицей.

-- А Пушкинъ былъ мужчиной, что взяла?

— А у насъ есть Чарская.

— Однимъ словомъ, дрянъ.

— Самъ-то ты дрянъ.

И каждый разъ начинали съ тѣхъ же самыхъ глупостей. Когда же мы обращались къ отцу за разрѣшеніемъ нашихъ споровъ, онъ говорилъ, что, конечно, всѣ люди равны, и что если теперь это не всѣми еще признается, то наступитъ такое время, когда женщины будутъ и адвокатами, и боевыми генералами и кондукторами, а мужчины (ну, конечно, кормилицами они не будутъ) останутся тѣмъ же, чѣмъ и теперь. Эти отвѣты насъ очень сердили, потому что Маша и Клаша торжествовали и показывали намъ языки, мы ихъ потихоньку поколачивали по старой памяти и отправлялись къ нянѣкѣ Прасковьѣ, которая разсуждала всегда гораздо болѣе утѣшительно, нежели умный папа. Мы ей повѣряли наши горя, а она, почесавъ вязальной спицей голову, говорила:

— Чего только не выдумаютъ. Не нами это заведено, не нами и кончится. Хоть меня возьми: хоть бы меня смолоду учили, да развѣ я могла бы, какъ акробатъ, по канату ходить? Вѣдь это какъ кому Богъ далъ

и кто къ чему приставленъ. Вѣдь ты посмотри вокругъ себя: тогда-бы не было ни липицы, ни зайцевъ, ни березъ, ни сосенъ, ни лѣта, ни зны, и все было-бы на одинъ манеръ. Конечно, папаша человекъ умный, только онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ и ничего не видитъ. Онъ, поди, сердечный, овса отъ пшеницы отличить не можетъ, ни осины отъ березы. Опять птица: сколько ихъ разныхъ породъ и всѣ для чего-нибудь нужны; да и въ одной породѣ, хотя бы куры, одна отъ другой отличается: и перышки разные, и характеръ. Пѣтухъ тебѣ нести яицъ не станетъ. Какъ-же тутъ ихъ всѣхъ уравнять? А ужъ про людей и говорить нечего; одинъ человекъ скромный, другой хулиганъ отчаянный, одинъ тебѣ умный, а другой дуракъ-дуракомъ. Ну, какъ тутъ быть? Это ужъ, какъ кто къ чему приставленъ.

Тогда насъ эти разсужденія очень утѣшали, и мы вѣрили имъ больше, чѣмъ скучнымъ словамъ отца, который говорилъ, что нужно дать возможность и право развивать свои способности на любомъ поприщѣ, безъ различія пола, состоянія и исповѣданія. На отца мы сердились и хотѣли побить его его же собственнымъ оружіемъ: когда онъ намъ давалъ читать книгу, мы ее не читали, а выбирали какую-нибудь самую неподходящую, увѣряя, что всѣ книги равны; за обѣдомъ ѣли одно сладкое, говоря, что это все равно, что ѣсть супъ. Конечно, мы были глупые мальчики, отецъ приходилъ въ отчаяніе и ворчалъ:

— Это чортъ знаетъ, что такое! Какіе-то хулиганы растутъ.

Наша мама улыбалась и говорила отцу:

— Ты, отчасти, самъ виноватъ: дѣти не могутъ всего понимать, а чувство равенства очевидно не врождено людямъ, а благопріобрѣтаемо. иначе оно не встрѣчало бы такого отпора.

И намъ казалось, что мать была на нашей сторонѣ, потому что иначе, зачѣмъ-бы она намъ рассказывала о герояхъ и зачѣмъ-бы у нея на стѣнкѣ висѣлъ портретъ лорда Байрона, а на этажеркѣ стояла чугунная кукла Наполеона? Мы были ей благодарны, молча подсаживались къ ней и ласкались, а она гладила насъ по волосамъ, мечтая, вѣроятно, какъ хорошо было-бы, если-бы одинъ изъ насъ былъ Байрономъ, а другою Наполеономъ, а она, наша мамочка, была-бы не кондукторомъ и адвокатомъ, а „матерью великихъ людей“, какъ мы читали въ одной книжкѣ. Когда мы подымали на нее свои глаза, наши взгляды встрѣчались, и мы отлично понимали другъ друга. А умный папа все продолжалъ разсуждать.

Одинъ день въ году мы не ссорились съ нашими подругами, а наоборотъ, уступали имъ, вели себя тихо и скромно, потому что мы наглядно убѣждались, что есть мѣсто, гдѣ всѣ, рѣшительно всѣ равны. Это бывало въ тотъ день поста, когда насъ всѣхъ водили причащаться. Тутъ мы не толкались и не щипались, не возмущались, если впередъ насъ забирались дѣти нашего швейцара и незнакомыя намъ дѣвочки. Изъ одной и той же чаши, одной и той же ложечкой, одинъ и тотъ же священникъ, у котораго рука тряслась отъ старости, давалъ одинаковые кусочки просфоры, впитавшей въ себя красное вино, одинаково всѣмъ: и большимъ и маленькимъ, мужчинамъ и женщинамъ, богатымъ и бѣднымъ, и молодымъ офицерамъ и старымъ нищимъ, и умному папѣ и младшему дворнику, и швейцаровымъ ребятишкамъ и намъ, и милой мамочкѣ, такой молодой въ бѣломъ платьѣ, и толстой уличной торговкѣ. Дома мы играли чинно, боясь запачкать парадное платье и не споря съ отцомъ, потому что видѣли, что и онъ иногда правъ. Но на слѣдующій день

все шло по-старому. Опять мы дразнили Машу и Клашу, ѣли мороженое вмѣсто супа и читали Ната Пинкертона вмѣсто умныхъ книжекъ.

Однажды мать подозвала насъ и сказала:

— Вы меня огорчаете, мальчишки. Если вы будете такъ вести себя, то ничего хорошаго изъ васъ не выйдетъ. Вы будете самыми обыкновенными шалопаями или тупицами, а я бы хотѣла, чтобы вы вышли замѣчательными людьми, чтобы вы отличались отъ многихъ и многихъ. Для этого вы мнѣ должны помочь и сами стараться быть хорошими. Мнѣ сегодня нездоровится. Я хотѣла васъ просить съѣздить, вмѣстѣ съ няней на кладбище, потому что сегодня—день смерти моей матери, а вашей бабушки.

На кладбище было ѣхать очень далеко, но мы ѣхали тихо и чинно, думая, что мы дѣлаемъ то, что дѣлають обыкновенно большіе. Мы даже сами выбирали цвѣты въ магазинѣ, чтобы положить ихъ на могилу. Нянька быстро отыскала памятникъ нашей бабушки и, войдя за рѣшетку, стала креститься и низко кланяться, мы стали дѣлать то же, думая, что на кладбищѣ старая нянька знаетъ лучше всѣхъ, что нужно дѣлать, можетъ быть, даже лучше мамочки, а ужъ куда лучше папы. Потомъ, сѣвъ на скамейку, она вынула изъ кармана булку и стала бросать кусочки птицамъ. Мы приняли участіе въ этомъ занятіи, потому что насъ забавляло, какъ воробы, поворачивая головой, подскакивали все ближе и ближе и, проворно схвативъ кусокъ булки, улетали съ нимъ на еще голыя вѣтки ближайшихъ деревьевъ. Скормивъ всю булку, мы отправились гулять по кладбищу и читать надписи на крестахъ и памятникахъ. Кого только тутъ не было похоронено! И генералы, чуть не двѣнадцатаго года, и актрисы, и младенцы, и именитое купечество. И надъ всѣми росла

та же зеленая трава, разстилали свои вѣтви еще не покрытыя зеленью деревья, и надъ ними было темно-синее небо, по которому бѣлыми клочьями буйно мчались весеннія облака. А нянька намъ говорила:

— Вотъ ужъ тутъ всѣ равны. Какъ-бы ты на землѣ ни тормошился, какихъ-бы чиновъ ни достигъ, а отъ савана да тесоваго дома не уйдешь. И все та же трава вырастетъ, будь ты грѣшный или праведный, богачъ или нищій,—смерть всѣхъ приравняетъ. А до послѣдняго часа никто, братцы, не равенъ.

— А вотъ, няня, еще въ церкви, когда мы причащались, тоже были всѣ равны.

— Это все-таки не то, что здѣсь. Тамъ милость Божія равна для всѣхъ, а человѣку, пока онъ живъ, равнымъ съ другимъ сдѣлаться трудно. Такъ ужъ насъ Господь создалъ. Тутъ ничего не подѣлаешь, какъ ни мудри.

О совѣстливомъ лапландцѣ и патриотическомъ зеркалѣ.

Лапландецъ Кей былъ, какъ всѣ лапландцы: малъ ростомъ, скуластъ и косоглазъ. Онъ жилъ въ юртѣ, держалъ оленей и билъ китовъ. У него было зеркало, данное ему шаманомъ, которое, по увѣренію послѣдняго, отражало лицо каждаго народа, какимъ оно должно было быть. Такъ какъ Кей другихъ націй не видѣлъ, то онъ думалъ, что на свѣтѣ только и существуютъ лапландцы, и нисколько не удивлялся, видя въ зеркалѣ всегда одну и ту же косоглазую рожу. Но вотъ, однажды, Кей попалъ въ Амстердамъ. Это довольно странно, но вѣдь мы пишемъ сказку и можемъ дѣлать со своими героями, что хотимъ. Въ Амстердамѣ онъ встрѣтился съ людьми самыхъ разныхъ національностей. Тамъ были и голландцы, и нѣмцы, и французы, и итальянцы, и испанцы, и всякій другой народъ. Когда они напивались въ кабацкѣ, то каждый начиналъ восхвалять свою страну и свой народъ. Кому было это обидно, потому что онъ ничѣмъ похвастаться не могъ, а когда онъ говорилъ про необозримыя снѣжныя равнины, сѣверное сіяніе, или беззакатный лѣтній день, или пѣлъ заунывныя лапландскія пѣсни, то это никому не было интересно. Кей подумалъ: „это оттого,

что у меня нѣтъ національнаго лица, недаромъ мое зеркало показываетъ мнѣ всегда мою собственную, одну и ту же рожу“. И онъ сталъ разсуждать такъ: что есть лицо? И особенно національное лицо? Чтобы имѣть свое лицо, нужно быть непохожимъ на другихъ. Чтобы быть непохожимъ на другихъ, нужно изучить качества каждаго народа и развивать въ себѣ противоположное, тогда и получится то національное лицо, которое ни на какое другое не похоже. Для этой цѣли онъ купилъ старый календарь, гдѣ между свѣдѣніями о восшествіи на престолъ, о количествѣ рожденныхъ младенцевъ, о землетрясеніяхъ, между толкованіями простѣйшихъ сновъ и рецептами для соленія огурцовъ,—была и такая рубрика: „свойства европейскихъ націй и ихъ примѣты“. Тамъ онъ вычиталъ:

„Англичане молчаливы и питаются непрожареннымъ мясомъ“.

„Французы преимущественно любезны и съ женскимъ поломъ обходительны, но въ денежныхъ дѣлахъ скареды и собственныхъ женъ держать въ строгости“.

„Гипшпанцы горды и надменны, и къ католической вѣрѣ весьма привержены“.

„Италянцы отъ природы лѣнны, потому охотнѣе всего пѣніемъ занимаются“.

„Греки прирожденные сутяги и торгаши, о чемъ еще у комедійнаго сочинителя Аристофана упомянуто“.

„Нѣмцы изрядные пьяницы, однако, для приплода весьма полезны; сказываютъ, что у нѣмецкихъ дѣвицъ отъ одного взгляда можетъ дитя родиться“.

Все это нашъ лапландецъ вычиталъ, и теперь всѣ его старанія сводились къ тому, чтобы поступать какъ разъ наоборотъ тому, что онъ вычиталъ. Онъ только не зналъ, какъ соединить противоположность болтливости французовъ и англійской неразговорчивости. Но

тутъ помогло то обстоятельство, что онъ говорилъ по-лапландски, такъ что его никто не понималъ. Съ одной стороны, посмотрѣвъ, будто болтливый господинъ, а, съ другой,—эта болтовня ни къ чему не обязывала, такъ какъ ея никто не понималъ. Мясо онъ ѣлъ всегда пережаренное, съ дамскимъ поломъ обращался звѣрски, и, въ пику французскому обыкновенію, нарочно женился, чтобъ держать свою жену очень вольно. Былъ расточителенъ, отнюдь не надмененъ, на тычки и подзатыльники не обижался, и не только католическую,—свою собственную вѣру ругалъ на всѣхъ перекресткахъ. Никакими сутяжными дѣлами не занимался, въ коммерческихъ дѣлахъ всегда попадалъ впросякъ и все чего-то попусту хлопоталъ, чтобъ не быть похожимъ на лѣнивыхъ итальянцевъ. Устроился такъ, что никакихъ дѣтей не только отъ взгляда, но и отъ чего другого не народилось; только отъ одного не могъ избавиться—отъ пьянства. Но утѣшалъ себя тою мыслью, что это въ его національномъ лицѣ будетъ легкою нѣмецкою примѣсью.

А главное, какъ можно чаще повторялъ: „Мы, лапландцы—удивительный народъ, у насъ все не по вашему, и мы этимъ гордимся“. Можетъ-быть, лапландцамъ было чѣмъ гордиться, но ужъ Кей-то гордиться было рѣшительно нечѣмъ. Такъ, однажды, попусту пробѣгавъ цѣлый день и проболтавъ на лапландскомъ языкѣ, котораго никто не понималъ, разный вздоръ,—Кей вечеромъ зашелъ въ кабачекъ и напился. Подтащивъ къ себѣ за волосы двухъ дѣвицъ, Кей началъ хвастаться: „Мы, лапландцы—удивительный народъ, у насъ все самобытно, ни на что не похоже, мы не скареды, какъ французы, съ дамами вотъ какъ обращаемся, а жена моя... Богъ съ ней, навѣрно, за эту недѣлю у ней человѣкъ 10 перебивало. Я на это не смотрю, а

если кто меня побьетъ, я очень радъ, я самъ на себя наплевать готовъ: мы не испанцы. Чего гордиться?.. а только мы—удивительный народъ. А что тамъ попы говорятъ, это все вздоръ,—умремъ—лопухъ вырастетъ, и всякую тамъ римскую курію давно нужно бы раскассировать. И дѣтей у меня цѣлой кучи не будетъ, мы не нѣмцы, я одну такую штуку знаю... какое ты мнѣ мясо подаешь? Я англичанинъ, что - ли, сырое мясо жрать? А вотъ, что я не скупъ,—такъ это правда“,—и онъ выбросилъ весь свой кошелекъ на прилавокъ.

Кей шелъ домой, пошатываясь, и все самъ себѣ хвастался, что, вотъ, теперь у него прекрасное національное лицо, и полѣзъ за пазуху вытащить зеркальце. Но въ зеркалѣ, вмѣсто пьяной рожи расхваставшагося Кея, отразилось совсѣмъ другое лицо. Оно было скуласто и косоглазо, было, очевидно, лапландскимъ, но смотрѣло задумчиво, упорно и серьезно. И представлялось, что за нимъ разстилается необозримая снѣжная равнина, гдѣ, при переливномъ свѣтѣ сѣвернаго сіянія, бѣгутъ запряженныя собаки на далекое ржаніе оленей. „А шаманъ-то меня, вѣрно, надулъ. Какое-же это волшебное зеркало!“—и Кей, бросивъ его на землю, пошелъ, пошатываясь, домой, гдѣ у его жены сидѣлъ одиннадцатый любовникъ.

Высокое окно.

Квартира моихъ родителейъ была въ 6-мъ этажѣ. Теперь, конечно, этимъ никого не удивишь, но въ дни моего дѣтства еще не было 8-ми или 9-ти этажныхъ домовъ и 6-й этажъ казался почти предѣльной высотой. Отецъ и мать немного ворчали, что трудно подыматься по лѣстницѣ, но мнѣ эти подъемы доставляли даже нѣкоторое развлеченіе, неся съ собой еще ту выгоду, что благодаря этому неудобству старшіе рѣже выходили изъ дому, и я былъ-бы даже радъ, еслибъ мы жили не въ 6-мъ, а въ 20-мъ этажѣ, чтобы только моя бонна, веселая нѣмка, Марія Яковлевна, рѣже бѣгала со двора. При томъ, какъ разъ у меня въ дѣтской было окно, которое считалось гордостью нашей квартиры. Изъ него открывался широкой отдаленный видъ, не было видно нашей улицы, даже противоположнаго тротуара, а прямо темнѣлъ большой городской садъ, съ круглымъ прудомъ по срединѣ, улица уже за садомъ, купола, шпили и кресты церквей, а вправо кусокъ Невы, такой синей весной, по которому медленно плыли баржи и быстро бѣгали пароходики съ трубами, казавшіеся игрушечными. Окно выходило на западъ и почти всегда, когда насъ посѣщали рѣдкіе гости, ихъ приводили къ моему окну и они стояли нѣсколько минутъ въ молчаніи и потомъ тихо говорили матери, что они теперь понимаютъ, откуда въ стихахъ

моего отца такая возвышенность мыслей и торжественная прелесть выражений. Я не совсѣмъ понималъ ихъ слова, но гордился, что мое окно хвалятъ, потому что вѣдь это было мое окно, разъ оно находилось въ моей комнатѣ.

У насъ совсѣмъ не было знакомыхъ дѣтей, а гости, которые ходили къ отцу, ни пѣли, ни танцевали, ни играли въ карты, только спорили, да читали стихи, а потомъ мать ихъ поила чаемъ. Марія Яковлевна мнѣ рассказывала, что на Васильевскомъ островѣ у нее живетъ тетка, куда она ѣздила почти каждый праздникъ. Рассказывала также, какое тамъ бываетъ веселье. Тамъ бываетъ много барышень и молодыхъ людей, служащихъ въ конторахъ, банкахъ, магазинахъ, юнкеровъ, и даже одинъ офицеръ. Тамъ танцуютъ, играютъ, поютъ, пьютъ наливку и занимаются стучолкой; а на масленицѣ катаются на вейкахъ и бываетъ чудно, какъ весело. Одинъ разъ нѣмка выиграла восемь гривенъ, а другой разъ, катаясь съ горъ, потеряла муфту и офицеръ ее поцѣловалъ. Ахъ, какъ жалко, что у насъ ничего подобнаго не бываетъ! Но Марія Яковлевна меня утѣшила, сказавъ, что мой папа слишкомъ умный человекъ, что его всѣ цѣнятъ и уважаютъ, муфты у него нѣтъ, и что ему совсѣмъ не интересно, чтобъ его цѣловали офицеры. Мнѣ хотѣлось, чтобъ все было менѣе умно и повеселѣе, но чтожъ дѣлать, нужно жить такъ, какъ приходится.

И я подумалъ, что разъ мой отецъ сдѣлался такимъ умнымъ отъ моего окна, то и со мною можетъ случиться то же, и сталъ смотрѣть на круглый прудъ и игрушечные пароходики не только съ гордостью, но и съ нѣкоторою надеждой. Часто, когда мнѣ надоѣстъ разставлять солдатиковъ, слушать нѣмецкія сказки или рисовать рожки и усы дамамъ въ старомъ, модномъ

журналѣ, я влѣзалъ съ ногами на подоконникъ и подолгу смотрѣлъ на блестящіе кресты дальнихъ церквей. Мнѣ не становилось веселѣе, но я затихалъ и долго не спускалъ глазъ все съ того-же, такъ хорошо знакомаго пейзажа. А къ отцу все также приходили гости, пили чай, а иногда ихъ подводили къ моему окну, они молчали, или говорили вполголоса. Отецъ отвѣчалъ имъ, вѣроятно что то умное, потому что они шептали: „Боже, какой возвышенный полетъ мыслей! Какая торжественная прелесть словъ“. Мать улыбалась, гордясь не то своимъ мужемъ, не то своимъ окномъ и тихонько звала пить чай.

Однажды я увидѣлъ въ мое окно нѣчто совершенно невиданное до сей поры, удивительное и восхитившее меня: наъ далекой улицы подѣ нѣжную торжественную музыку, стройно выѣзжала масса людей на одинаковыхъ лошадяхъ, разливая вокругъ себя необычайное сіяніе.

У нихъ не было ни рукъ, ни ногъ, а одинъ золотой блескъ, стройность и нѣжная музыка. Такъ золотой змѣею они выѣхали медленно, тамъ вдали, прошли и скрылись. „Фрейленъ, фрейленъ, что это такое?“—закричалъ я со своего окна.

Мелькомъ взглянувъ на видѣніе, нѣмка отвѣтила: „Это кавалергарды, дитя; какой веселый маршъ: тра-та-та!—тра-та-та!“

„Они люди?“

— Что это?—

„Кавалергарды, говорю, люди?“

— Фу, какой ты глупый! Конечно, и она снова принялась за питье. Мнѣ было нѣсколько досадно на фрейленъ, зачѣмъ она не раздѣляетъ моего восторга, а говорить о кавалергардахъ, будто о своихъ прикащикахъ. Конечно, будь она русская, она хоть бы перекрестилась на такое чудо, а съ нѣмки чего же спрашивать?

Съ тѣхъ поръ мои мысли всецѣло владѣли эти люди, все какъ одинъ, безъ рукъ, безъ ногъ, появляющіеся не иначе какъ въ золотомъ блескѣ и подъ нѣжную музыку, которая совсѣмъ не похожа на глупое „тра-та-та! тра-та та!“, спѣтокъ Маріей Яковлевной. Я про-сигивалъ цѣлыми днями на своемъ окнѣ, ожидая что повторится видѣніе, но оно не повторялось, а только сновали опостылѣвшіе игрушечные пароходики по надобвшей самой себѣ Невѣ. Такъ какъ все считали моего отца очень умнымъ человѣкомъ, то я рѣшилъ обратиться къ нему и спросить его хорошенько о своихъ кавалергардахъ.

Конечно, я дѣлалъ маленькую пзмѣну, выдавая свой секретъ, но что же мнѣ было дѣлать? Время шло, а они больше не появлялись.

Отецъ могъ мнѣ объяснить, только то, что кавалергарды это такой полкъ и кромѣ того разсердился, зачѣмъ я присталъ къ нему со вздоромъ и кто мнѣ навиваетъ голову всякими глупостями. Мать взяла меня подъ защиту, говоря, что у мальчиковъ моего возраста часто бываютъ военныя увлеченія, что это вполне естественно и потомъ пройдетъ. Но отецъ продолжалъ ворчать и оплакивать мою будущность, предсказывая, что изъ меня выйдетъ дурацкій солдафонъ.

Не будучи въ состояніи носить свою тайну не раздѣленною, я снова обратился къ Марьи Яковлевнѣ, которая хотя и была нѣмкой, но въ данномъ случаѣ представляла болѣе подходящаго собесѣдника, нежели мой отецъ.

Но будучи проученъ первымъ разомъ, я началъ вторичные разспросы уже издалека.

Сидя на своемъ окнѣ и смотря на далекіе дома я спросилъ у бонны: „эти дома, фрейленъ, маленькіе?“

„Почему маленькіе?“

„Ну, какъ комодный ящикъ?“

„Тамъ всякіе есть дома. Это оттого что далеко, тебѣ кажется, что маленькіе“...

Я, конечно, зналъ, что дома не съ комодный ящикъ, но это была хитрость, чтобъ спросить о кавалергардахъ.

„И люди тамъ большіе ходятъ?“

„Почему ты сегодня такой глупый? Люди тамъ ходятъ обыкновенные“.

„Какъ вы, какъ папа?“

„Какъ я, какъ папа“.

„А кавалергарды тоже какъ вы, какъ папа?“

„Офицеры тамъ бываютъ всякіе, а въ солдаты берутъ высокіхъ“.

„А папа можетъ свѣтиться“.

„Какъ свѣтиться?“

„Ну, какъ самоваръ?“

Фрейленъ даже заинтересовалась и пощупавъ мою голову, предложила лечь спать.

„Ложись-ка лучше спать... Во снѣ, можетъ, и папа будетъ, какъ самоваръ.“

„А все-таки, когда папа ходитъ, никакого тра-та-та не слышно“.

Не знаю, что подумала Марья Яковлевна, но она весело разсмѣялась и закрыла меня одѣяломъ.

Развѣ съ нѣмкой можно разговаривать о кавалергардахъ? Вотъ меня Богъ и наказалъ!

Одинъ разъ мы пошли съ фрейленъ гулять. Начался дождь и мы скрылись въ лавкѣ знакомаго сапожника, у котораго, кстати, нужно было взять мои башмаки, къ которымъ онъ дѣлалъ подметки.

Лавка сапожника была въ подвалѣ, такъ что изъ окна были видны только ноги прохожихъ, которыя шлепали по лужамъ.

Сапожникъ былъ нѣмецъ и Марья Яковлевна начала

съ нимъ тараторить по нѣмецки, а меня занималъ рыжий мазаный мальчишка. Сначала онъ таскалъ кота за хвостъ, а тотъ кричалъ, потомъ сталъ мазать стулъ сапожнымъ кремомъ. Но видя, что меня это не очень развлекаетъ, онъ сталъ безъ всякой связи произносить какія то слова, которыхъ я не понималъ, но отъ которыхъ почему то краснѣлъ. Объяснить ихъ онъ мнѣ не сумѣлъ, но сказалъ, что эти слова „похабные“ и что мальчишки должны ихъ говорить. Когда и это увеселеніе истощилось, онъ сталъ ковырять въ носу и вытирать палецъ о мой костюмчикъ, что мнѣ уже совсѣмъ не понравилось.

Вдругъ онъ радостно воскликнулъ: „вотъ калегардъ идетъ!“

Я бросился къ окну, передъ которымъ стояли два грязныхъ сапога въ шпорахъ и висѣлъ уголь сѣрой шинели.

„Какой же это кавалергардъ? у тѣхъ и ногъ то нѣту?“

„А вотъ такой, какъ вытащить нагайку, да стегнетъ тебя, такъ и узнаешь какой.“

„Зачѣмъ же онъ будетъ меня бить? Я ему ничего не сдѣлалъ?“

Мальчишка началъ было кривляться, показывая мнѣ языкъ, но тутъ вышла фрейленъ и повела домой! Конечно, я никому не сказалъ о своемъ разговорѣ съ подвальнымъ мальчишкой, но все печальнѣе и долѣе смотрѣлъ изъ моего окна. Неужели оно меня обмануло и правъ тотъ рыжий мальчишка? Конечно нѣтъ!.. Онъ просто злой мальчишка!

Но почему тогда ты, мое милое окно, мнѣ не поможешь? Не покажешь еще разъ того видѣнія, чтобъ я былъ увѣренъ, что злой мальчишка говорилъ изъ зависти. Ни папа, ни нѣмка объяснить мнѣ ничего не могутъ.

Однажды мать мнѣ сказала:

„Вотъ ты все спрашивалъ о кавалергардахъ, я тебя могу порадовать. Сегодня мы пойдемъ въ гости къ тетѣ Олѣ и ты тамъ увидишь настоящаго кавалергарда“.

Я ничего не сказалъ, но не могъ дожидаться конца обѣда, послѣ котораго мы должны были ѣхать къ роднымъ. Я невнимательно игралъ съ дѣвочкой Машей и все съ ней ссорился, потому что она хотѣла, чтобъ вѣнскіе стулья были лодками, а я—чтобъ они были лошадыми. Наконецъ въ комнату вошла мама въ сопровожденіи высокаго, молодого офицера. Онъ былъ съ руками и ногами, безъ всякаго блеска и музыки, но сапоги у него были не грязные, никакой нагайки не было и онъ не только не сталъ меня бить, а наоборотъ, взялъ, высоко подбросилъ и спросилъ:

„Это ты, малышъ, интересовался кавалергардами?.. Ну, смотри какіе мы.“

„А что у тебя блеститъ? Я видѣлъ“.

„Это кираса, мы надѣваемъ ее только въ парадъ“.

„А музыка?“

„Это наши трубачи“.

„И у тебя есть лошадь?“

„Конечно. Вотъ пріѣзжай съ мамой въ манежъ, я тебѣ покажу“.

И дѣйствительно, онъ не только показалъ свою лошадь, но и покаталъ меня на ней. А мама смотрѣла, улыбаясь. И я въ первый разъ замѣтилъ, что мама у меня молодая и красивая. Я рассказалъ все моему новому другу и про окно, и про мальчишку, какъ они оба меня обманули.

Онъ погладилъ меня и сказалъ:

„Это и всегда такъ будетъ, если о вещахъ судить съ чердака, или изъ подвала. Нужно подходить къ вещи прямо и близко, тогда ее узнаешь. Но, можетъ быть,

тебѣ жалко, что у меня есть руки и ноги? и не всегда я въ блескѣ?“

„Нѣтъ, такъ гораздо лучше. Богъ съ нимъ съ блескомъ... Зато ты настоящій и я могу тебя трогать. И ты хорошій. А мальчишка изъ подвала просто злой мальчишка!“

Но почему же тогда наши гости говорили, что мой нана сдѣлался умнымъ именно отъ моего окна?

Или для большихъ и маленькихъ разныя мѣрки? Я не знаю, но съ благодарностью поцѣловалъ своего новаго друга, за то что можно прижаться къ его мундиру, за то, что онъ такой добрый и красивый. А главное—настоящій.

Я думаю, что и мама охотно бы его поцѣловала—такъ нѣжно она на насъ смотритъ. И я кричу ей; „Мама, поцѣлуй и ты его! Это ничего, что онъ безъ кирасы и нѣтъ музыки!“

Послушный подпасокъ.

Деревня, въ которой родился маленькій Николай, была самая обыкновенная деревня. Нельзя сказать, чтобы она лежала въ лѣсу, въ степи, а тѣмъ менѣе въ горахъ или у моря, потому что моря тамъ никакого не было, лѣса и луга чередовались въ пріятной последовательности, а холмы были такіе милые и веселые, что вы бы ихъ никакъ не назвали горами. Вѣдь горы, вы сами знаете, это когда скала лѣзетъ на скалу, камень на камень, будто все черти переверочали, никакихъ роцъ на нихъ не растеть, а сидять только тучи, да орлы. И люди на горахъ живутъ сердитые, неразговорчивые и непослушные.

А въ нашей деревнѣ жили самые обыкновенные люди. Были, конечно, тамъ и непослушные, и обманщики, и плуты, но въ общемъ народъ былъ веселый и любезный. Но если и были тамъ непослушные люди, то, во всякомъ случаѣ, не маленькій Николай. Онъ даже не плакалъ, когда родился, а ужъ это полагается всѣмъ дѣтямъ, особенно въ разказахъ. Конечно, куда тебя пеленають, очень трудно быть непослушнымъ: куда положить, тамъ и лежи, нигуда не уйдешь; что бы въ ротъ ни сунули, то и соси; но и потомъ, когда ужъ онъ сталъ ходить и даже когда на него надѣли штаны, изъ задней прорѣшки которыхъ всегда торчала рубашка, его послушаніе не уменьшалось; а

слушаться ему было кого, потому что родители его очень скоро умерли, а командовать ребенком,—это такая изъ родительскихъ обязанностей, принять которую на себя найдется всегда много охотниковъ. Чтобы вымытъ, накормить ребенка—такъ это нѣтъ, а воспитывать дитя, т.-е. кричать на него, давать ему подзатыльниковъ—всякому лестно.

Такъ и помыкали маленькимъ Николаемъ всѣ, кому было не лѣнь.

И всѣхъ онъ слушался, былъ мальчикомъ тихимъ и послушнымъ. Это, конечно, не значить, что у него не было собственныхъ желаній и мнѣній, но вѣдь это сто дѣло, никого не касалось. Что ему приказывали, онъ исполнялъ, чего-же больше? Одного только онъ никакъ не могъ исполнить, это—успѣвать въ ученьи.

Онъ не былъ лѣнивымъ, но былъ какой-то безпоянливый на ученье. Побились съ нимъ, побились и отдали пастуху въ подпаски. Такъ и щелкалъ кнутомъ Николай цѣлый день на коровъ, а въ полдень, съѣвши хлѣбъ и лѣсной земляники, или спалъ вверхъ животомъ, или смотрѣлъ, какъ бабочки перелетали съ цвѣтка на цвѣтокъ. Шель ему тогда 15 й годъ, и всѣ думали, что, когда старый пастухъ умретъ, его замѣнитъ Николай. Онъ былъ мальчикъ крѣпкій и приземистый, лобъ у него былъ низкій и темные неподвижные глаза. Посмотрѣть на него—сказалъ-бы, что онъ тупой упрямецъ, а между тѣмъ онъ оставался все такимъ же послушнымъ малымъ. Скажутъ ему: Николай, принеси ведро воды, — несеть; или: —наруби мѣловь—рубить; сдѣлай то, сдѣлай другое—все дѣлаетъ. Еще у него была одна привычка, отъ которой его никакъ не могли отучить, это—всегда говорить правду. Изъ за этой своей привычки немало пришлось ему вынести побоевъ. Спросить у него какойнибудь парень:—

Не видѣлъ ли ты, Николай, гдѣ Берта?—Въ оврагѣ съ Петромъ сидитъ.—Ну, конечно, Петръ сейчасъ Николая бить.

А если его подучать говорить неправду, еще хуже выйдетъ. Спросятъ его: не видѣлъ ли ты, Николай, Берты?

— Въ лѣсу грибы беретъ.

— Одна?

— Одна.

— А ты правду говоришь?

— Нѣтъ, неправду.

— А гдѣ же она?

— Не могу сказать.

— Почему?

— Не велѣли.

— Кто не велѣлъ?

— Петръ не велѣлъ.

Значитъ, опять Николаю потасовку—и отъ Петра, и отъ Павла. Дуракомъ его нельзя было счесть, но и въ умные не запишешь.

Въ ту пору король, которому принадлежала Николаева деревня, велъ войну съ сосѣдями. Вначалѣ жители даже не знали, что война, потому что это ихъ нисколько не касалось; такъ же они сѣяли, жали, косили, коровъ доили, рожали, женились и помирали, а что тамъ, гдѣ-то кровь проливали, отъ этого не очень разстраивались. За это ихъ винить нельзя: вѣдь доведись и намъ съ вами утромъ въ газетахъ прочитатъ, что въ Бразиліи городъ провалился, гдѣ изъ горы огонь выхлестнуло, гдѣ корабли ко дну идутъ, сербы съ болгарами другъ друга съѣли безъ остатка, или въ нашемъ городѣ столько давятся, топятся, травятся, рѣжутся,—все это васъ разстроить, конечно, меньше, чѣмъ муха попавшая въ вашъ кофей. Можетъ-быть,

это очень скверно, но ужъ такъ люди устроены. Такъ что нечего удивляться на жителей той деревни, гдѣ Николай пасъ стада. Но когда они услышали, что ближайшій городъ взять и сожженъ, что враги идутъ къ той крѣпости, гдѣ заперся король, что путь ихъ лежитъ какъ разъ черезъ нашу деревню, что деревни, отстояція верстѣ на 60 сожжены врагами, что не сегодня—завтра гости пожалуютъ къ нимъ, мужчинъ переколотятъ, обидятъ женщинъ, вытопчутъ поля, дома сожгутъ и угонятъ скотъ, тогда они забеспокоились, стали точить вилы, серпы и косы, а часть убѣжала въ лѣсъ.

Хотя моря около нашей деревни и не было, но версты за 3 протекала большая, широкая рѣка, около которой часто паслись стада. Однажды на разсвѣтѣ Николай увидѣлъ двухъ всадниковъ, которые, переѣзжая мостъ, говорили между собой:

— Перебѣжчики насъ обманули, скрывъ существованіе этого моста, гдѣ мы гораздо удобнѣе можемъ переправиться, чѣмъ черезъ тотъ далекій бродъ.

Потомъ они скрылись въ лѣсу, не замѣтивъ притаившагося Николая. Николай никому не сказалъ ни слова о томъ, что онъ видѣлъ, а стащилъ на деревнѣ большую пилу и ночью подпилить столбы, на которыхъ держался мостъ, такъ что, когда враги всею тяжестью лошадей, солдатъ, пушекъ и повозокъ вступили на подпильенный мостъ, послѣдній рухнулъ и всѣ очутились въ водѣ. Съ крикомъ и ругательствами враги отступили къ тому броду, который имъ былъ указанъ лазутчиками и гибель нашей деревни отсрочилась дня на три. Но не смотря ни на какія отсрочки, то что должно совершиться—совершается; такъ и родное селеніе пастуха не избѣгло своей участи.

При томъ участь ея была, какъ двѣ капли воды, похожа на участь другихъ деревень, потому что, хотя ея

жителямъ она и казалась центромъ міра, но на всякій посторонній взглядъ она была самая обыкновенная деревня, о существованіи которыхъ узнается только, если около нея случайно произойдетъ какое-либо кровопролитное сраженіе или, если въ ней родится великій человекъ, что бываетъ, можетъ быть, разъ въ 500 лѣтъ. Конечно, можетъ прославиться такое мѣстечко и капризомъ поэта, помѣстившаго туда своихъ героевъ, но жители этого мѣстечка даже не будутъ знать, что названіе ихъ прихода читается элегантными дамами Парижа. Итакъ, нашу деревню, самую обыкновенную, постигла обычная участь такихъ деревень въ военное время. Мы даже сознательно не говорили названія этой деревни, хотя его и знаемъ, потому что все равно, послѣ этихъ строкъ, оно намъ не нужно. А важно намъ только то, что нашъ Николай не былъ убитъ какъ мужчина, нивытопанъ какъ поля, ни сожженъ какъ дома, ни обезчещенъ какъ женщины, а былъ угнанъ какъ скотъ, который онъ пасъ. Дѣло въ томъ, что еще не доходя до деревни, вражескіе конники захватили Николая и повели съ собою, думая, что онъ будетъ имъ указывать лѣсныя тропинки.

До своего селенія ему не пришлось этого дѣлать, а потомъ, видя его послушаніе и старательность, къ нему привыкли, а тутъ пришелъ конецъ войнѣ и Николая вмѣстѣ съ обозомъ увезли въ чужую страну; все было бы не плохо, еслибъ ни его привычка говорить всегда правду. Пользуясь свободой, онъ бродилъ по всему лагерю, а когда его спрашивали, онъ говорилъ безъ утайки, что видѣлъ и слышалъ.

Покуда это касалось низшихъ чиновъ, Николая только колотили, но когда онъ сталъ рассказывать правду про полковниковъ и генераловъ, то его обвинили въ клеветническихъ доносахъ и посадили въ тюрьму, а посадивши въ тюрьму, о немъ забыли, по-

тому что онъ больше не беспокоилъ своими разсказами.

Итакъ:

„Было все очень просто
Было все очень мило“,

какъ говорить одинъ современный поэтъ. Николаи спокойно сидѣлъ въ тюрьмѣ, вѣроятно, находя, что его жизнь мало чѣмъ измѣнилась. Но и дальше случилось нѣчто похожее на то, что описываетъ тотъ же поэтъ. Тамъ королева въ башнѣ у моря играла Шопена и полюбила пажка. У насъ же моря не было, Шопена никто не игралъ, вмѣсто башни была тюрьма, вмѣсто пажка—подпасокъ и вмѣсто королевы—дочь тюремщика. Позвольте! Какое же тутъ сходство? А сходство въ томъ, что дочь тюремщика полюбила Николая. Мы не споримъ, что башня, море, Шопень, королева и пажъ — все это гораздо поэтичнѣе, но вѣдь мы же и пишемъ не стихи, а простую деревенскую исторію и потому увѣряю, что дочь тюремщика была нисколько не хуже королевы. Даже не только не хуже, а гораздо лучше. Она была такая бѣленькая, что всякій бы подумалъ, что она вскочила изъ англійской книжки иллюстрированнаго перевода Андерсеновыхъ сказокъ.

Это, конечно, дѣло вкуса, но мнѣ дочь тюремщика очень нравится. Да, вѣдь вы же ея совсѣмъ не знаете? Значить, она была бѣленькая и тоненькая, съ заплетенными косичками и зелеными глазками. Ей было 15 лѣтъ и одѣта она была въ костюмъ того времени, къ которому угодно будетъ читателю приурочить исторію. Для Элизы же это рѣшительно все равно, потому что она какъ душенька „во всѣхъ нарядахъ хороша“, хоть бы въ водолазномъ костюмѣ.

Конечно, чистотѣ ихъ любви много способствовало

то обстоятельство, что Николай все время сидѣлъ за рѣшеткой, а Элиза гуляла по двору.

Они даже не могли поцѣловаться, потому что окно Николая находилось въ 4-мъ этажѣ.

Такъ какъ для того, чтобы звуки нѣжнаго Элизина голоса долетали до Николая, дочери тюремщика нужно было говорить очень громко, почти кричать, то ихъ объясненія скоро сдѣлались извѣстными другимъ людямъ и любовь ихъ открылась. Тутъ Элизу посадили въ ея горницѣ, а объ Николаѣ вспомнили. Его, оказывается, такъ основательно позабыли, что даже позабыли причины, по какимъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму. А такъ какъ онъ былъ въ нее заключенъ вскорѣ послѣ военнаго времени, когда королевскія дѣла не вполне были приведены въ порядокъ, безъ особеннаго суда и слѣдствія, то никакихъ письменныхъ документовъ, доказывающихъ его вину, не сохранилось.

Когда королю доложили объ этомъ, онъ долго теръ лобъ,—вспоминая, наконецъ, воскликнулъ:

— Самого Николая я помню: это—тотъ пастухъ, котораго мы забрали при походѣ на сосѣдей. А что онъ сдѣлалъ, я рѣшительно не помню. Навѣрное, какой-нибудь вадоръ. Свою курицу вмѣсто чужой укралъ, или что-нибудь въ такомъ родѣ.

Послѣ такихъ словъ, даже тѣ вельможи, которые смутно помнили, за что былъ посаженъ Николай, не осмѣлились этого высказать, потому что король гордился отмѣнною памятью, великодушными дѣлами и острыми словами. Къ послѣднимъ онъ причислялъ и вышеупомянутую свою рѣчь, такъ что было неудобно соваться въ его рѣшенія. А король, довольный началомъ, продолжалъ:—я скоро собираюсь вести войну съ тою же страню и Николай можетъ быть намъ полезенъ. Что же касается до того, что онъ полюбилъ Элизу, это

его частное дѣло и никакого государственнаго преступленія тутъ нѣтъ. Если отецъ дѣвушки согласенъ, то, я думаю, ничто не мѣшаетъ ихъ браку.

Но отецъ дѣвушки былъ не только не согласенъ, а, наоборотъ, отказалъ наотрѣзъ. Тогда король сказалъ: предоставь это дѣло мнѣ, я поговорю съ Николаемъ и дамъ тебѣ слово, что черезъ три дня онъ и думать позабудетъ о твоей дочери.

Король такъ говорилъ потому, что кромѣ того онъ гордился убѣдительною силою своихъ разговоровъ. Онъ считалъ, что стоитъ ему, какъ Сократу, поговорить полчаса о гороховомъ супѣ, или вареныхъ бобахъ,—и онъ убѣдитъ кого-угодно измѣнить родинѣ, перемѣнить вѣру или разлюбить любимаго до сихъ поръ.

Потому главный тюремщикъ не противорѣчилъ, поклонился и вышелъ, а къ королю привели Николая. Тогда между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Ты Николай?

— Николай.

— Почему же ты Николай?

— Потому что меня такъ назвали.

— А еслибъ тебя назвали Петромъ?

— Тогда бы я назывался Петромъ.

— У тебя измѣнился бы носъ или уши отъ этого?

— Не думаю.

— Что же ты полагаешь, еслибъ тебя звали Павломъ, тебя бы солнце больше пекло?

— И этого не полагаю.

— Вѣдь, еслибъ ты умѣлъ печь булки, ты бы назывался булочникъ?

— Справедливо.

— Почему же ты тогда упорствуешь въ любви къ Элизѣ?

— Я не упорствую.

- Что-жъ ты дѣлаешь?
— Я просто люблю ее.
— Королю нужно повиноваться!
— Слѣдуетъ.
— Ну, такъ какъ же?
— Я не знаю.
— Отецъ Элизы за тебя не выдастъ.
— Это его дѣло.
— И ты Элизы больше никогда не увидишь.
— Ну, что-жъ дѣлать?
— Развѣ тебѣ это будетъ пріятно?
— Я не говорю этого.
— Да ты знаешь-ли, что ты сейчасъ дѣлаешь?
— Разговариваю съ королемъ.
— А кто такъ еще разговаривалъ?
— Я не знаю. Вѣроятно, немало несчастныхъ людей такъ разговариваетъ.
— Это называется сократическій діалогъ.
— Все можетъ быть.
— А Сократъ былъ величайшимъ мудрецомъ.
— Тѣмъ лучше для него.
— Такъ вотъ ты и чувствуи.
— Теперь, когда ты мнѣ сказалъ, буду чувствовать.
— Такъ какъ же тебѣ не стыдно?
— Я не знаю, чего мнѣ стыдиться, я ничего не сдѣлалъ.
— Вѣдь ты дѣлаешь зло отцу дѣвушки, мнѣ и самой Элизѣ.
— Я вообще ничего не дѣлаю. Какъ же я могу дѣлать зло?
— Ми всѣ разстраиваемся отъ твоей любви.
— Еслибъ я не говорилъ о своей любви, о ней

никто бы не зналъ. Если васъ разстранвають мои слова, я не буду говорить—вотъ и все.

Тогда король обрадовался и крикнулъ тюремщика.

— Что я тебѣ говориль? Стоитъ умному человѣку пять минутъ поговорить, какъ онъ можетъ убѣдить въ чемъ угодно. Вотъ Николай уже забылъ и думать о твоей дочери.

Тогда тюремщикъ обратился къ пастуху:

— Это правда, что ты разлюбилъ Элизу?

— Нѣтъ, неправда. Я ее люблю.

Тутъ вступился король и закричалъ на Николая:

— Ахъ ты такой сякой, ты же мнѣ обѣщаль, что не будешь говорить о своей любви!

— Зачѣмъ же вы меня спрашиваете?

Король тюремщика успокоилъ и Николая оставили на свободѣ, стараясь только о томъ, чтобъ онъ не имѣлъ случая видѣться съ дѣвушкой, которую увѣрили, что Николай ее разлюбилъ. Элиза не очень этому повѣрила и все искала удобной минуты, чтобъ спросить объ этомъ у Николая самой. Однажды, выйдя за дворцовыя ворота, она увидѣла Николая, сидящимъ на скамейкѣ и спросила его:

— Это правда, Николай, что ты меня разлюбилъ?

— Нѣтъ, неправда, я люблю тебя по-прежнему.

— Почему жъ ты избѣгалъ со мною встрѣчь?

— Мнѣ такъ велѣли король и твой отецъ.

Элиза съ громкимъ плачемъ бросилась въ свой домъ, кинулась на постель и до ночи прорыдала. Когда отецъ подходилъ къ ея двери, она не пускала его, крича: „Пошелъ вонъ, злой человѣкъ! Вы меня разлучили съ милымъ Николаемъ, хотѣли меня обмануть, что онъ меня не любитъ, а онъ меня любить по-прежнему. Я вотъ сію минуту возьму да умру, и всѣ узнають, что ты виновникъ моей смерти“.

Конечно, Элиза нисколько не умерла, а король призывал Николая и говорить ему:

— Что жъ ты надѣлалъ? Вѣдь ты далъ мнѣ слово, что не будешь говорить о своей дюбви?

— А зачѣмъ она меня спрашиваетъ? Я самъ не говорилъ.

Король пожевалъ губами и говоритъ:

— Все-таки тупой ты парень, другъ мой! И хоть послушный, но тебѣ надо давать самыя подробныя указанія. А то живо съ тобой въ бѣду влетишь. Такъ вотъ слушай хорошенько, что я тебѣ скажу! Когда бы Элиза тебя не спрашивала насчетъ любви, ты отвѣчай ей, что ты ея терпѣть не можешь. Или нѣтъ, этому она не повѣритъ. Лучше скажи ей, что питаешь къ ней самыя хорошія дружескія чувства, а полюбилъ другую. Такіе отвѣты бываютъ всегда наиболѣе тягостны и легче всего исцѣляютъ отъ любви. Скоро во дворцѣ будетъ праздникъ, ты не скучай, веселись, не избѣгай Элизы, а то она подумаетъ, что ты ее все еще любишь, а протанцуй съ ней вальса три и веди разговоры самыя обыкновенныя.

Все вышло, какъ по писанному и когда послѣ второго вальса, выйдя по аллеѣ, освѣщенной разноцвѣтными фонариками на лужайку, откуда видно было, какъ изъ-за черной купы деревъ къ черному августовскому небу, шипя, взлетали ракеты, разсыпаясь яркими звѣздами, Элиза спросила Николая:

— Вы веселы сегодня, мой другъ!—Можетъ, слова моего отца не были лишены справедливости?—то Николай спокойно отвѣтилъ:

— Я васъ терпѣть не могу, или лучше сказать, я питаю къ вамъ самыя дружескія чувства, но люблю другую женщину. Это отвѣтъ наиболѣе тягостный и легче всего исцѣляетъ отъ любви.

Если бъ Элиза дослушала до конца Николаевы слова, конечно, она поняла бы, что искренняя рѣчь не можетъ быть такъ построена. Но дѣло въ томъ, что первая половина фразы такъ поразила ее въ самое сердце, что она не слышала окончанія, а только, поблѣднѣвъ при пестрой розсыпи ракетъ, пролепетала:

— Неужели это правда?

— Нѣтъ, это неправда.

— Значить вы любите меня?

— Я васъ терпѣть не могу, или лучше сказать, я питаю къ вамъ самыя дружескія чувства... и Николай повторилъ цѣликомъ свой первый отвѣтъ.

Теперь Элиза выслушала его до конца и, разсмѣявшись произнесла:

— Какія странности вы говорите, мой другъ. Можно подумать, что вы выучили диктантъ наизусть. Конечно, сегодня праздникъ, всѣ шутятъ, но не могу не сказать, что ваша шутка не очень милая. Я знаю, что вы меня любите, не такъ ли?

— Я васъ терпѣть не могу или лучше сказать, я питаю...

Тутъ ужъ Элиза не смѣялась, а постоявъ минуту молча, вдругъ опроретью пустилась по аллеѣ, подобравъ платье, и громко крича:

— Боже мой, Николай сошелъ съума!

Король и отецъ Элизы были довольны послушаніемъ пастуха. Они даже подумали, что Николай не только поступаетъ, но и чувствуетъ, какъ имъ угодно.

Король призвалъ его къ себѣ и говоритъ:

— Вотъ видишь, другъ мой, какъ хорошо все устроилось. Элиза погоревала немного и забыла тебя, ты тоже успокоился, а мнѣ и моему тюремщику доставилъ большое удовольствіе.

— Я Элизу люблю,— отвѣчаетъ Николай.

— Ну, объ этомъ, мы, кажется, условились не разговаривать. Да и потомъ, разъ твоя любовь ничѣмъ не выражается, каково же ея значеніе?

— Это важно для меня самого, для Господа Бога, который читаетъ въ сердцахъ и для всѣхъ тѣхъ, кто смотритъ не только на то, что я дѣлаю или что я говорю, а обращаетъ вниманіе на меня самого и мою душу.

Король видитъ, что начинается какой-то продолжительный разговоръ и говорить:

— Ну, хорошо, хорошо. Объ этомъ мы послѣ обѣда побесѣдуемъ. А теперь мы очень тобою довольны.

И, наградивъ, отпустилъ Николая.

Хотя Николай никому не говорилъ больше про свою любовь, однако, онъ очень скучалъ и худѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Король снова призвалъ его и говорить:

— Нельзя-же такъ, мой другъ! На что ты сталъ похожъ? Ходишь, будто вчерашній день потерялъ.

— Мнѣ очень скучно,—отвѣчаетъ Николай.

— Что за вздоръ, какое тамъ скучно! А ты скажи самъ себѣ, что тебѣ весело,—вотъ тебѣ и будетъ весело. А что касается до того, что ты худѣешь, такъ ты, вѣрно, нездоровъ. Я къ тебѣ пришлю своихъ медиковъ. Они живо тебя поправятъ.

Николай поклонился и вышелъ, а потомъ переломилъ себя и сдѣлался прежнимъ Николаемъ.

Всѣ на него смотрѣли и радовались, какой онъ послушный. А что онъ думалъ и чувствовалъ,—это никого не касалось.

Между тѣмъ, онъ не только не переставалъ любить Элизы, дочери тюремщика, но кромѣ того, началъ очень тосковать о родинѣ. А тутъ какъ-разъ король затѣялъ снова воевать съ Николаевыми земляками, а

самого Николая захотѣлъ сдѣлать однимъ изъ своихъ генераловъ, такъ какъ считалъ его хорошо знающимъ страну и человѣкомъ очень послушнымъ. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Николаю, тотъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ принять такого назначенія, потому что не хочетъ идти противъ своихъ братьевъ.

— Какой вздоръ! Какіе тамъ у тебя братья? Навѣрное, и знакомые-то всѣ перемерли. Ты теперь нашъ. Вѣдь наша страна очень похожа на твою прежнюю родину, у насъ даже языки сходственные, я въ сущности и завоевать-то ее потому хочу, чтобъ не было путаницы, чтобъ бѣдныхъ школьничковъ не мучить, нужно и о нихъ подумать такое-то царство, такое-то государство, а всѣ одно на другое похожи. Такъ ужъ пусть будетъ все одно мое королевство, гораздо проще. Вотъ если-бы я съ неграми, или китайцами полѣзъ воевать, было-бы глупо, а тутъ даже никто и не разберетъ, кто кого бьетъ. А потомъ, вотъ что я тебѣ еще скажу: для умнаго человѣка тамъ родина, гдѣ ему хорошо живетъ. Ты человѣкъ не глупый, живетъ тебѣ у насъ хорошо, значить, ты нашъ. Дѣлайся моимъ генераломъ и больше никакихъ.

— Нѣтъ, я этого никакъ не могу сдѣлать. У меня тамъ родимая колокольня.

— Дай мнѣ немного съ дѣлами управиться, я тебѣ десять родимыхъ колоколенъ устрою.

— Нѣтъ, я все-таки не могу. Вы ужъ меня увольте.

Тутъ король страшно раскричался и сказалъ, что, если Николай не пойдетъ на войну, онъ его не повѣситъ, не казнить, а приставить къ нему 10 человѣкъ, которые бы передвигали ему ноги, поднимали руки, заставляли стрѣлять, а все-таки генераломъ онъ у него будетъ.

Николай зналъ, что король человѣкъ очень упря-

мый и на своемъ всегда поставитъ, поэтому онъ не допустилъ, чтобъ другіе передвигали ему ноги, и изъявилъ согласіе исполнить волю короля, думая, что разъ онъ будетъ одинъ, тѣмъ болѣе генераломъ, ему будетъ легче придумать, какъ - бы такъ поступить, чтобы и братьевъ не убивать и короля не сердить.

Покуда они шли походомъ, все было очень хорошо, но какъ только дѣло дошло до перваго сраженія, Николай, вмѣсто того, чтобъ давать распоряженія, пошелъ ночью въ непріятельскій лагерь и отдался имъ въ плѣнъ, увѣряя, что онъ Николай изъ такой-то деревни. Такъ какъ сраженіе происходило очень далеко отъ той деревни и Николая никто не зналъ, то ему не повѣрили, приняли за шпиона, посадили въ тюрьму и по военному времени приговорили повѣсить.

— Да поймите - же, что я Николай, вашъ же па-
стухъ.

Но его никто не слушалъ и послали къ нему старенькаго священника, чтобъ исповѣдывать передъ смертью. Ему Николай все разсказалъ, какой онъ былъ послушный, и что изъ этого выходило. Старикъ выслушалъ и говоритъ:

— Ты, конечно, совершенно правъ. Что касается внѣшнихъ поступковъ, то всегда нужно быть послушнымъ, потому что, во-первыхъ это нисколько не важно, во-вторыхъ, это не возбуждаетъ никакихъ распрей. Затѣмъ, это не касается твоей души, которая только одна и нужна Господу Богу и которую нужно хранить свободной и незапятнанной. И, наконецъ, потому, что люди сильные всегда могутъ принудить тебя сдѣлать, что имъ хочется. А душу твою принудить никто не можетъ, если ты твердъ. Это и есть настоящая свобода; напрасно только ты всѣмъ вралъ изъ послушанія.

— Я никого не обманывалъ, говоря то, чего имъ

хотѣлось. Если меня спрашивали, правду-ли я говорю, я всегда говорилъ, что нѣтъ. Неужели, можетъ счестся за обманщика человѣкъ, которому прикажутъ говорить про сосну, что это журавль, а то, молъ, тебя выпорютъ. Да сдѣлайте ваше одолженіе, журавль, такъ журавль. Вѣдь самъ-то я знаю, что это соена. Между-тѣмъ, когда я говорилъ правду, то меня или били, или сажали въ тюрьму, или не вѣрили, какъ вы теперь. Я говорилъ неправду только тогда, когда меня къ этому принуждали или могли принудить. При томъ, никогда этой неправды за правду не выдавалъ, а просто произносилъ тѣ буквы, которыхъ отъ меня требовали, потому что всегда, когда человѣкъ говоритъ неправду по принужденію, не вѣря самъ въ нее и никого не желая увѣрить, онъ ничего другого не дѣлаетъ, какъ если бы онъ произносилъ слово безразличное, напр., „инфузорія“. Если-же другіе на этомъ утвержденіи, завѣдомо для нихъ ложномъ, но пріятномъ, стали что-либо строить, это ужъ было-бы дѣло ихъ глупости. Вотъ если-бы я дѣйствительно разлюбилъ Элизу, дѣйствительно пошелъ-бы противъ своихъ братьевъ, а не избражалъ по принужденію одну видимость этихъ поступковъ, тогда-бы я покривилъ душою. Я же этого никогда не дѣлалъ и вины за собою въ этомъ не чувствую.

Старикъ прослушалъ и говорить:

— Можетъ, ты и правъ. Но вратъ все-таки не хорошо. Конечно, грѣхи твои тебѣ отпускаются, но вотъ что я еще хотѣлъ сказать тебѣ, дитя мое:

— Можетъ-быть, ты думаешь, что я расскажу военачальникамъ твою исповѣдь, что ты дѣйствительно нашъ Николай и тебя помилуютъ, такъ ты на это не надѣйся, потому что и мнѣ все равно никто не повѣритъ въ военное время, а во-вторыхъ, мы, священники

не имѣемъ права открывать того, что намъ говорятъ на духу; это очень мудрое правило. Подумай, сколько злодѣевъ намъ каются; если-бы мы обо всемъ болтали, то мы бы ужъ не священники были, а на манеръ Шерлока Холмса. Такъ все и хорошее, и дурное въ себѣ носимъ. Это не такъ легко, ты не думай. А меня прости какъ Богъ тебя простить.

— Я ни на что и не рассчитывалъ, — отвѣтилъ Николай.

А на утро его повѣсили.

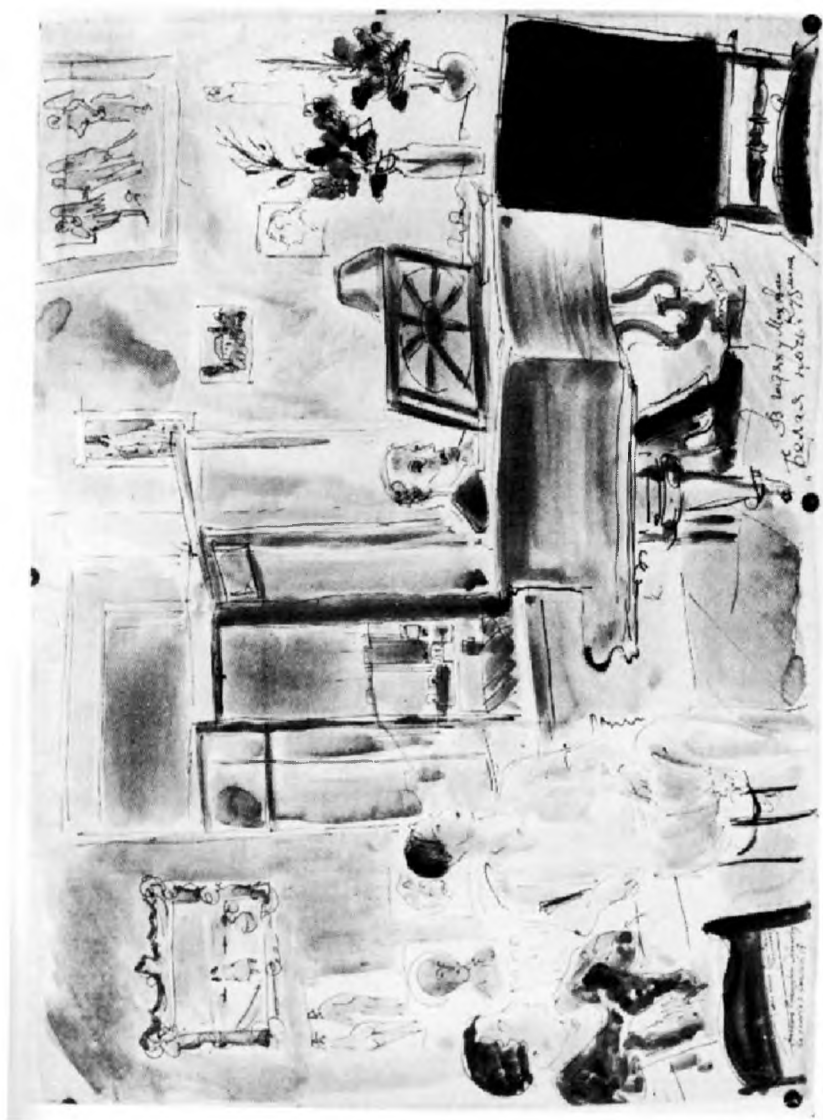
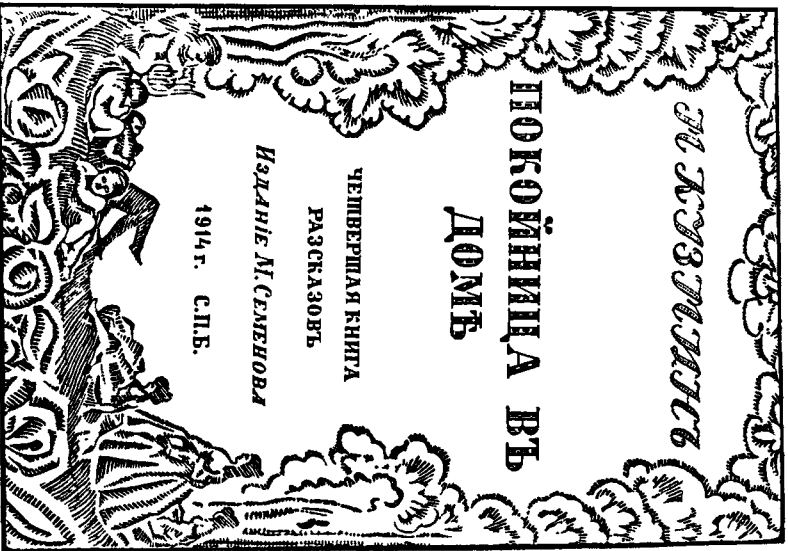
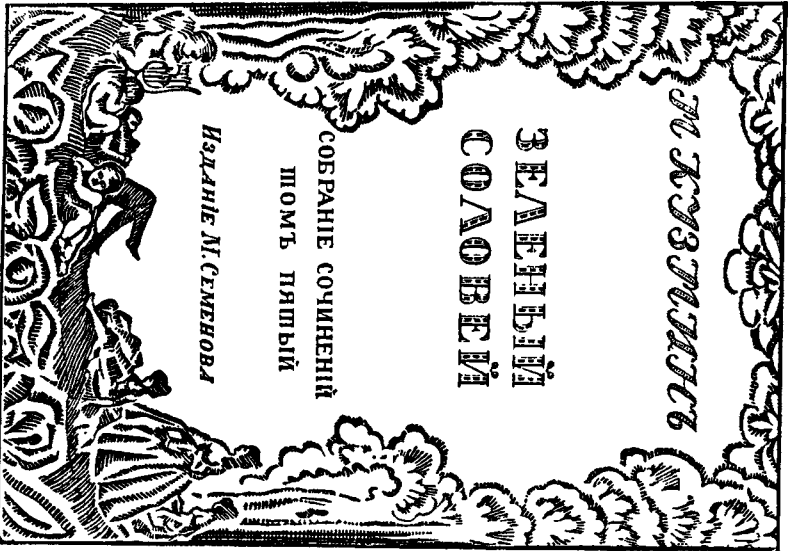

Рисунок художника В. Милашевского 1932 г.

Обложка работы А. Божерянова.

Могила М. Кузмина на Волковом Кладбище в Ленинграде.

М. КУЗМИНЪ.

ЗЕЛЕНЫЙ СОЛОВЕЙ.

ПЯТАЯ КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ

А. БОЖЕРЯНОВА.

ИЗДАНИЕ М. И. СЕМЕНОВА.

Петроградъ. 1915 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
Зеленый соловей (1915)	3
Платоническая Шарлотта (1914)	13
Завтра будетъ хорошая погода (1914).	25
Напрасныя удачи (1914).	37
Соперникъ (1914)	51
Измѣна (1914).	63
Шаръ на клумбѣ (1914).	71
Набѣгъ на Барсуковку (1912)	99
Образчики добраго Ѳомы (1915).	123
Остановка (1915).	147
Своему дѣлу мастеръ (1915)	159

Зеленый соловей.

Зеленый домъ былъ такъ похожъ на сдѣланный изъ фисташковаго мороженнаго, что казалось: вотъ вотъ отъ мартовскихъ лучей подтаютъ колонки, закаплетъ съ капителей и утлый балкончикъ тихо-тихо наклонится влѣво въ сторону церкви и такъ повиснетъ.

Очевидно, домовладѣльцамъ, какъ и солнцу, было жалко привѣтливаго старичка и они оставили его встрѣчать своею зеленью недолгія уже весны, лишь на дворѣ взгромоздивъ сѣрую громаду, официальную и явственно доходную. Асфальтъ, заворачивая межъ низкой загородки, подтекалъ прямо къ крыльцу, гдѣ, какъ на крѣпости, вился флагъ и вздувалась парусинная надпись: „Лазаретъ квартирантовъ дома Умновыхъ“.

Солнце добиралось и сюда; ему все равно, что зеленый домикъ, что сѣрая громада, что лазаретъ, что уютныя старыя комнаты.

На окнѣ блестѣла игрушка: золотая коробка съ круглой нашлепкой на крышкѣ. Поверните ключъ — нашлепка откроется, на внутренней ея сторонѣ зацвѣтетъ розовый кустъ, выскочитъ верткая птичка, затрясетъ зеленымъ хвостомъ, синими крыльями, а внутри коробки что-то запоетъ соловьемъ. Проиграетъ свои двѣ минуты, птичка уйдетъ, крышка захлопнется—вотъ и все. Птичка всегда поспѣвала уходить, никогда ея не ударить нашлепка—такъ устроено: птичка внизъ — юркъ, розовый кустъ—хлопъ, въ пузичкѣ—тренькъ, и опять коробка коробкой.

Соловья слушалъ больной въ халатѣ, солдатъ ли, офицеръ, кто его знаетъ! въ лазаретѣ, какъ въ банѣ,

трудно различать чины. На одну щеку свѣтило солнце, на другой игралъ зайчикъ отъ невывнесеннаго зеркала. Молодой человекъ слушалъ невнимательно, хотя поминутно, какъ только заводъ кончался, снова поворачивалъ ключъ. Но, повидимому, эти звуки приводили его въ сильное волненіе, потому что, когда солнце перешло на никкелированную спинку кровати, а зайчикъ убѣжалъ на карнизъ, щеки больного оказались очень блѣдными и на лбу выступилъ потъ. Онъ откинулся даже на подушку, будто минутно лишился чувствъ.

Вошла сестра съ тарелкой желтаго бульона. Можетъ быть, она была дамой изъ общества, но круглое, красное лицо, одутловатое отъ плотно зашпиленной косынки, могло принадлежать и яблочной торговкѣ.

— Вамъ нехорошо?

— Нѣтъ, нѣтъ... Узнайте, кѣмъ прислана эта коробочка. Въ лотереѣ досталась мнѣ... 29 номеръ.

Сестра посмотрѣла на дно коробки.

— Отъ Марьи Львовны Королевой.

— Какъ, какъ?

— Отъ Марьи Львовны Королевой.

— Корольковой, навѣрное...

— Можетъ быть, и Корольковой. Да вы не волнуйтесь прежде всего!

— Она здѣсь живетъ, въ этомъ домѣ?

— Вѣроятно. Подарки присланы жильцами.

— Узнайте, пожалуйста, сестрица, и попросите ее притти.

— Хорошо, я постараюсь. Вы успокойтесь.

— Я спокоенъ,—сказалъ, улыбаясь больной и принялся за супъ.

Рука его дрожала, такъ что ложку должна была взять сестра. Поѣвъ, онъ легъ на подушку и снова забеспокоился.

— Такъ, сестрица... скажите, пожалуйста.

— Хорошо, хорошо.

— Да вы не только для моего успокоенія, а по настоящему сдѣлайте. Боже мой, Боже мой!

— Вѣдь, вотъ вы какой безпокойный! ничему не вѣрите. Ну, честное слово, все узнаю и передамъ вашу просьбу.

Больной словно не слышалъ словъ сестры; онъ закрылъ глаза, чтобы яснѣе представить себѣ досчатый низкій заборъ Звеннгородской усадьбы, клюковный закатъ, размашистые, темные глаза Машы... тогда, давно, шесть лѣтъ тому назадъ. И золотую китайскую коробочку съ зеленой птицей... Это уже въ дѣвичьей комнатѣ, сюда онъ влѣзъ черезъ окно. Маша вскрикнула, закрывая смуглую шею и плечи платкомъ, но по настоящему не сердилась, конечно. Она не сердилась и тогда, когда ее рѣшили выдать замужъ. Нѣтъ, она только молчала, но вся горѣла, окаменѣвъ отъ негодованія. Даже опускала свои палючіе глаза, чтобы не жглись. Если бы Алеша былъ старше, онъ бы не завидовалъ ея будущему мужу. Съ мальчикомъ она говорила, какъ совсѣмъ съ маленькимъ, будто было не до него, словно мѣшала онъ.

— Конечно, меня не прямо неволять но вродѣ того... я ничего... я это понимаю—сама бы такъ поступала... Я люблю тебя, но что ты можешь, что я могу? Тебя еще и вѣнчать не будутъ, малъ... Говорятъ, онъ хороший человѣкъ, да я и сама это знаю, слава Богу, не первый день знакомы! Но теперь, теперь, такъ взяла бы, да и перервала всѣхъ на части!..

Хотѣла подарить китайскаго соловья, игрушку, какъ маленькому. Онъ помнить, какъ швырнулъ ее въ траву, а Маша подобрала, будто ничего не видя огромными глазами и сказала: „какъ хочешь!“

И вотъ теперь опять достается ему эта же коробочка отъ нея же. Птичка все та же и также свиститъ внутри свистулька, также розовѣетъ цвѣтущій кустъ.

Больной посмотрѣлъ на окно, гдѣ тускло блестѣлъ оставленный подарокъ.

На слѣдующій день онъ такъ волновался, когда ему сказали, что сейчасъ придетъ г-жа Королева, что сестра хотѣла отложить свиданіе.

— Нѣтъ, прошу васъ... сейчасъ! я спокоенъ...

И дѣйствительно успокоился.

Въ дверяхъ показалась довольно высокая дама въ темномъ платьѣ, съ большими черными глазами на желтоватомъ лицѣ.

— Я все была въ имѣніи, только вчера пріѣхала въ городъ и не могла еще посѣтить нашихъ дорогихъ гостей, — заговорила она ласково и слегка официально.

Алексѣи Дмитріевичъ, наклонившись, смотрѣлъ на пришедшую, не отводя взора. Наконецъ проговорилъ тихо:

— Измѣнилась, но узнать можно... Глаза присмирѣли... да, да... въ этомъ вся разница...

Дама неопредѣленно замѣтила:

— Что дѣлать? всѣ мнѣются... — потомъ, помолчавъ, продолжала:— вы, кажется, не тяжело ранены? у насъ все легкіе, но бываютъ странныя послѣдствія, особенно у тѣхъ, что были контужены.

Будто не слыша, что говоритъ посѣтельница, больной говорилъ:

— Въ семьѣ васъ звали Машей. Не Марусей, не Маней, не Мурой, не Машенькой, не Манечкой, не Марой, а Машей.

— Вы угадали, но что изъ этого?

— Вы не узнаете меня?

Дама взглядылась пристальнѣй:

— Нѣтъ. Можетъ быть, мы и встрѣчались съ вами. По-моему, я васъ вижу въ первый разъ.

— Когда еще вы не были замужемъ, какъ разъ передъ свадьбой, помните мальчика, который такъ любилъ васъ, былъ такъ влюбленъ?..

— Николай Сергѣевичъ убить?

— Какой Николай Сергѣевичъ?

— Дерновъ... Простите, я думала, вы говорите о немъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... я говорю о томъ вечерѣ, когда я швырнулъ вашего соловья. Вы мнѣ хотѣли его подарить, какъ ребенку. Ваши глаза утихли, но мое сердце—нѣтъ. Маша, неужели вы не узнаете меня? Алешу Хохлова? Я теперь обрить, конечно, измѣнился, потому халать... Но вы помните, правда?

— Нѣтъ, — съ запинкой начала дама и остановилась.

— Ну, ну...

— Какъ это странно! Все, что вы говорите, похоже на то, что было со мною, но Алеша Хохлова не было...

— Вѣдь ваша фамилія — Королькова? Марья Львовна?

— Меня зовутъ точно Марьей Львовной, но фамилія моего мужа Королевъ, а не Корольковъ.

— Ахъ да, вѣдь, это фамилія вашего мужа!

— Да, я замужемъ, но вѣдь вы же это знали и сами!

— Простите, я не сообразилъ...

И отвернувшись къ подушкѣ, больной вдругъ горько заплакалъ.

Подождавъ, гостя спросила:

— Можетъ быть, позвать кого? вы такъ разстроены.

Тотъ сдѣлалъ знакъ рукою, что не надо, и почти не поднимаясь отъ подушки, началъ:

— Не можетъ быть, чтобы вы были не вы. Вы только забыли, правда? Зачѣмъ же иначе вы такъ похожи, зачѣмъ васъ зовутъ Машей, зачѣмъ у меня такъ бьется сердце?

— Я не знаю.

— И зачѣмъ тогда этотъ китайскій соловей, который вторично приходитъ ко мнѣ?

— Эта игрушка не китайская. Я ее привезла изъ Швейцаріи. У меня никого не было въ Китаѣ и я не настолько богата, чтобы покупать такія дорогія вещи.

— Не надо говорить нарочно!

— Я говорю правду.

Больной приподнялся и, взявъ за руку гостью, долго смотрѣлъ ей въ лицо, не утирая бѣгущихъ слезъ.

— Такъ похожи, такъ похожи!

Марья Львовна бѣгло улыбнулась и спросила:

— Вы очень любили эту Машу Королькову?

Тотъ молча кивнулъ головою.

— Я тоже... очень любила и люблю одного человека, который теперь на войнѣ... и это—не мужъ мой...

— Николай Сергѣевичъ Дерновъ?

— Да. Откуда вы знаете?

— Вы сами сказали.

— Да, да... что я хотѣла сказать? да... мнѣ васъ очень, очень жалко. Если бы это не было смѣшно, я бы расплакалась вмѣстѣ съ вами. Я такъ понимаю васъ, будто сама была той дѣвушкой, которую вы любили. И знаете что? Если воспоминанія вамъ дороги и не тяготятъ васъ, сохраните эту коробочку на память уже обо мнѣ, хотя она и швейцарская. Право, птичка совсѣмъ не такъ плохо поетъ!

Она тронула ключъ, выскочила зеленая пташка и залилась, вертя хвостомъ, подъ выведенными по золоту розами. Оба слушали молча. Когда крышка хлопнула, Хохловъ снова взявъ за руку гостью и нерѣшительно произнесъ:

— Благодарю васъ, но я попрошу васъ, покуда я здѣсь, чаще заходить ко мнѣ. Это меня будетъ радовать больше, чѣмъ заводной соловей. Вы такъ похожи...

— Какъ швейцарская игрушка на китайскую?

— Не смѣйтесь! мы будетъ говорить о вашей, о моей... о нашей любви... хорошо?

— Хорошо,—отвѣтила Марья Львовна и поцѣловала его въ лобъ. И больному было видно, что глаза у его гостыни вовсе не такіе смирные, какими показались сначала.

Платоническая Шарлотта.

Шарлотта Ивановна лучше, чѣмъ кто-либо, понимала значеніе „платонической любви“. Конечно, она не читала Платона, сомнительно даже, знала ли о самомъ его существованіи, но всякій разъ, когда она спрашивала у Ильи Петровича:—„какъ называются такія отношенія, какъ у насъ съ вами?“—она неизмѣнно получала въ отвѣтъ: „это называется платонической любовью“; и наоборотъ, на вопросъ: „что значитъ платоническая любовь?“—Илья Петровичъ всегда отвѣчалъ: „платоническая любовь? Это—такія отношенія, какъ вотъ у насъ съ вами, Шарлотта Ивановна“.

Такимъ образомъ, было очевидно, что платонически любить значило: вставать чуть-свѣтъ, бѣгать самой на рынокъ, ходить съ Песковъ на Морскую за какими-то особыми французскими булками, относиться съ благоговѣніемъ къ минутамъ, когда Илья Петровичъправлялъ ученичскія тетрадки, пришивать ему пуговицы и штопать носки и, главное, находить во всемъ этомъ источникъ не очень разнообразныхъ, но неистощимыхъ удовольствій. Конечно, платоническая любовь требовала и смѣлости, и пренебреженія къ общественному мнѣнію. Если Шарлотта Ивановна не знала этого раньше, то отлично убѣдилась, когда ея родные и знакомые отступились отъ нея послѣ того, какъ она перѣехала въ домъ къ одинокому господину Веніамину. А новые, немногочисленные знакомые Ильи Петровича обращались съ ней—не то, какъ съ экономкой, не то

какъ съ незаконной сожительницей. Но что же давала ей эта любовь? Преимущество всякой философин, въ томъ числѣ и греческой, заключается въ томъ, что она даетъ отвѣты на всякіе вопросы. Илья Петровичъ отлично разъяснилъ это подругѣ. „Платоническая любовь, это—такая, которая ничего не требуетъ, которая счастлива тѣмъ, что другой существуетъ,—больше ничего“. Очевидно, Илья Петровичъ упускалъ изъ виду тѣ французскія булки, за которыми бѣгала Шарлотта Ивановна съ Песковъ на Морскую. Конечно, люди болѣе освѣдомленные въ платонической любви, могли бы кой-что возразить господину Веніаминову противъ такого опредѣленія этого чувства, но Шарлотта Ивановна вѣрила Ильѣ Петровичу на слово, и къ ощущенію удовольствія, отъ того, что другой существуетъ, у нея прибавлялась и нѣкоторая гордость отъ того, что все это называется такъ возвышенно и красиво.

Она отлично помнила тотъ день, когда въ первый разъ увидѣла Илью Петровича. Она пришла къ Веніаминову, какъ переписчица, совершенно не думая, что это мѣсто будетъ отличаться отъ какого-либо другого. Она не подумала этого и тогда, когда увидѣла Илью Петровича. Видъ его оказался симпатичнымъ,—не болѣе: небольшая, курчавая бородка, очки въ золотой оправѣ, высокая, нѣсколько полная фигура. Она сама не знаетъ, какъ это случилось. Можетъ быть, на нее подѣйствовала аккуратная, дѣловитая и одинокая жизнь этого человѣка, котораго она сразу сочла за очень умнаго. Притомъ, онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ литераторомъ, составляя иногда спеціальныя статьи для журнала министерства народнаго просвѣщенія. Илья Петровичъ обращался съ нею съ тою ни къ чему не обязывающею ласковостью, которою онъ былъ ласковъ ко всѣмъ. Къ нему иногда приходили взрослые воспи-

танники, державшіеся робко и просительно, и Шарлоттѣ Ивановнѣ казалось, что господинъ Веніаминовъ— профессоръ, необыкновенно ученый, почти гетевскій Фаустъ; а она, Шарлотта Ивановна, что же? Бѣлокосая Гретхенъ? Отъ этой мысли она краснѣла, какъ вишня, путала буквы и почти не слышала, что говорилъ ей ласково и методично Илья Петровичъ. Для нея было бы неслыханныхъ счастьемъ войти въ эту размѣренную, возвышенную и прекрасную жизнь. Конечно, она не смѣла мечтать: принимать какое-либо участіе въ духовной жизни своего Фауста, но зато, какъ никто другой, она могла устроить будничныя удобства, чтобы та, другая жизнь ровно и свободно развивалась. Это случилось очень просто и какъ-то само собою. Однажды, когда Шарлотта Ивановна стучала на машинкѣ, прислуга внесла въ комнату бѣлье, только что принесенное отъ прачки; прекративъ на минуту переписку, Шарлотта Ивановна мелькомъ, хозяйственно взглянула на бѣлую стопку, поверхъ которой лежала какая-то пестрая мелочь, потомъ встала, осторожно перебрала все лежавшее и снова принялась стучать. Илья Петровичъ былъ немало удивленъ, когда на слѣдующій день, среди какого-то разговора, Шарлотта Ивановна вдругъ спросила:

— Илья Петровичъ, кто смотритъ за вашимъ бѣльемъ?

— Что вы говорите, Шарлотта Ивановна?

— Я говорю, кто смотритъ за вашимъ бѣльемъ?— повторила Шарлотта, а сама еще ниже наклонилась къ машинкѣ.

— Отчего это вамъ пришло въ голову?— Не знаю; вѣроятно, прислуга.

— Она очень плохо смотритъ. Ну, какъ же это возможно: у васъ есть такіе хорошенькіе голубые носки, а она ихъ штопаетъ толстой, черной бумагой?

Шарлотта Ивановна совсѣмъ застыдилась, а, между тѣмъ, ей казалось, что она какъ-то приблизилась къ Ильѣ Петровичу оттого, что знаетъ про его голубые носки. Неизвѣстно, почувствовалъ ли господинъ Вениаминовъ такую же стыдливую близость, но онъ отвѣтилъ, улыбаясь:

— Ну, что же дѣлать? Хорошо еще, что такъ штопаешь. Чего же можетъ еще больше требовать старый холостякъ, какъ я?

Отвѣтилъ онъ, какъ слѣдуетъ, какъ мужчина, который стыдливъ и суровъ, и который говоритъ такъ сухо и храбро оттого, что слишкомъ нѣженъ, и которому стыдно, что у него есть не только носки, да еще голубые, но даже и самыя ноги.

Ахъ, какъ это понимала Шарлотта Ивановна!

Уходя, она сказала совсѣмъ робко:

— У меня къ вамъ просьба, Илья Петровичъ: вы мнѣ позвольте взять съ собой то, что у васъ не въ порядкѣ, и я вамъ дома все поправлю.

— Ну, ужъ это совсѣмъ не дѣло, Шарлотта Ивановна! Съ какой стати вы будете чинить мое бѣлье?

— А что я за принцесса такая? Я, знаете, очень нѣмка и буржуазная нѣмка, и роковымъ образомъ не могу видѣть какой-нибудь хозяйственной небрежности.

Илья Петровичъ улыбнулся и сказалъ:

— Я думаю, Шарлотта Ивановна, что вы на себя наговариваете, что въ вашемъ предложеніи ваше нѣмецкое происхожденіе играетъ не такую исключительную роль.

— Ну, да! Ну, да! Конечно! Я не для всякаго бы стала это дѣлать, а васъ я очень уважаю и не могу видѣть васъ такимъ безпризорнымъ.

Илья Петровичъ пожалъ руку Шарлоттѣ и проговорилъ:

— Да я вамъ крайне благодаренъ, крайне, крайне... но тѣмъ не менѣе, считаю, что это неудобно...

— Но почему?

— Да ужъ по одному тому, что это можетъ показаться неприличнымъ вашимъ роднымъ.

— Они ничего не подумаютъ, а то еще лучше: у меня есть отдѣльная комната, и я буду дѣлать это по ночамъ, когда всѣ спятъ.

— Но зачѣмъ же вы для меня не будете еще спать ночей?

— Нѣтъ, позвольте, Илья Петровичъ! Это будетъ такъ весело! Я буду брать къ себѣ кошку, всѣ будутъ спать, кошка будетъ мурлыкать, а я буду работать и думать о васъ.

Съ этого разговора участь Шарлотты Ивановны была рѣшена. За бѣльемъ послѣдовалъ кофе, который у Ильи Петровича не такъ варили, зачѣмъ ее заинтересовалъ его столъ, потому она оставалась нѣкоторое время послѣ занятій, чтобы тутъ же на мѣстѣ наводить порядокъ, стала приходить раньше, покуда Илья Петровичъ еще не вставалъ, наконецъ, было найдено, что Шарлотта Ивановна все-равно такъ много времени проводить на квартирѣ Веніаминова, что гораздо проще ей переселиться совсѣмъ, а родителей только посѣщать, хотя бы каждый день. Этотъ планъ совершенно неожиданно встрѣтилъ большое сопротивление со стороны семейства Шарлотты, но если Шарлотта Ивановна отличалась нѣмецкой хозяйственностью, то она обладала вмѣстѣ съ тѣмъ чисто тевтонскимъ упорствомъ. Къ тому же давно извѣстно и доказано, что чѣмъ идеалистичнѣе и отвлеченнѣе чувства и убѣжденія, тѣмъ болѣе имъ свойственно усиливаться отъ преслѣдованій.

Нѣсколько бурныхъ сценъ привели къ тому, что

Шарлотта Ивановна окончательно уперлась на своемъ рѣшеніи, считая себя жертвой и героиней.

— Смотри, дочка, ты вступаешь на скользкій путь,— сказалъ отецъ, провожая Шарлотту, безъ сюртука, въ однѣхъ подтяжкахъ. Мать, по-женски болѣе чуткая, обняла Шарлотту, проговоривъ: „я вижу Лотхенъ, что ты его крѣпко любишь, но все-таки береги себя.—И Шарлотта Ивановна летѣла на Пески такъ, какъ - будто въ этой квартирѣ съ починенными носками и исправленнымъ кофе было для нея какое-то освобожденіе.

Переѣздъ Шарлотты Ивановны не столько измѣнилъ ея положеніе, сколько утвердилъ уже существовавшее, и тутъ она въ первый разъ узнала, что значитъ платоническая любовь, и какъ называются такія отношенія, какъ у нея и у Ильи Петровича. Домой она ходила не такъ часто, какъ это предполагалось раньше и, вообще, почти никого не видала, такъ что жизнь ея текла въ очень замкнутомъ кругу между кофе и носками г. Веніаминова и мечтами о своей прекрасной и возвышенной участи.

Кромѣ преувеличенной мечтательности, не мѣшавшей, впрочемъ, Шарлоттѣ Ивановнѣ быть очень разсудительной, даже расчетливой хозяйкой, у Шарлотты Ивановны былъ еще одинъ недостатокъ—она очень любила кататься на конькахъ. Она не смущалась тѣмъ, что этимъ спортомъ занимаются, главнымъ образомъ подростки, не старше 15 лѣтъ, и каждый свободный день передъ обѣдомъ, покуда Илья Петровичъ не приходилъ еще домой, она брала блестящіе коньки и шла одна къ Таврическому саду, межъ тѣмъ, какъ въ концѣ Кирочной уже туманилась зимняя зоря. Ей мѣшали загородки катка, и она жалѣла, что не можетъ достать

билета на катокъ въ самомъ паркѣ, гдѣ такъ красиво катаются избранные счастливыя, какіе-то офицеры и барышни, прїѣзжавшіе съ миссъ, и гдѣ видны деревья, дома далекой улицы и дымная заря. Дѣлая быстрые круги, Шарлотта Ивановна сама становилась какъ-будто смѣлѣе, даже до того, что однажды познакомилась тамъ съ какимъ-то студентомъ. Онъ былъ маленькій, розовый, съ курчавыми рыжими баксами и тоненькимъ носкомъ. Онъ катался въ ватномъ пальто съ воротникомъ, и звали его Коля. Шарлотта Ивановна не помнила, какъ они познакомились и какъ вышло, что онъ сталъ ее каждый разъ провожать, неся двѣ пары звякающихъ коньковъ. Она почти не отдѣляла его отъ самого катка, и только тогда увидѣла, что онъ—не грѣлка, не заборъ, не зимняя заря, когда однажды онъ, проводивъ ее до самаго подъѣзда, вдругъ сказалъ:

— Я вамъ давно хотѣлъ сказать, Шарлотта Ивановна, что я васъ очень, очень люблю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! — боязливо заговорила Шарлотта.

— Почему не надо?

— Потому, что я люблю другого!—отвѣтила Шарлотта Ивановна, и сразу какая-то радостная гордость разлилась по ея сердцу, какъ заря по небу. Она почти не обратила вниманія на то, какъ сморщился Колинъ носикъ, и что онъ сталъ быстро лепетать, моргая глазами. Наконецъ, она услышала:

— Не запрещайте мнѣ только думать о васъ и ждать... Я буду васъ любить платонически!

— Нѣтъ, вы не смѣете этого дѣлать!—крикнула Шарлотта, входя въ дверь.

Дней десять она не ходила на катокъ не потому, чтобы сердилась на Колю, а просто наслаждаясь дома вновь вспыхнувшимъ и расцвѣтшимъ сознаниемъ своей

прекрасной любви. Она даже ничего не сказала объ этомъ случаѣ Ильѣ Петровичу, а только радостнѣй и проворнѣй бѣгала пѣшкомъ на Морскую. Но для полноты чувства ей хотѣлось все-таки подѣлиться своей радостью. Она боялась только, какъ бы это не показалось хвастовствомъ съ ея стороны, выставленіемъ на видъ своихъ заслугъ. Выбравъ вечеръ, когда Илья Петровичъ былъ особенно благодушно настроенъ, она робко рассказала ему свой скромный романъ. Веніаминъ принялъ ея рассказъ какъ-то слишкомъ шутливо.

— Поздравляю васъ, Шарлотта Ивановна, съ побѣдой... Конечно, мнѣ очень дорого, что вы помните обо мнѣ, но все-таки я бы вамъ совѣтовалъ не упускать изъ виду этого молодого человѣка.

— Зачѣмъ онъ мнѣ? Вы же сами знаете, Илья Петровичъ, что мнѣ, кромѣ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между нами, никакихъ не надо.

— Конечно, я это знаю и очень вамъ благодаренъ. Я просто пошутилъ.

— Какъ вамъ не стыдно такъ шутить?

— Я ужъ просилъ васъ простить меня. Ну, хотите, чтобъ загладить свою вину, я сообщу вамъ двѣ новости?

— Ну, конечно, конечно...

Илья Петровичъ походилъ по комнатѣ, будто соображая, какую новость сказать первой, наконецъ, остановясь около самой Шарлотты Ивановны, произнесъ:

— Во-первыхъ, я получилъ повышение по службѣ, о которомъ вамъ говорилъ.

— Да развѣ могло быть иначе? По вашему уму, по вашимъ заслугамъ, вамъ давно ужъ нужно было быть профессоромъ.

— Это вы такъ разсуждаете, милая Шарлотта Ивановна, другіе думаютъ иначе; однимъ словомъ, повы-

шеніе мнѣ дали, такъ что теперь вполне возможно подумать о женитьбѣ.

— Не надо, не надо, не надо, я вамъ и такъ вѣрю.

— Ну, хорошо, я не буду говорить, хотя не знаю, почему это васъ такъ волнуетъ. Вѣдь ничто въ сущности не измѣнится.

— Ну, я прошу васъ не говорить сейчасъ. Я слишкомъ счастлива.

Илья Петровичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нѣмку и прослѣдовалъ въ свой кабинетъ.

На слѣдующій день послѣ обѣда Илья Петровичъ снова началъ какъ бы продолженіе вчерашняго разговора.

— Что, Шарлотта Ивановна, вы больше не видали того студента съ катка?

— Нѣтъ. Зачѣмъ же мнѣ его видѣть?

— Это, конечно,—дѣло ваше, но мнѣ показалось по вашему разсказу, что этотъ молодой человекъ... какъ его?—Коля, не похожъ на уличнаго искателя приключеній и, можетъ быть, съ вашей стороны не совсѣмъ благоразумно такъ имъ неглижировать. Я очень цѣню вашу преданность и доброе ко мнѣ отношеніе, но совсѣмъ не хочу мѣшать вашему счастью.

— Мое счастье—быть всегда около васъ! Никакихъ мнѣ студентовъ съ катка не надо. И если я васъ вчера просила не продолжать разговора, то только потому, что чувствую себя и такъ безмѣрно счастливой.

Илья Петровичъ пожалъ руку Шарлоттѣ и продолжалъ менѣе спокойно:

— Я, собственно говоря, не совсѣмъ понимаю, отчего это васъ такъ волнуетъ. Все останется попрежнему, я увѣренъ, что моя будущая супруга не будетъ ничего имѣть, чтобъ вы оставались у насъ. Я ужъ го-

ворилъ съ ней объ этомъ. Она даже хочетъ съ вами познакомиться.

Шарлотта Ивановна молчала.

— Я думаю, что для васъ эта перемена будетъ къ лучшему; вы слишкомъ много для меня сдѣлали, и то ничтожное вознагражденіе, которое я имѣлъ возможность вамъ давать, совершенно не вознаграждало вашей заботливости. Теперь мой окладъ увеличенъ, кромѣ того, моя будущая супруга—женщина со средствами, мы можемъ нѣсколько лучше, нѣсколько шире выражать свою благодарность.

Шарлотта все продолжала безмолвствовать.

— Видите ли, я настолько безкорыстно и хорошо отношусь къ вамъ, что еще разъ напоминаю вамъ о томъ молодомъ человѣкѣ: не слѣдуетъ пропускать своего счастья.

Илья Петровичъ посмотрѣлъ на часы.

— Я очень радъ, что вы теперь нѣсколько успокоились, а наши отношенія, которыя мнѣ такъ дороги, останутся такими же. Вѣдь между нами—платоническая любовь, которая ничего не требуетъ и счастлива тѣмъ, что другой существуетъ. Не такъ ли?

Илья Петровичъ еще разъ дружески пожалъ руку ничего не говорившей Шарлоттѣ Ивановнѣ и вышелъ, не оборачиваясь и не замѣчая, что его платоническая подруга продолжаетъ сидѣть неподвижно, глядя на скрещенныя руки, не моргая и даже не плача.

ЮРИЮ СЛЕЗКИНУ.

Завтра будет хорошая погода.

Хотя я считался другомъ Олега Кусова, но видаль-его раза два, три въ годъ—самое большее. Для тѣхъ, кто зналъ его беспокойный и опрометчивый характеръ, было нѣсколько удивительно, что событія и перевороты въ его жизни случаются относительно рѣдко. Но я всегда ожидалъ самаго неожиданнаго разсказа, когда показывалось его добродушное, нѣсколько упрямое-лицо, напоминавшее бычка. Можно было отлично предпо-лагать, что въ эту голову легко внѣдриться какой-угодно мысли, и что эта мысль не только сейчасъ же-будетъ доведена до конца, но будетъ тамъ сидѣть и-дѣйствовать, даже когда всѣ концы прошли, и усту-пить свое мѣсто только другой, совершенно противо-положной. Я даже не знаю, почему у насъ сохраня-лась такъ долго наша дружба, хотя она и была чисто-оповѣстительнаго характера. Ни общихъ интересовъ, ни общихъ дѣлъ, даже совмѣстнаго времяпрепрово-жденія у насъ не было. Просто, отъ времени до вре-мени мой пріятель являлся и сообщалъ мнѣ, что съ-нимъ случилось то-то и то-то; какъ-будто безъ этого-сообщенія его поступки не имѣли бы достаточной крѣ-пости и теряли бы для него значительную часть пре-лести.

Отрапортовавъ, онъ снова скрывался на неопредѣ-ленное время. Послѣднею новостью Кусова была его-женитьба. Дѣло въ томъ, что только въ послѣднее-время мои отношенія къ Олегу свелись къ освѣдом-

ленности о главных фактах его жизни. Когда мы с нимъ учились, я его зналъ ближе и могъ вывести заключение и о его характерѣ и о возможной при немъ психологіи. Поэтому я нашель, что несмотря на неожиданность своихъ поступковъ, Олегъ дѣйствовалъ какъ нельзя болѣе благоразумно, выбравъ въ жены именно Варвару Петровну Шперкъ, которую я зналъ раньше. Недавно овдовѣвшая, она была года на полтора старше моего друга, имѣя при русской широтѣ и смѣлости какую-то не русскую настойчивость, какъ-будто полученную отъ перваго мужа. Если-бъ дѣло пошло на то, кто кого переупрямить, то было бы еще неизвѣстно, кто одержитъ верхъ; но упорство Варвары Петровны тѣмъ отличалось отъ настойчивости Олега, что оно, по-видимому, всегда имѣло разсудочное основаніе. При томъ, она обладала завидною энергіею и, казалось, была рождена вдохновлять на геройскіе подвиги и великія произведенія. Хотѣлось ее представить себѣ въ видѣ рослой валькирии съ какого-нибудь нѣмецкаго полотна, которая одною рукой поддерживаетъ героевъ въ шлемахъ и звѣриныхъ шкурахъ, а дебелою шуйцею указываетъ на вдохновительную даль...

Свадьба была справлена не ordinarily. Хотя оба были люди не бѣдные, но бракосочетаніе происходило въ приходской церкви, днемъ, и послѣ него молодые не поѣхали ни въ какую свадебную поѣздку, а просто отправились во вновь обставленную квартиру, гдѣ и былъ приготовленъ завтракъ для немногихъ наиболѣе близкихъ друзей.

Случайно попалъ въ это число и я. Было зажжено электричество, хотя за большими, незавѣшенными окнами былъ совершенно ясный, солнечный день, еще не собиравшійся переходить въ сумерки. И этотъ двойной свѣтъ какъ-то очень подходилъ къ бѣлымъ плать-

ямъ дамъ, мужскимъ рубашкамъ, хрусталию на столѣ и особенно къ самой молодой, которая казалось и выше и импозантнѣе всѣхъ окружающихъ. Варвара Петровна была спокойно-задумчива и увѣренно-ласкова. Казалось, съ такою женщиной проживешь, какъ за каменной стѣной. Она будто прочла мои мысли, потому что, слегка прищуривъ свои свѣтлые на выкатѣ глаза и чуть-чуть приподнявъ надъ столомъ топазовый бокаль, сказала вполголоса, словно обращаясь ко мнѣ одному:

— Выпьемъ за счастье Олега! Я тѣмъ увѣреннѣе предлагаю этотъ тостъ, что почти не сомнѣваюсь въ его исполненіи.

Хотя эти слова были сказаны не тихо, но какъ-то въ общемъ разговорѣ дошли только до того, къ кому были обращены.

— А я въ этомъ увѣренъ еще болѣе, чѣмъ вы, вѣроятно,—отвѣтилъ я и также приподнялъ свой бокаль, такъ что вышло вродѣ какого-то тайнаго уговора.

Конечно, послѣ этого дня Олегъ снова пропалъ, и я его не видалъ около полугода. Въ слѣдующій свой визитъ онъ прежде всего объявилъ мнѣ, что ѣдетъ въ Египетъ.

— Что же,—спрашиваю,—это будетъ запоздавшая свадебная поѣздка? Недурно. Въ это время года тамъ, вѣроятно, очень хорошо. Только теперь поѣздки въ Египетъ сдѣлались довольно обычными. Если ты думаешь, что поступаешь оригинально, то эта оригинальность тоже нѣсколько запоздавшая.

— Ахъ, я совсѣмъ не думаю, оригинально это, или нѣтъ!—отвѣтилъ Олегъ раздраженно.

— Что же, тебѣ это самому пришло въ голову, или Варвара Петровна посовѣтовала?

— Варвара Петровна мнѣ ничего не могла совѣтовать, во-первыхъ потому что я ѣду туда одинъ.

— Какъ одинъ? Что же твоя жена—не ѣдетъ?

— Да я и ѣду съ тою цѣлью, чтобъ быть одному.

— Ну знаешь, поссориться съ Варварой Петровной, это нужно имѣть большое искусство!

— Да, да! Я самъ такъ думалъ, а оказывается—она, какъ и всѣ... Вѣдь что она мнѣ сказала, ты представь только, что она мнѣ сказала!

— Что же она могла тебѣ сказать? Я увѣренъ, что Варвара Петровна никакой глупости не скажетъ. А что она сказала какую-нибудь правду, на которую ты обидѣлся, это можетъ быть. Только знаешь что. Обижаться на твою жену—это просто не умно.

— Я говорилъ совершенно то же самое до вчерашняго дня; и, навѣрное, всѣ будутъ говорить, что я—фантазеръ и нищу невозможнаго. Но я такъ не могу, понимаешь, не могу!

— Объясни мнѣ, ради Бога, чего ты не можешь, и чѣмъ тебя такъ возмутила Варвара Петровна?

— Она сказала: „завтра будетъ хорошая погода“.

— Что такое?

— Завтра будетъ хорошая погода.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на Олега, думая—не сошелъ ли мой другъ съ ума. Уловивъ этотъ взглядъ, онъ быстро отвѣтилъ:

— Ты не думай, что я сошелъ съ ума, нѣтъ, нѣтъ... Если ты все узнаешь, ты даже не скажешь, что я слишкомъ чувствителенъ или подозрителенъ и поймешь, почему я уѣзжаю въ Египетъ, а можетъ быть, и еще дальше навсегда. Ты самъ знаешь лучше меня, какая женщина Варвара Петровна; но что мнѣ было въ ней всего цѣннѣе, это ея небанальность...

Конечно, я полюбилъ ее не за это, она мнѣ просто понравилась, но потомъ меня восхищало больше всего именно это ея свойство. Каждый день былъ какъ новый, неизвѣстный, неисчерпанный, какой-то благодатный даръ. Это ощущеніе шло, все усиливаясь, дѣлаясь все болѣе и болѣе острымъ, до самого того дня, какъ я рѣшилъ уѣхать. Ничто не заставляло думать о такой перемѣнѣ и о томъ, чтобы я рѣшился на разрывъ. Это было третьяго дня. Ты помнишь, какой стоялъ хороший день? Мы рѣшили провести его, какъ влюбленные, будто мы не мужъ и жена, не живемъ вмѣстѣ въ болѣе или менѣе буржуазной квартирѣ, а любовники, видящіеся урывками, и которымъ цѣлый день (такой длинный, длинный и короткий, какъ мигъ, день) кажется волшебнымъ путешествіемъ. Если хочешь, въ нашемъ времяпрепровожденіи не было ничего особеннаго, оно было даже вульгарнымъ, но въ эти обыкновенныя, старыя, какъ мѣръ, формы, мы сумѣли влить новую опынительную прелесть. Ничего особеннаго; мы катались, потомъ обѣдали вмѣстѣ не дома, вечеромъ были на „Тристанъ“,—что можетъ быть банальнѣе, до слезъ банальнѣе такого дня?—а между тѣмъ, онъ намъ казался чудеснымъ, и дѣйствительно былъ такимъ. Приѣхавъ домой, жена не переодѣвалась, а какъ была въ вечернемъ платьѣ, сѣла за рояль и стала тихонько играть „Смерть Изольды“. Казалось, вся душа только что прошедшаго дня, вся наша любовь дышала въ этихъ томительныхъ, теперь заглушенныхъ по комнатному звукахъ. Мы подошли къ окну и, отдернувъ занавѣску, стали смотрѣть на каналъ. Когда бываютъ такія ясныя осеннія ночи, мнѣ всегда Петербургъ представляется не русскимъ сѣвернымъ городомъ, а какою-то Вероною, гдѣ живутъ влюбленные соперники, и всегда кажется, что наступаетъ не зима, а готовится

какая-то весна, лѣто чувствъ, жизни, всего. Самъ того не замѣчая, я наклонился къ обнаженному плечу жены и цѣловаль его, не отрываясь. Вотъ тутъ-то я и услышалъ: „завтра будетъ хорошая погода“. Казалось бы, въ этихъ словахъ нѣтъ ничего особеннаго; излишняя наблюдательность къ внѣшнимъ предметамъ, нѣкоторая разсѣянность, можетъ быть, усталость—что-жъ тутъ особеннаго? Но тогда они мнѣ показались—и я увѣренъ, что именно тогда-то я и оцѣнилъ ихъ, какъ слѣдуетъ—показались такими ужасными, такъ уничтожили весь нашъ день, всю нашу любовь, что я, не задумываясь, отвѣтилъ: „Да, завтра будетъ хорошая погода, и я уѣду“. Что-жъ дальше? Ну, конечно, удивленіе, распросы, объясненія... Нужно отдать справедливость, Варвара Петровна овладѣла собой и вела себя достойно и очень благородно. Она даже не упрасивала меня остаться, но та минута, когда мы стояли у окна, парализовала въ моемъ воображеніи всѣ дѣйствія жены и прошлыя, и настоящія.

Конечно, значить—я ее недостаточно любилъ, недостаточно она мнѣ просто на просто нравилась, что я могъ обращать вниманіе на такіе пустяки, потому что, согласись, любишь всегда не „потому что“, а „несмотря на то что“. Любить „потому что“, это всякій сумѣетъ, даже безъ особеннаго чувства, что-жъ тутъ удивительнаго? А вотъ когда являются разные „вопреки“, тутъ и испытывается настоящая любовь...

Послѣ этого визита мой другъ снова исчезъ, очевидно, надолго, если не навсегда. Изрѣдка онъ присылалъ краткія извѣщенія мнѣ и Варварѣ Петровнѣ о томъ, что онъ живъ и находится тамъ-то. Его жена жила соломенною вдовой и, дѣйствительно, нужно было только удивляться, какъ достойно, спокойно и храбро она все принимала. Можетъ быть, впрочемъ, и она не

то, чтобы слишком любила своего мужа; можетъ быть, было бы понятнѣе, еслибъ она умоляла его остаться, вернуться, наконецъ, сама отправилась бы вслѣдъ за нимъ, но такъ, какъ она поступала, было тоже очень красиво. Чуть-чуть безчувственно, но красиво.

Прошла зима, весна и лѣто, снова наступило то время, когда Петербургъ моему другу казался влюбленною Вероною. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда мнѣ не нужно было никуда идти и не хотѣлось работать, я читалъ старинное путешествіе по Италіи, и невольно думалъ о своемъ другѣ, неумѣренная чувствительность котораго подтолкнула его на такіе странные и неожиданные поступки. Какъ-будто въ отвѣтъ на мои мысли раздался звонокъ, и мое неудовольствіе на то, что меня отрываютъ отъ моего нѣсколько меланхолическаго покоя, быстро замѣнилось удивленіемъ и радостью, когда я въ позднемъ гостѣ узналъ того-же Олега. Противъ обыкновенія, онъ, поздоровавшись, не сообщилъ мнѣ никакой сногшибательной новости, а наоборотъ, сѣлъ молча, слушая мои вялые и осторожные вопросы. Спросить прямо,—что случилось?—я не рѣшался и рискнулъ только узнать, какъ онъ совершилъ путешествіе, на которое возлагалъ столько надеждъ.

— Да, да,—заговорилъ онъ быстро,—ты, конечно, понимаешь, что я для того и приѣхалъ къ тебѣ, чтобы все рассказать. Я всегда тебѣ что-нибудь сообщаю, такъ какъ-то само выходитъ. Я именно затѣмъ пришелъ, чтобы рассказать тебѣ о моемъ путешествіи. Ахъ, это путешествіе! Не въ немъ, конечно, суть, а въ томъ что со мной случилось и что меня привело обратно Тебѣ вѣдь не нужно описывать, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Египетъ, потому что всѣ описанія кажутся невѣрными и выдуманнами...

Я жилъ сначала, какъ живутъ сотни туристовъ; вѣроятно, больше всего я походилъ на этнографа, но мало-по-малу я сталъ чувствовать себя мѣстнымъ жителемъ. Меня не тяготили условности, отъ которыхъ я бѣжалъ. Конечно, если живутъ хотя бы два человѣка вмѣстѣ, уже являются условности и отсутствіе свободы, и это называется общественностью, но тамошніе обычаи, хотя и тронутые налетомъ Европы, имѣютъ какую-то дѣтскую примитивность и священное древнѣйшее происхожденіе. Наконецъ, я нашелъ и то, чего искалъ главнымъ образомъ. Я хотѣлъ полюбить, и потому полюбилъ. У нея не было поэтическаго прозвища и, будучи христіанкой, она звалась Маланьей. Но она была не такъ черна, какъ можно было предположить по ея имени. Опять-таки, вопреки всѣмъ романтическимъ фнкціямъ, она не была ни танцовщицей, ни барабанщицей въ кабакѣ. Она была простой деревенской дѣвушкой. Я не настолько еще сдѣлался мѣстнымъ жителемъ, чтобы умѣть различать деревенскихъ арабовъ отъ городскихъ; очень богатыхъ можно было бы еще опредѣлить, потому что у нихъ въ домахъ стоятъ механическія піанино и висятъ олеографіи, изображающія французскаго президента и русскихъ генераловъ турецкой войны. Я не могъ жениться на Маланьѣ, но взялъ ее въ домъ, откупившись, какъ любовницу.

Она была христіанкой, и наши отношенія никого не возмущали. Я самъ сдѣлался простымъ и страстнымъ ребенкомъ и, казалось, всегда наши желанія и мысли совпадали. Я полюбилъ невинныя развлеченія, ея пѣсни изъ трехъ-четыреухъ нотъ, игру въ шашки, кокетство и долгія, любовныя ночи. Я научился понимать ея языкъ, и она съ трудомъ выучила двѣ-три русскихъ фразы. Казалось, я былъ совершенно гарантированъ, что въ тѣхъ многочисленныхъ нотахъ, изъ которыхъ со-

стояла наша пѣсня, наша жизнь не будетъ фальшивой, или хотя бы издали напоминающей тѣ звуки, отъ которыхъ я уѣхалъ. Конечно, этого чувства я не пытался ей объяснить, хотя мнѣ и очень хотѣлось въ самыхъ простыхъ доступныхъ словахъ высказать ей это. Однажды, послѣ долгой прогулки, мы, возвратившись домой, вышли на крышу, гдѣ разставленные въ горшкахъ и кадучкахъ растенія производили видъ небольшого сада. Домъ выходилъ на востокъ и потому, не видя заката, мы могли только наблюдать, какъ все болѣе лиловымъ, почти фосфоричнымъ дѣлалась противоположная часть неба. Я обнялъ свою подругу и началъ ей говорить, что никогда я ее такъ не любилъ, какъ въ эту минуту. Я потому тебя особенно люблю, что ты—дитя, ты будто сейчасъ родилась на свѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будто всегда существовала. Все, что ты дѣлаешь, ты дѣлаешь не потому, что такъ предписываютъ какія-либо правила или твой спящій умъ, а потому, что тебѣ это диктуетъ сердце, которое умѣетъ только любить...

Я долго еще говорилъ, и Маланья слушала меня, крѣпко прижавшись и иногда цѣлуя мое плечо. Наконецъ, она немного поднялась, обняла меня и, поцѣловавъ, сказала: „Завтра будетъ хорошая погода“.

ЮР. ЮРКУНУ.

Напрасныя удачы.

1.

Сегодня все, казалось, сошло съ ума: и солнце, и вѣтеръ, и улицы, и прохожіе. Послѣ тусклой дождливой недѣли вдругъ разорвалось ясное небо, вѣтеръ хлопалъ окнами и дверьми, будто опрометью сбѣгалъ съ чердака; перья на шляпахъ трепались, витрины блестяли; въ нихъ отражались облака и птицы такъ, что иногда было трудно сообразить, гдѣ небо, гдѣ окна,—словно качельное колесо, что на вѣнскомъ Пратерѣ, завертѣлось отъ этого вѣтра. И прохожіе и проѣзжіе оказывались заразъ въ разныхъ мѣстахъ, автомобили пѣли, какъ старинные почтовые рожки, мѣдные солдаты шли съ музыкой, и хвосты лошадей раздувались фонтанами.

Быль праздникъ, на верху хлопали флаги и стоящіе фонтаны въ скверахъ, качаемые вѣтромъ, обливали гуляющихъ. Рѣка, еще не привыкшая быть безъ льда, рябила холодную, тяжелую поверхность ровными, темносиними и бѣлыми кусочками.

Викторъ вскочилъ, подошелъ къ окну и воскликнулъ:

— Ура! мое желаніе исполнилось. Я уже двѣ недѣли ждалъ этого дня и вотъ онъ наступилъ.

Онъ хотѣлъ было уже позвонить одѣваться, но вспомнилъ, что его родственники уѣхали и онъ одинъ въ квартирѣ, гдѣ мебель стояла въ чехлахъ, а плохія

картины закрыты марлей. Часы остановились, но на углу большого стола въ столовой стоялъ кофейникъ со стаканомъ и булка съ масломъ, принесенная женой швейцара, что означало время послѣ десяти.

Викторъ, дѣйствительно, ждалъ такого дня и возлагалъ на него большія надежды. Онъ уже двѣ недѣли тому назадъ получилъ обѣщаніе отъ Елизаветы Петровны, что въ первый ясный день она поѣдетъ съ нимъ на пароходѣ вверхъ по Невѣ, или куда-нибудь за городъ желѣзной дорогой, вообще, долго пробудетъ съ нимъ и эта мысль, это ожиданіе устраивало у него въ сердцѣ такую же радостную карусель, какую онъ наблюдалъ сейчасъ изъ окна. Ахъ! онъ любилъ Елизавету Петровну почти такъ же, какъ книги и свои фантазіи; можетъ быть, главнымъ образомъ онъ любилъ эту дѣвушку именно за то, что она не мѣшала и не противорѣчила прочитаннымъ романамъ и собственнымъ мечтамъ Виктора.

На будущее онъ плановъ не строилъ, но не боялся его, приученный къ удачамъ. Дѣйствительно, его преслѣдовало счастье. Хотя бы съ этимъ днемъ: онъ такъ его ждалъ—и вотъ онъ наступилъ. Положимъ, онъ наступилъ послѣ двухъ недѣль дождя, но не все ли равно, разъ въ концѣ концовъ онъ все-таки наступилъ Викторъ едва могъ дожидаться одиннадцати часовъ, когда можно было заѣхать за Елизаветой Петровной. Радостно и шутливо раскланявшись съ удивленнымъ швейцаромъ, онъ стремительно бросился въ первую пролетку и хотѣлъ скорѣе войти въ общее движеніе, въ общую суматоху. Ему казалось, что и солнце, и вѣтеръ, и стеклянный блескъ оконъ, и желтое, сіяніе мѣди, фонтаны, гривы, флаги, рѣка,—все находится въ немъ, въ Викторѣ. У качающихся пристаней пароходы съ бѣлыми трубами ждали веселыхъ и влюбленныхъ

пассажировъ. Онъ бѣжалъ черезъ двѣ ступеньки, когда швейцаръ попросилъ его внизъ.

— Вамъ въ пятый номеръ?

— Да, а что?

— Такъ что господа въ понедѣльникъ уже уѣхали.

— Уѣхали? Куда? Они перемѣнили квартиру?

— Нѣтъ, квартира осталась за ними, они въ провинцію уѣхали на лѣто, въ Смоленскую губернію.

— И Елизавета Петровна?

— Всѣ, всѣ уѣхали и барышня.

Зачѣмъ же хлопали флаги и солдаты играли „Кароллшу“.

II.

Викторъ былъ такъ убитъ, что, казалось, ничто не могло бы его развеселить, или утѣшить. Все, что прежде вселяло въ него веселую радость, теперь казалось несносной и недоброй насмѣшкой. Онъ едва сознавалъ, въ какомъ направленіи онъ двигался по улицѣ и только когда увидѣлъ бѣлыя трубы пароходовъ, ждущихъ своихъ пассажировъ, онъ пришелъ въ себя отъ усилившейся горести. Какъ-будто желая растравить свою рану, онъ остановился противъ пристани и смотрѣлъ, какъ на палубѣ толстая дама кормила шоколадомъ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, собачка лаяла на проѣзжавшіе автомобили и двѣ мѣщанки въ платочкахъ слушали, что говорилъ имъ загорѣлый и простоватый священникъ.

— Если ты хочешь завтракать на поплавкѣ, то идемъ лучше къ Александровскому саду. Я самъ иду туда.

Викторъ медленно повернулъ свое лицо къ говоря-

щему, почти не узнавая въ немъ своего пріятеля, Ивана Павловича Козакова,

— Да что съ тобой, Викторъ? На тебѣ лица нѣтъ. Или ты получилъ какія-нибудь дурныя извѣстія?

— Извѣстія, да, конечно!

Викторъ только сейчасъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ лежитъ письмо отъ сестры, гдѣ она сообщаетъ, что больна и очень просить его пріѣхать на двѣ недѣли въ Калугу. Онъ только сейчасъ вспомнилъ о немъ и такъ ясно ему представилась сестра Таня съ круглымъ лицомъ, вздернутымъ носомъ, веселыми глазами, которой такъ не подходило быть больной и которая никогда не жаловалась. Ему такъ захотѣлось увидѣть ее, что онъ совершенно искренно сказалъ:

— Да, меня разстроило письмо моей сестры. Она не совсѣмъ здорова и просить пріѣхать.

— Ну такъ что же? Поѣзжай. Это и тебѣ будетъ полезно. Ты такъ долго сидишь въ городѣ, что сталъ похожъ Богъ знаетъ на что.

— Да я бѣ охотно поѣхалъ. Меня удерживаетъ очень простая и смѣшная причина: у меня въ данную минуту денегъ нѣтъ.

— Какой вздоръ! Много ли нужно денегъ, чтобы съѣздить въ Калугу? Если хочешь, я тебѣ ихъ достану.

— Ты меня очень обяжешь этимъ.

— Ну, вотъ, значить, и отлично, а теперь поидемъ завтракать и развеселись. Какого ты хочешь вина?

— Мнѣ почему-то хочется С.-Пере.

— Отчего Сень-Пере? Его, навѣрное, здѣсь нѣтъ.

— А можетъ быть, и есть. Я вотъ загадаю: если оно найдется, значить все будетъ хорошо.

— Ну, я бѣ тебѣ не совѣтывалъ дѣлать такіе опыты. Безъ всякаго гаданія я могу тебя завѣрить, что такого

вина на поплавокъ нѣтъ и нечего изъ-за этого разстраиваться.

Иванъ Павловичъ оказался, конечно, совершенно правъ. Никакого Сень-Пере имъ не дали, пришлось пить обыкновенное Шабли, но когда они уже собирались уходить, вдругъ старшій лакей поднялся изъ трюма, неся въ рукахъ длинную, запыленную бутылку.

— Исключительное счастье, господинъ: у насъ оказалась одна бутылка того вина, что вы спрашивали. Прямо какимъ-то чудомъ сохранилась. Прикажете открыть?

Викторъ взялъ покрытую пылью и паутиной бутылку, повертѣлъ ее и отвѣтилъ:

— Зачѣмъ же ее теперь открывать! Мы уже позавтракали. Сохраните ее до слѣдующаго нашего прихода.

III.

Черезъ нѣсколько дней Викторъ получилъ записку, въ которой Елизавета Петровна сообщала ему о томъ, какъ ей жалко, что они уѣхали раньше, такъ что она даже не успѣла съ нимъ проститься, а въ припискѣ говорилось: „Относительно обѣщанной прогулки вы не безпокойтесь и не считайте меня за обманщицу. Мнѣ очень скоро придется по дѣламъ пріѣхать въ городъ на три дня и я смогу исполнить свое обѣщаніе, если вы сами о немъ еще не позабыли“.

Еще бы онъ позабылъ! Онъ только и думалъ о немъ, и потомъ какая удача: только что онъ собирался впадать въ отчаяніе,—и снова все устраивается, какъ нельзя лучше. Положимъ, все устроилось не такъ хорошо, какъ могло бы: начать хотя бы съ того, что Елизавета Петровна пріѣхала въ такой день, когда

небо было покрыто облаками, а скоро пошелъ и дождь.

Отправляться вверхъ по Невѣ было бы слишкомъ тоскливо, да пожалуй у нея не было бы времени на такую долгую прогулку. Но Викторъ не унывалъ. Нева была тотчасъ замѣнена Сестрорѣцкомъ и качающаяся каюта—тряскимъ вагономъ. Сквозь стекла ресторана они смотрѣли, какъ дождь падалъ на бѣлесое море, которое казалось свѣтлѣ неба, но въ сердцѣ Виктора былъ такой же радостный вѣтеръ и трепетаніе, какъ и въ тотъ счастливый день. Онъ даже искалъ искусственныхъ аналогій, чтобы объяснить въ благопріятную сторону всѣ внѣшнія явленія; онъ говорилъ:

— Этотъ дождь похожъ на весенній: послѣ него все распускается, все получаетъ новую жизнь: листья, цвѣты, трава!

— Вы — ужасный фантазеръ, Викторъ. Откуда вы знаете, что это именно такой дождь, какъ вамъ хочется? А можетъ быть, онъ—грибной и послѣ него пойдутъ только мухоморы.

Викторъ смутился, но не хотѣлъ сдаваться.

— Нѣтъ, это хорошій дождь, а это вы злая, Елизавета Петровна; выдумали какіе-то мухоморы.

— Ничего я не выдумываю. Это вы фантазируете насчетъ дождя, а просто—дождь, какъ дождь.

Было очень неудобно сейчасъ объясниться въ любви, потому Викторъ, оставивъ аллегорическіе намеки, сталъ опять говорить просто, какъ съ пріятелемъ.

Въ Сестрорѣцкѣ больше дѣлать было рѣшительно нечего. Они потряслись обратно въ городъ, рѣшивъ вечеромъ пойти въ какой-нибудь лѣтній театръ. Елизавета Петровна заѣхала домой, чтобы переодѣться, а Викторъ въ ожиданіи наигрывалъ какіе-то вальсы на роялѣ, отъ котораго пахло формалиномъ.

— Ну вотъ, я и готова.

Никогда Елизавета Петровна не казалась Виктору такой красивой и желанной.

— Постоите, взяла ли я ключъ?—сказала она, какъ только хлопнулъ французскій замокъ. Оказалось, что и ключъ, и портмоне она оставила въ запертой квартирѣ. Швейцаръ пошелъ къ дворнику, чтобъ, отворивъ черный ходъ, дать возможность господамъ снова по-пасть въ комнаты.

— Я удивляюсь, что со мной случилась такая разсѣянность! — говорила Елизавета Петровна, сидя на подоконникѣ.

— Можетъ быть, вы такъ и хороши сегодня оттого, что разсѣяны. Я васъ никогда еще не видѣлъ такой красивой и милой.

— Если вы хотите говорить комплименты, должна сказать, что вы выбрали самую неподходящую минуту.

— Я вамъ не хочу говорить комплименты, я серьезно и искренно васъ люблю.

— Ну да, я это знаю, я сама къ вамъ отношусь отлично.

— Я не про то говорю. Я говорю, что я васъ люблю, Елизавета Петровна.

— Вы хотите сказать, что вы въ меня влюблены?

— Это не совсѣмъ выразило бы то, что я чувствую, потому что свое чувство я считаю рѣдкимъ и для меня единственнымъ.

— Вы мнѣ объясняетесь въ любви?

— Да.

— Это гдѣ-то у Чехова дѣлають предложеніе на лѣстницѣ, такъ что пожалуй это можно счесть и романичнымъ, но я нахожу это мѣсто неудобнымъ для такихъ объясненій.

— Я не знаю, у Чехова это, или не у Чехова, но, только я васъ люблю и жду, что вы мнѣ отвѣтите.

— Идемте на верхъ, намъ уже отворяють дверь.

Когда они вошли снова въ квартиру, и Елизавета Петровна нашла свой ключъ и портмоне, она вдругъ сказала:

— А знаете что, Викторъ? Вы не сердитесь, а въ театръ я не поѣду. Я устала, завтра много дѣла, а у меня болитъ голова.

— Это отъ моего разговора у васъ голова разболѣлась?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я просто устала и выпила вина больше, чѣмъ нужно.

— Въ такомъ случаѣ, вы мнѣ позволите посидѣть съ вами?

— Какой вы смѣшной: вѣдь я сейчасъ раздѣнусь и лягу спать. Вы пожалуйста не стѣсняйтесь, а завтра часа въ три мы увидимся.

— А что-же вы мнѣ отвѣтите?

— Я только попрошу васъ не сердиться и не думать, что я могу надѣ вами смѣяться. Я вамъ очень благодарна за то, что вы мнѣ сказали.

IV.

Викторъ такъ былъ разстроенъ, что, придя домой, не замѣтилъ двухъ писемъ, лежавшихъ у него на столѣ. Какія могутъ быть письма?—отъ кого? Развѣ кто-нибудь существуетъ? Никто, ничто не должно существовать! А между тѣмъ, конечно, существовали и лѣтняя квартира, и городъ за окномъ, и начавшее дѣлаться яснымъ небо, и два конверта на столѣ. Въ одномъ изъ нихъ безъ всякой записки оказались деньги, занесенныя Козаковымъ, въ другомъ длинное письмо отъ сестры, гдѣ она писала, что ей хуже и что она

выѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы посовѣтоваться съ докторами, куда совсѣмъ не свалилась.

— Тороплюсь тебѣ написать, чтобъ ты не уѣзжалъ въ Калугу и мы съ тобой не разъѣхались.

Викторъ прочиталъ письмо два раза, чтобы понять его, такъ онъ былъ далекъ мыслью и отъ сестры Тани, и отъ Козакова, и отъ всего на свѣтѣ.

Вымытый мѣсяцъ бокомъ повисъ надъ сосѣднимъ куполомъ.

— Ну что жъ? Буду жить безъ любви, какъ многіе, какъ тотъ же Козаковъ. Можетъ быть, это даже веселѣе, свободнѣе. Увѣренъ, что онъ сидитъ теперь гдѣ-нибудь въ Буффѣ, потомъ поужинаетъ съ дѣвицей и на утро ее забудетъ. Она нисколько не повліяетъ на его жизнь.

Онъ вспомнилъ разные романы, гдѣ описывались такіе разочарованные весельчаки, это даже можетъ быть поэтично. Можетъ быть, сама судьба о немъ заботится и посылаетъ въ одну и ту же минуту и отказъ отъ любви, и лишнія деньги. Если хотите, тоже удача.

Къ удивленію Виктора на него никто не смотрѣлъ и не оборачивался, когда онъ входилъ вмѣстѣ съ другими посѣтителями въ ворота сада. Банально розовые фонари бесѣдки бросали вверхъ зарево на высокую глухую стѣну. Бюсты Чайковскаго и Фонвизина были довольны своими каменными глазами и ушами. Бритыя щеки солдатъ смѣшно и серьезно надувались, воспроизводя нѣжный вальсъ. Дѣвицы думали объ ужинѣ, смотря на сиреневый фонтанъ.

Онъ почти не замѣтилъ лица своей дамы, стараясь какъ можно меньше съ ней говорить, и то о вещахъ, которыя имѣли значеніе только на эту минуту и даже завтра не вспоминались бы. Она была накрашена, но не безобразна, объяснялась безъ непристойностей и,

кажется, была не чрезмерно жадна—вотъ все, что было нужно.

У Виктора ни на минуту не являлось сознание, что онъ веселится, и онъ торопился домой, какъ-будто желая исполнить какой-то злой долгъ. Ни упрековъ совѣсти, ни отвращенія, ни надрыва онъ не испытывалъ; ему просто было какъ-то не любопытно и не занятно.

Когда они возвращались уже на разсвѣтъ, онъ хотѣлъ было рассказать, какъ мальчикомъ онъ жилъ однажды лѣтомъ въ Финляндіи и по утрамъ бѣгалъ купаться къ морю, но потомъ подумалъ, что этотъ рассказъ можетъ его какъ то связать, создать маленькую цѣпочку между ними и потому замѣтилъ только:

— Передъ разсвѣтомъ всегда поднимается вѣтеръ. Вамъ не холодно? Впрочемъ, мы сейчасъ прійдемъ.

Она хотѣла было разыграть беззаботную и фривольную веселость, но, видя, что ея кавалеру этого не нужно, перестала стараться и сдѣлалась равнодушно дѣловитой, чуть-чуть скучающей.

Когда въ передней раздался звонокъ, Викторъ подумалъ, что это телеграмма; навѣрное отъ Тани,—она умерла. На площадкѣ, совсѣмъ ужъ по дневному освѣщеная стояла Елизавета Петровна.

— Вы, конечно, удивлены и шокированы моимъ визитомъ. Но помолчите нѣсколько секундъ. Если можно объясняться въ любви на подоконникѣ, то почему же нельзя давать отвѣта на такое объясненіе въ семь часовъ утра? Но все-таки, если позволите, я пройду въ комнаты.

Викторъ молчалъ, думая, что онъ видитъ сонъ. Отъ волненія Елизавета Петровна говорила слишкомъ сухо, почти сердито:

— У меня дѣйствительно болѣла голова, когда я

просила васъ уйти, и потомъ... ваши слова меня слишкомъ взволновали. Я всю ночь не спала, все думала и вотъ рѣшила наперекоръ всѣмъ правиламъ и обычаямъ прѣхать къ вамъ. Я хотѣла сказать, что я васъ такъ же люблю, какъ и вы меня, и люблю не съ сегодняшняго дня. Вы не можете мнѣ не отдать справедливости, что наше объясненіе въ любви достаточно оригинально... Но, милый Викторъ, что съ вами?—отчего вы молчите?

Она поймала направленіе, по которому былъ обращенъ взоръ Виктора, и сама посмотрѣла туда. На сѣромъ чехлѣ кресла лежала полосатая, бѣлая съ коричневымъ, кофточка, а на ней маленькая шляпа капоромъ, на двухъ концахъ которой висѣло по пучку искусственныхъ съ листиками вишенъ. Елизавета Петровна покраснѣла и, переведя глаза на Виктора, сказала:

— У меня съ дѣтства было свойство—дѣлать все не во-время, не кстати,—такъ и теперь. Надѣюсь, вы не будете болтливы и наше объясненіе—мой визитъ останется для всѣхъ секретомъ, даже, если можно, для васъ самихъ.

Б. С. МОСОЛОВУ.

Соперникъ.

I.

Досада змѣйкой пробѣжала по ея лицу при взглядѣ на карточку, поданную ей читальнымъ мальчикомъ. Но тотчасъ же черты ея приняли обычное выраженіе, слегка скучающее и надменное, которымъ я любовался вотъ уже три дня, какъ только пріѣхалъ въ курортъ. Она не была незнакомкой, звалась Сесиль Гарнье, писалась актрисой, пріѣхала изъ Рима и, очевидно, какъ и всѣ, жившіе здѣсь, искала здоровья въ этомъ маленькомъ чистомъ городкѣ, защищенномъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокою горою. Я ея никогда не встрѣчалъ у источника, хотя видѣ она имѣла болѣзненный. Впрочемъ, можетъ быть, я не встрѣчалъ ее потому, что самъ прибылъ сюда отнюдь не для лѣченія, а чтобы убѣжать отъ людей. Можетъ быть, и она ищетъ уединенія, ни съ кѣмъ не знакомится и отклоняетъ всѣ визиты, какъ этотъ теперь. Хотя для простого визита она слишкомъ взволновалась. Я впервые услышалъ ея голосъ, обыкновенный, слишкомъ открытый по звуку, когда она сказала, повидимому, спокойно:

— Я сказала разъ навсегда, что меня никогда нѣтъ дома для этого господина. Вы напрасно трудились передавать карточку.

Я послѣдовалъ за мальчикомъ, который вышелъ съ поклономъ. Въ прихожей стоялъ высокій молодой человекъ, бритый, съ печальными темными глазами, одѣ-

тый въ дорожный сѣрый костюмъ, зеленую шляпу и высокіе желтые краги. Можетъ быть, онъ пріѣхалъ верхомъ. Мальчикъ убѣдительно толковалъ ему что-то, тотъ не соглашался.

— Но мнѣ говорили, что г-жа Гарнье остановилась именно здѣсь.

— Я ничего не говорю. Она стоитъ здѣсь, вотъ ея имя въ книгѣ: Сесиль Гарнье,—но ея сейчасъ нѣтъ дома.

— Вѣроятно, она скоро будетъ: она вѣдь не уѣхала изъ города. Я ея дождусь.

— Можетъ быть, ихъ долго не будетъ.

— Все равно. У меня времени достаточно, я почти специально для этого сюда пріѣхалъ!

— Какъ вамъ угодно.

Господинъ сѣлъ прямо противъ двери въ читальную комнату.

— Можетъ быть, господинъ перейдетъ въ гостиную?—слѣдующій этажъ?—тамъ удобнѣе ждать. Ему тотчасъ доложить, когда придеть г-жа Гарнье.

— Мнѣ здѣсь удобнѣе. Могу я пройти въ читальную?

— Тамъ ремонтъ...

Отозвавъ мальчика въ сторону, я спросилъ его, кто этотъ посѣтитель, но онъ ничего не могъ отвѣтить кромѣ того, что фамилія его Брукъ, и убѣжалъ на звонокъ.

II.

На слѣдующій день повторилась та же исторія. Очевидно, г. Брукъ отличался настойчивостью въ своихъ исканіяхъ. Крайняя досада отразилась на чертахъ г-жи Гарнье, когда она прошептала: „Боже мой! чего ему отъ меня нужно“?

Считая удобнымъ заговорить съ нею, я произнесъ:

— Не правда-ли, какъ неделикатно со стороны людей такъ лѣзть, когда ихъ не желаютъ видѣть?—

— Еще бы я желала его видѣть!

— Я виню отчасти администрацію гостинницы, которая не можетъ исполнить вашего желанія, такъ ясно выраженнаго.

Она пожала плечами.

— Что можетъ сдѣлать администрація? Это ея нисколько не касается, это мое личное дѣло.

— Но вы могли бы обратиться къ мѣстной полициі.

Г-жа Гарнье промолчала съ гримаской, наконецъ, сказала:

— По нѣкоторымъ причинамъ мнѣ бы не хотѣлось сюда путать полицію.

Я понялъ, что сказалъ глупость, и, желая поправиться, едва ли не сдѣлалъ большую.

— Конечно, если бы съ вами находился отецъ, братъ, мужъ—вы были бы избавлены отъ этой доуки.

— Вѣроятно.

— Можетъ быть, вы мнѣ позволите поговорить съ г-номъ Брукомъ?

— Да, но вѣдь вы мнѣ не мужъ, не братъ, не отецъ, даже не пріятель.

Я готовъ былъ провалиться отъ своей неловкости, но дама продолжала съ улыбкой:

— И потомъ о чемъ же вы будете съ нимъ говорить?

— Я только попрошу его исполнить ваше желаніе, больше ничего. Я нисколько не навязываюсь въ ваши повѣренныя.

Лукавство, какъ ласточка, промелькнуло въ глазахъ Сесиль Гарнье, сдѣлавъ на минуту ее настоящей французенкой, а не печальной, надменной дамой, которою я привыкъ ее видѣть.

— Хорошо. Если вы такъ добры и любезны, пого-

ворите съ г-номъ Брукомъ. Мнѣ нѣтъ надобности просить васъ быть скромнымъ, потому что другимъ вы и не можете быть, ничего не зная.

III.

Случай далъ мнѣ возможность объясниться съ Брукомъ раньше, чѣмъ я рассчитывалъ. Разговоръ съ г-жею Гарнье, ея минутная лукавая усмѣшка, обычный загадочный видъ, романическая и печальная исторія, подробности которой, не зная, я точно живописалъ въ своемъ воображеніи самыми заманчивыми красками,—все это взволновало мое сердце и воспламенило мой умъ.

Я пошелъ по уединенной дорогѣ, гдѣ могли встрѣтиться только сосѣдніе крестьяне, такъ какъ пріѣзжіе были или людьми больными, или свѣтскими посѣтителями водъ, которые не ходили дальше курортнаго парка, хотя окрестности городка были идиллически прелестны, впрочемъ, не безъ нѣмецкой сладости.

Дорога осторожно шла въ гору вдоль игрушечнаго ручья. Внизу рѣдко звякали большіе колокольцы коровъ на лугу. Черезъ все небо была радуга, подъ которой быстро вертѣлись маленькія вѣтряныя мельницы. Подоткнутыя бабы несли свои башмаки въ рукахъ.

Я сразу не замѣтилъ Брука. Онъ сидѣлъ задумчиво на придорожномъ камнѣ и писалъ что-то въ записную книжку, изрѣдка поднимая глаза на пейзажъ. Я подумалъ, что онъ записываетъ стихи, и мнѣ слегка стало его жалко, такъ что я заговорилъ съ нимъ только тогда, когда онъ спряталъ книжку въ карманъ.

— Г. Брукъ, долженъ вамъ сказать, что ваши посѣщенія крайне неприятны г-жѣ Гарнье.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, потомъ заговорилъ. Онъ загово-

рилъ просто и дѣловито, не совсѣмъ такъ, какъ объясняются влюбленные, да еще такіе романическіе.

— Мнѣ самому непріятна моя настойчивость, но я не знаю, какъ мнѣ поступить съ г-жею Гарнье..

— Оставить ее въ покоѣ.

— Видите ли, это мнѣ не совсѣмъ выгодно.

— Неужели вы можете думать о выгoдѣ? Когда дѣйствуетъ искреннее чувство, при чемъ тутъ выгода?

Брукъ промолчалъ, потомъ повторилъ:

— Нѣтъ, я все-таки попытаюсь поговорить съ г-жею Гарнье.

— Вы этого не сдѣлаете, а если и сдѣлаете, то изъ этого ничего не выйдетъ.

— Какъ знать?

— Я васъ увѣряю, что это будетъ совершенно бесполезный шагъ.

Въ глазахъ молодого человѣка мелькнуло что-то въ родѣ надежды, когда онъ меня спросилъ: „вы родственникъ г-жи Гарнье?“

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, почему-то покраснѣвъ.— Но я говорю съ вами съ ея вѣдома.

— И она васъ больше ничего не просила мнѣ передать?

— Ничего, кромѣ того, что она не желаетъ больше васъ видѣть. Я понимаю ваше огорченіе, но едва ли вы можете чего-нибудь достигнуть упрямствомъ. Вы знаете, никто не воленъ въ чужомъ сердцѣ.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю. Я прошу только того, на что имѣю право.

— Подобныя права даются и отбираются по желанію.

— Конечно, я не имѣю юридическихъ правъ.

— Вотъ видите? Ну, а что бы вы сдѣлали, если бы были супругомъ г-жи Гарнье?

— Конечно, я бы къ ней тогда и не обращался.

— Вы оригинально разсуждаете.

— Я, почему?

— Мнѣ почти нравится вашъ образъ мыслей, но, тѣмъ не менѣе, вы или, наконецъ, покинете этотъ городъ, или по крайней мѣрѣ не будете искать встрѣчь съ г-жею Гарнье.

— Этого я вамъ не обѣщаю.

— Хорошо. Но тогда слѣдить за этимъ возьмусь я и повѣрьте, не допущу васъ на три шага къ г-жѣ Гарнье.

Брукъ пожалъ плечами.

— Всякій защищаетъ свои интересы.

— Да, но не посягаетъ на чужіе.

— Мнѣ кажется, вы меня не понимаете.

— Понимаю, какъ нельзя лучше.

— Я просто желаю...

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, чего вы желаете. Я сказалъ вамъ, чего желаетъ г-жа Гарнье, и считаю вопрось исчерпаннымъ.

— Какъ вамъ угодно.

Какъ глупы отвергнутые влюбленные, которые упорствуютъ: они лишаются послѣдней сообразительности. Хотя бы этотъ Брукъ! Съ виду не глупый малый, а разсуждаетъ и ведетъ себя, какъ совершенный кретинъ!

IV.

На нѣсколько дней Брукъ исчезъ. Но однажды я опять увидѣлъ его въ разговорѣ съ какимъ-то высокимъ, плотнымъ господиномъ, по виду австріякомъ. Это было въ передней нашего отеля. Какъ нарочно въ эту минуту Сесиль шла къ лифту и улыбулась въ мою сторону такъ мило и лукаво, что кровь бросилась мнѣ въ виски. Брукъ стоялъ уже одинъ. Быстро подойдя къ нему, я сказалъ сквозь зубы, самъ себя удивляясь:

— Такъ поступаютъ только негодяи! Да, я повторяю, что вы--негодяй и готовъ подтвердить это какимъ угодно оружіемъ.

Брукъ посмотрѣлъ на меня удивленно.

— Простите, вы предлагаете мнѣ дуэль, насколько я понимаю. Я не могу ея принять, такъ какъ не владѣю никакимъ оружіемъ.

— Что же нужно сдѣлать съ вами, чтобы вы исчезли? Можеть быть, вы желаете отступного?

— То-есть какого отступного?

— Ну, можеть быть, вы согласитесь взять денегъ и не досаждать намъ болѣе.

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Сколько?—спросилъ я, съ трудомъ преодолевая внезапное отвращеніе.

— Я думалъ, что сумма вамъ извѣстная: десять тысячъ франковъ,—пробормоталъ Брукъ, оживляясь.

Мое презрѣніе распространилось почти на г-жу Гарнье, которая могла когда-то дать сердечныя права столь презрѣнному человѣку. Я тотчасъ выдалъ ему чекъ и самъ отправился въ контору, чтобы онъ при мнѣ взялъ билетъ. Какъ оказалось, онъ отправился въ Женеву.

V.

Собиралась гроза, и я долго не могъ уснуть. Я гулялъ по отельному саду въ темнотѣ съ той стороны, куда выходили окна г-жи Гарнье. Когда я наткнулся на кусты жасмина, они пахли сильнѣе. Вдали уже слышались молніи, будто кто-нибудь чиркалъ отсырѣвшей спичкой по небесной коробкѣ. Наконецъ, получилась болѣе ясная и длительная молнія безъ удара,—и я увидѣлъ, что окно Сесиль открылось. Въ то же мгновеніе я замѣтилъ человѣка, быстро промелькнувшаго по направленію къ открытому окну. Казалось, вмѣстѣ

съ окрестностью, молнія освѣтила и мои мысли и притомъ такимъ же фантастическимъ свѣтомъ. „Конечно, думалось мнѣ, этотъ Брукъ никуда не уѣзжалъ, обманулъ меня, караулилъ въ саду и, увидя случайно раскрывшееся окно, хотѣлъ силою добиться того, чего не сумѣлъ достигнуть упорствомъ.

Было дѣломъ секунды броситься къ молодому человѣку и схватить его за шиворотъ. Боясь скандала и не желая беспокоить г-жи Гарнье, я велъ борьбу молча. Молчаль и мой противникъ, очевидно, по тѣмъ же соображеніямъ. Больше того: онъ даже старался все время закрывать лицо верхнею частью руки, хотя молніи прекратились и только черныя тучи ползали надъ самыми деревьями. Онъ оказался гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было предположить, и я уже сталъ ослабѣвать, не думая о нападеніи, а только защищаясь, какъ вдругъ голосъ г-жи Гарнье прозвучалъ тихо, но внятно:

— Какъ это глупо въ концѣ концовъ!

Я поднялъ глаза къ окну, межъ тѣмъ какъ мой противникъ, воспользовавшись тѣмъ, что мое вниманіе обращено не на него, ускользнулъ въ гущу деревьевъ. Сесиль уже не было видно за рамою окна, которое отражало только послѣдніе взрывы молніи.

VI.

Первыми словами г-жи Гарнье, когда мы встрѣтились съ нею на слѣдующее утро, были:

— Объясните, мнѣ, пожалуйста, что все это значитъ?

— Я хотѣлъ оградить васъ отъ непріятныхъ встрѣчъ.

— Да, но кончится тѣмъ, что я свою встрѣчу съ вами буду считать за одну изъ самыхъ непріятныхъ. Что я теперь скажу мужу? Согласитесь: достаточно странно встрѣчать подъ окнами своей жены посторонняго охранителя!

— Развѣ это былъ вашъ супругъ?

— Ну да. Онъ вчера прѣѣхалъ изъ Рима. Вечеромъ испортился замокъ у него въ номерѣ, и, не найдя слесаря, онъ хотѣлъ пробраться ко мнѣ черезъ окно, такъ какъ мы живемъ въ одномъ и томъ же коридорѣ нижняго этажа.

— А я думалъ, что это—Брукъ.

— Брукъ? Зачѣмъ же онъ ко мнѣ полѣзеть?

— Я не знаю.

— Послушайте: вѣдь и догадкамъ есть извѣстный предѣлъ! Притомъ Брукъ куда-то пропалъ, я думаю, не уѣхалъ ли онъ совсѣмъ. Странно, что поговоривъ съ мужемъ, онъ не подождалъ, чтобы тотъ заплатилъ ему мой долгъ въ десять тысячъ франковъ. Я хотѣла было скрыть отъ мужа этотъ долгъ, но пришлось открыться. И этотъ смѣшной Брукъ исчезаетъ какъ разъ тогда, когда его исканія могли увѣнчаться успѣхомъ!

— Г. Брукъ былъ только вашимъ кредиторомъ?

Г-жа Гарнье подумала и отвѣчала съ улыбкой;

— Ну, конечно. Онъ представитель торговаго дома. Я знаю, что въ дѣлахъ любви общественное положеніе ничего не значитъ, но Брукъ совсѣмъ не думалъ ни о какихъ романахъ, и потомъ, кажется, я не произвела на него достаточнаго впечатлѣнія.

Помолчавъ, она добавила:

— Ну, не будемъ ссориться! Я вамъ все-таки очень благодарна, что вы меня избавили отъ Брука.

Опять усмѣшка прошла по ея губамъ, такъ что я до сихъ поръ не знаю, извѣстно ли было г-жѣ Гарнье, что я заплатилъ ей долгъ.

ЮР. ЮРКУНУ.

Измѣна.

5-го іюля.

Сегодняшній сонъ опять возобновилъ мнѣ въ памяти то, что я хотѣла бы забыть. Хотѣла бы? Конечно, а между тѣмъ вотъ уже три года, какъ я только объ этомъ и думаю. Это составляетъ почти цѣль моей жизни. Какъ странно... цѣль моей жизни составляетъ то, что я хотѣла бы забыть навѣки. Да, потому что я хочу знать, это необходимо для моего спокойствія, для моей совѣсти. Это странное и непріятное ощущеніе я каждый день возстановляю въ своей памяти, будто для того, чтобы избавиться отъ него разъ навсегда. Есть-какая то жестокость въ этомъ къ самой себѣ, но иначе я не могу.

У насъ еще не было малютки, мы только годъ, какъ были обвѣнчаны съ Артуромъ. Онъ ѣздилъ ликвидировать свои дѣла въ Новый Свѣтъ. Я не желала разстаться съ нимъ хотя бы на нѣсколько недѣль и охотно рѣшилась на трудный и скучный путь черезъ океанъ. Всѣмъ извѣстна ужасная катастрофа, случившаяся съ „Королевой Модъ“, въ числѣ пассажировъ которой была я и мой мужъ. Это случилось на разсвѣтѣ, когда всѣ спали. Конечно, сонное состояніе увеличивало опасность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и притупляло сознание ея, такъ что многіе считали дѣйствительность за продолженіе тревожнаго сна. Оставшіеся въ живыхъ провели около восьми часовъ на боковой поверхности корабля,

такъ какъ судно какъ бы повалилось набокъ и такъ погружалось въ воду. Эти восемь часовъ, пока часть пассажировъ не слизнуло море, другую же не приняло небольшое угольное судно, подоспѣвшее на помощь, конечно, ужаснѣе многихъ лѣтъ каторги, на которую вполнѣдствіи былъ осужденъ капитанъ. Былъ бы великолѣпной случай наблюдать эгонистическую, трусливую, героическую сущность людей въ эти разнузданныя, лишеныя всякой условности, моральной или религіозной, минуты, если бы нашелся человѣкъ, не утратившій послѣднихъ признаковъ наблюдательности. Смятеніе и ужасъ увеличивались необыкновеннымъ туманомъ, лишившимъ насъ возможности даже видѣть, идетъ ли къ намъ помощь. Мы были похожи на слѣпыхъ котятъ, унесенныхъ разливомъ въ перевернутой корзинѣ. Я не помню Артура послѣ того, какъ, проснувшись отъ толчка, онъ выбилъ окно и помогъ мнѣ вылѣзть на уже накренившійся животъ корабля. Воспоминанія прерываются большими паузами, какъ испорченный и перепутанный кинематографъ. Впечатлѣнія теплоты снизу... вѣроятно „Королева Модъ“ горитъ внутри... Я держусь за трубу; можетъ быть это не труба, но что-то металлическое. Конечно, это—не труба... Солнце вдругъ пронизываетъ туманъ... общій незабываемый крикъ; вѣроятно, съ солнцемъ возвращается сознаніе. Голая женщина около меня молится по французски. Ея уже нѣтъ... Протягиваю кому то руку. Все теплѣе... Крики о помощи. Артуръ, Артуръ! Мужская рука держится за мою шею. Совсѣмъ у моихъ глазъ странное родимое пятно въ формѣ полумѣсяца на верхней части руки. Очевидно, мы горимъ... Какое странное чувство. Я никогда не испытывала ни до, ни послѣ такого сладострастія. Все, равно, мы погибли. Я цѣлую и прижимаюсь все крѣпче... Смотрю только на коричневый по-

лумѣсяць. Вокругъ ползають мокрые люди... мнѣ кажется, я сплю. Сладость и ужасъ проникають до самой глубины. Артура я нашла уже спасеннымъ, когда очулась на угольномъ суднѣ. Почувствовавъ себя внѣ опасности, я внезапно ослабѣла и, залившись слезами, обвила шею мужа, въ то же время ища глазами темный полумѣсяць черезъ плотное сукно Артурова рукава. Значить, это не былъ сонъ.

Казалось, наша жизнь потекла нормальнымъ и счастливымъ теченіемъ даже еще болѣе счастливымъ, если бы это было возможно, послѣ пережитой опасности. Рожденіе ребенка, сдѣлало еще крѣпче нашу любовь но и увеличило мое безпокойство. Почему-то сегодня послѣ трехъ лѣтъ я все вспоминаю съ такой ясностью, будто это было только вчера. Вчерашній сонъ навелъ на меня эти воспоминанія, не отгоняя именно того, избавиться отъ котораго стремлюсь я всего сильнѣе.

7-го Іюля.

Я уговорила Артура съ утра отправиться на гребныя гонки. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—онъ самъ, какъ англичанинъ, понимаетъ любовь къ спорту, но его тревожитъ мое волненіе. Я могу часами просиживать на морскомъ берегу во время купанья. Будь я старше, многимъ я показала бы женщиной, лишенной стыда и обуреваемой распутнымъ воображеніемъ. Я сержусь, когда мужскія фуфайки не оставляють рукъ обнаженными. Я вездѣ ищу темнаго полумѣсяца. Можетъ быть, это манія, но мнѣ кажется, что когда я найду того человѣка, я успокоюсь, я все и навсегда позабуду. Я нарочно завела очень сильныя бинокли, сославшись на увеличившуюся будто бы близорукость. И я не всегда умѣю скрыть отъ Артура мое волненіе, которое съ каждой неудачной попыткой не

уменьшается, а даже словно увеличивается. Ни веселые берега Темзы, разбиваемой легкимъ вѣтромъ, ни нарядная публика, ни пестрые флаги участвующихъ въ гонкахъ,—не достигали моего зрѣнія. Только рядъ рукъ, блестящихъ отъ испарины, смуглыхъ, бѣлыхъ, розоватыхъ, гладкихъ и покрытыхъ волосами, напряженныхъ и спокойныхъ—вотъ все, что передавалъ мнѣ мой бинокль и что я запомнила, будто мозгъ мой обратился въ фотографическую пластинку. Я даже не видѣла лицъ гребцовъ, боясь поднять глаза выше верхней части руки. При видѣ полумѣсяца я бы пристально взглянула, я бы запомнила того, на кого я должна направить всю свою тревогу и ненавистную тягость. А такъ мнѣ казалось, что всѣ эти руки меня обнимали тамъ, на кораблѣ.

— Ёдемъ домой, Артуръ,—сказала я тоскливо.

— Все равно. Я устала.

— Ты стала нервна... можетъ быть, ты что-нибудь чувствуешь.—

Бѣдный Артуръ, кажется, думаетъ, что я готовлюсь снова стать матерью. Еслибъ онъ зналъ настоящую причину моего безпокойства! Я позабыла сказать, что мы никогда не говоримъ съ Артуромъ о гибели „Королевы Модъ“, будто условившись не будить трагическихъ воспоминаній. Когда однажды, года два тому назадъ, я начала было говорить объ этомъ, на глазахъ у Артура показались слезы и онъ промолвилъ: „маленькая Кэтъ, я знаю, что ты мнѣ спасла жизнь, но довольно объ этомъ“. Боясь сама распросовъ, я не стала допытываться объясненій мужниныхъ словъ.

9-го Іюля.

Артуръ только что вернулся изъ города, когда я съ малюткой гуляла въ саду. По обыкновенію мы осмат-

ривали кусты розъ, наблюдая новые распустившіеся цвѣты. Дѣвочка была въ бѣломъ платьѣ съ голыми колѣнками и всплескивала руками, когда замѣчала только что раскрытый бутонъ. Лѣниво по небу ползло облако, похожее на большой лохматый полумѣсяцъ. Вдругъ крошка не запрыгала, не закричала, а, оставившись, тихо позвала меня:

— Мама Кэтъ!—

— Что, милая?—спросила я, отрываясь отъ облака.

Протягивая впередъ тоненькій пальчикъ, дѣвочка указала мнѣ на огромную черную розу.

— Нужно сказать папѣ, онъ все время ждалъ этого цвѣтка!

— Да, крошка, идемъ къ папѣ,—сказала я, спокойно озираясь на небо.

Дѣвочка, сѣменя ножками, болтала:

— Мы ему не расскажемъ, да? а прямо проведемъ въ садъ, пусть самъ увидитъ.—

— Да, да, мы такъ и сдѣлаемъ.

Артуръ, очевидно, только что обтирался и соби-
рался мѣнять рубашку. Увидѣвъ его въ зеркалѣ, я
остановилась, потомъ вдругъ бросилась и прильнула
къ его рукѣ, гдѣ темнѣлъ коричневый полумѣсяцъ.

— Кэтъ, Кэтъ, что съ тобою?—шепталь онъ, показы-
вая глазами на крошку.

— Еслибъ ты зналъ, какъ я сегодня счастлива
Артуръ!

— У папы на рукѣ тоже черная роза, только она
еще не распустилась. Правда, мама Кэтъ?—

— Правда, моя дѣвочка, правда. И еще правда, что
твоя мама Кэтъ—очень глупая. Глупѣ тебя, пожалуй.

Я не объяснила Артуру своего порыва, но дѣйстви-
тельно: какъ глупо, что я не видѣла никогда своего
мужа при свѣтѣ раздѣтымъ. Я бы избавилась отъ мно-

гихъ мученій и тревогъ, я бы знала, что я ему не измѣнила, ни разу, ни разу. Конечно, и въ тотъ часъ, когда я была готова погибнуть, я безсознательно узнала объятія, такія родныя, моего Артура. Странно только, что потомъ, въ объятіяхъ мужа я не узнавала тѣхъ чьихъ-то рукъ съ темнымъ полумѣсяцемъ на блѣдной кожѣ...

ОЛЕГУ СОКОЛОВУ.

Шаръ на клумбѣ.

1.

Искривленно, но необыкновенно привлекательно отражались въ зеленомъ блестящемъ шару между астръ и флоксовъ ближайшіе къ нему предметы: площадка съ кустами, выходъ съ балкона, двѣ скамейки и живыя существа, пересѣкавшія эту площадку. Это было особенно занятно потому, что они мнѣнхтурно двигались и шевелились, облака плыли, птицы мелькали,—будто особый цѣлый міръ жилъ въ зеленоватомъ вѣчномъ полднѣ стекла и какъ бы напоминалъ о механической прелести отражаемыхъ предметовъ.

Со стороны противоположной балкону у шара росъ густой кустъ, скрывавшій садившихся на скамейку подъ нимъ и прекращавшій дальнѣйшія отраженія. А это жалко: хотѣлось бы видѣть въ такихъ же лилипутскихъ размѣрахъ и всѣ аллеи, и поле за садомъ, и весь домъ гг. Боскеткиныхъ, и дорогу съ березами къ сосѣдямъ г-дамъ Полукласовымъ, и чтобы по этимъ крошечнымъ мѣстечкамъ ходили человѣчки, кланялись, ссорились и цѣловались, а надъ ними свѣтило бы безлучное зеленое солнце, какъ французскій горошекъ и изъ тучъ цвѣта палыхъ листьевъ чиркали ниточками молніи...

Шаръ—всегда шаръ и всегда напоминаетъ глобусъ, значить—міръ, значить—все существующее. Но зеленый шаръ на астровой клумбѣ былъ осужденъ зер-

кально повторять только событія передбалконной площадки и скамейки за кустомъ. Искривленно, но необычайно плѣнительно.

Теперь онъ отражалъ лица Жени и Женички, склоненныя другъ къ другу. Они съ любопытствомъ смотрѣли на свои длинныя позеленѣвшія головки, потомъ разомъ улыгнулись, причемъ тамъ казалось, что рты у нихъ разѣхались до ушей. Чтобы въ небольшомъ масштабѣ было замѣтно, нужно все преувеличивать.

— Какой глупый шаръ!—сказалъ Женичка.

— Нисколько не глупый! не смѣй такъ говорить! и потомъ онъ нашъ, значить, для тебя долженъ быть милымъ.

И дѣвушка погладила круглую поверхность рукою, будто чью-то плешь. Вышло граціозно, соблазнительно и почему-то неприлично слегка. Молодой человѣкъ не вытерпѣлъ и поцѣловалъ гладившую руку у локтя. Женья, смѣясь, привлекла его за уши къ своему лицу и поцѣловала въ губы, косясь на смѣшное отраженіе. Тамъ губы откровенно, будто живыя, тянулись къ другиму. Женичка, казалось, не замѣчалъ этого и прижималъ свой ротъ къ лицу дѣвушки скромно и крѣпко, безъ сложностей.

Вдругъ шаръ оказался одѣтъ въ лиловый бантъ.

Влюбленные опустили торопливо на скамейку, не разнимая рукъ, даже не отлипаясь губами другъ отъ друга, боясь, что оконченный поцѣлуй будетъ сопровождаться слишкомъ громкимъ звукомъ. Они смотрѣли испуганно и смѣшливо. Женья сумѣла глазами сказать „мама“ про неожиданный головной уборъ на шарѣ. Осторожно Женичка отставилъ губы и вздохнулъ. Голоса по дорожкѣ удалялись и приближались, — очевидно, г-жи Боскеткина и Полукласова ходили, бесѣдуя.

— Главнымъ украшеніемъ вашего сада, конечно, служить этотъ шаръ: онъ очень веселитъ, — говорила гостья, а хозяйка, не останавливаясь, отвѣчала:

— Да, конечно. Я вообще даже не считаю садъ за садъ, если въ немъ нѣтъ шара.

Женичка пожалъ Женину руку, будто она и была зеленымъ шаромъ. Но та его поняла, и ея тонкіе красноватые пальцы отвѣтили на пожатъе. Потомъ она порхнула одна на площадку, оставя своего кавалера курить подь кустомъ. Ея голосокъ, слившись съ двумя другими, исчезъ на балконѣ, а Женичка произнесъ внушительно и раздѣльно, вслухъ:

— Жѣня Дмитріевна Боскеткина, — будто читая визитную карточку. Потомъ произнесъ тѣмъ же тономъ: — Евгенія Дмитріевна Полукласова, — и улыбнулся возможности такой перемѣны.

У шара заговорили ломающіеся альты: Сашукъ, Машукъ и Доримедонтъ. И эти говорили о шарѣ, но не такъ, какъ пожилыя дамы. Гости уничижали украшеніе среди астръ, хозяева откровенно и заносчиво его защищали.

— А у васъ нѣтъ шара!

— За то у папы есть сабля. Онъ былъ офицеромъ, а вашъ — штафирка.

Старшій Доримедонтъ, который стыдился своихъ усовъ въ пятнадцать лѣтъ, сказалъ:

— Все равно: оба служатъ Царю и Отечеству.

Мысль, что Дмитрій Петровичъ Боскеткинъ служитъ Царю и Отечеству, показалась необыкновенно смѣшной Сашуку, имѣвшему о такихъ вещахъ самое романтическое представленіе.

Смѣхъ скоро перешелъ въ пинки и драку; тутъ докуривъ папиросу, вышелъ Женичка Полукласовъ и всѣхъ, и своихъ и чужихъ выдралъ за уши, не исклю-

чая и усатаго Доримедонта. На ревъ вышли матери, съ ужасомъ остановившіяся каждая у колонны крыльца, межъ тѣмъ какъ Женя закрывала лицо руками отъ смѣха и влюбленности.

Въ шарфъ вся эта сцена отражалась замѣчательно отчетливо, но никто объ этомъ не думалъ.

2.

Уединеніе похоже на увеличительное стекло, заставляя мелочамъ придавать несоотвѣтствующее значеніе.

Дѣтская свалка и нѣсколько кислыхъ словъ показались достаточными для объясненій.

День былъ дождливый и всѣ собрались въ столовой. Штатскій и военный отцы нѣсколько стыдились достоинства своихъ женъ по такимъ пустякамъ; всѣ трое дѣтей, высунувшись изъ одного окна, подставляли свои лица подъ дождь, держа пари, кому первому и на какую часть лица капнетъ съ крыши, перекидываясь враждебными замѣчаніями. Женичка сидѣлъ со старшими, смотря въ сосѣдную комнату, гдѣ то появлялось, то исчезало зеленое полосатое платье Жени. Поминутно скрипѣли двери, прислуга то входила, то уходила. Двѣ собаки лаяли и скакали на кошку, которая вскочивъ на буфетъ, молчала съ поднятою шерстью. Чижикъ трещалъ, бабы предлагали ягодъ, зачѣмъ-то нянька переводила часы и, когда все умолкало, слышалась сквозь шелестъ дождя ругань мужиковъ и скрипъ воевъ съ сѣномъ.

Вероника Платоновна, передавая чашку съ молокомъ, медлила, будто ждала, когда же гостья начнетъ, если не извиненія, то объясненія. Анна Львовна сохранила тотъ же лиловый чепецъ, который вчера по-

явился на шарфъ, мало сообразуясь съ тѣмъ, насколько лиловый цвѣтъ подходитъ къ зеленому и присутствіе двухъ мамашъ къ свиданію. Но она молчала и хозяйка начала сама, глядя въ сторону и стараясь имѣть видимую безпристрастность:

— Конечно, дѣти—всегда дѣти, на ихъ слова можно и даже не слѣдуетъ обращать вниманія, но когда ихъ выходки подстроены взрослыми (гостья сдѣлала круглые глаза и стала чѣмъ-то до обиднаго похожа на своего сына, который вдругъ зачесалъ колѣнку), когда въ ихъ словахъ повторяются лишь слова старшихъ, когда такъ выражаются...

— Да, да, что это за разговоръ: штафирка? что это значить—штафирка? вдругъ вступился г. Боскеткинъ, выпячивая обтянутый свѣтлымъ жилетомъ животъ.

Никто не отвѣтилъ, изъ окна замычала корова, чижикъ прочирикалъ, часы пробили одиннадцать и нянька, шлепнувя туфлями, слѣзая, сказала: — „теперь хорошо!“

— Можешь уходить! И что ты выдумала переводить это старье?—вставилъ Дмитрій Петровичъ, затѣмъ повторилъ свой вопросъ не такъ эффектно:

— Я спрашиваю: что значить „штафирка“?

Головы подъ дождемъ прыснули, старшіе умолкли возмущенно. Самая храбрая, Машукъ прозвенѣла:

— Капнуло Сашуку прямо на носъ!

— Чортъ!—пробасилъ Доримедонтъ.

— Ужасно невоспитанныя дѣти! — замѣтила Полу-класова, вставая.

— Тутъ и ваши тоже, — отвѣтила Боскеткина, и дала знакъ мужу. Тотъ, убравъ обратно жилетный парусъ, сказалъ еще менѣе эффектно:

— Маршъ въ садъ! дождь прошелъ.

Собаки приняли это за приглашеніе держаться

„вольно“ и залапали, вытянувъ широкія лапы. Дѣти казались глухими. Женичка схватилъ сзади сестру и повлекъ въ комнату. Машукъ кричала весело, будто ее рѣзали, и болтала ногами, на которыхъ изъ-подъ задравшагося платья видны были клѣтчатые чулки, къ шумной радости мальчишекъ. Хлопнула дверь, тарелка со стѣны свалилась (простая тарелка съ синей мельницей, почему-то вывѣшенная Боскеткиными), собаки окончательно вскочили, а Анна Львовна, снявъ лиловый чепецъ, сказала:

— Ужасно душно!

Выброшенная Машукъ кричала уже на мокроіі травѣ, Сашукъ швырялъ осколками, Доримедондъ стыдился, собаки старались лизнуть въ носъ г-на Полу-класова, который, похожій на согнутую дранку изъ пирожной корзинки, увѣрялъ, что несмотря на то, что служить въ кавалеріи, можетъ понимать и гражданскія заслуги. Вероника Платоновна въ общемъ шумѣ все ждала, когда гостя скажетъ—„извините“.

— Можетъ быть, еще молока?

— Извините: очень душно.

Хозяйка растерянно поглядѣла въ окно, гдѣ подъ черной тучей лугъ ядовито зеленѣлъ отъ наново явившагося солнца.

— Хотите пройтись?

— Женичка, мы уходимъ!

— Сейчасъ, мама! идите! Я ищу трубку!

Зеленѣе луга въ полоскахъ платье проскользнуло въ дверь, какъ только наружная закрылась.

— Трубку, трубку! противный! такъ ты ищешь трубку?

Они черезъ порогъ, стоя у притолоки, цѣловались, послѣ каждаго слова, смѣясь. Часы забили двѣнадцать, часъ, два!

— Нянька! (поцѣлуй) нянька! (еще) что ты сдѣлала (еще, еще и еще) съ этими... (самый сладкій!).

3.

Зеленый шаръ равнодушно и насмѣшливо отражалъ безперемѣнные дни и вечера. Перемѣнъ не было и неопредѣленный, конфузный миръ двухъ семей едва дышалъ. Это приводило въ большую впечатлительность Веронику Платоновну. Она какъ и всѣ, на лѣто смотрѣла, какъ на время, когда занятія и психологія мѣняются, даже упраздняются, замѣняясь болтаньемъ и лѣтливой нервною. То же солнце въ городѣ безсильно вызвать всю глупость и бездѣлье, очень похожее на пошлость, которое лежитъ въ какомъ-то ящикѣ души самаго не пошлаго человѣка. Лѣто, какъ время года, съ длинными днями, королевскими тающими вечерами, цвѣтами, ягодами, открытыми на пролетъ окнами, вся сила и семя въ зенитѣ, будя чувства и дѣятельность, — лѣто, что изъ тебя сдѣлали, что ты стало для самихъ же тупицъ тупѣйшимъ, нервно глупѣйшимъ разваломъ? Когда мы должны бы чувствами и мечтами, цѣлью расцвѣтать, быть изобильными и когда мы валяемся безсильными сонулями? — лѣтомъ. Когда мы должны бы видѣть только небо, траву, любовь и прелестную жизнь, а видимъ глупость, шлянье, пустяки и дачныхъ мужей? лѣтомъ. Лѣто, милое лѣто, издавна красное лѣто, какая злая и сонная фея тебя отравила?

Она же колола спросонокъ тупою палочкою и Веронику Платоновну, сидѣвшую со спущенными шторами, въ капотѣ, съ туфлями на босую ногу. Она смотрѣла въ полутьмѣ на пузатый комодъ и ждала, когда придетъ жаръ. На подносѣ зеркаль слегка ста-

канъ и графинъ свѣтлаго кваса. Ее развлекала и усыпляла оса между тирольскимъ видомъ на шторѣ и стекломъ. Окна, были закрыты, чтобы тепло за день не набралось въ спальню, пахло кисло и затхло. Если она думала, то о сосѣдяхъ, но лѣниво, безъ злобы, мысли едва шевелились. Въ дверь поскреблись. Показалось... Еще разъ.

— Ну кто тамъ? — спросила Боскеткина, не двигаясь. Явился Сашукъ, сдвинувъ фуражку съ потнаго лба.

— Что тебѣ?

— Мама...

— Ну что?

— У Полукласовыхъ...

— Что у нихъ случилось? — въ темнотѣ Вероника Платоновна колыхнулась, будто желе съ блюда.

— Пойдемъ, мы тебѣ покажемъ.

— Да что случилось скажи. Куда я пойду въ такую жару, да еще раздѣтая?

— Мама, пойдемъ, очень интересно.

Мальчикъ что-то былъ ужъ очень ласковъ, навѣрное у сосѣдей произошло что-нибудь необыкновенно гадостное, или смѣшное.

— Ужъ этотъ мнѣ Сашукъ! Ну, погоди, я одѣнусь.

— Не нужно, никого нѣтъ. Никто не увидить.

За дверями кашлялъ Доримедонтъ.

Жаръ и свѣтъ съ неба падалъ прямо на голову, какъ желѣзный листъ. Вероника Платоновна остановилась было, но Сашукъ такъ умильно на нее глядѣлъ, а Доримедонтъ буркнулъ „недалеко“. Пошли къ забору, туфли шлепали и желтоватыя, безъ ухода, пятки г-жи Боскеткиной приводили на память батальныя картины. Прошли и площадку, и тѣнистую аллею, и дорожку у коннаго двора, пересѣкли большую дорогу и съ просе-

лочной между кустовъ свернули прямо въ болотистую чашу. Г-жа Боскеткина потеряла туфлю, которую выловилъ Доримедонтъ и понесъ всю мокрую. Для ловкости она сняла и другую, и продолжала путь босикомъ, предчувствуя важность того, что ей покажутъ и придумывая, какъ наказать сыновей, если они ее обманули.

— Вотъ!—произнесъ шепотомъ Сашукъ, показывая на большую щель въ Полукласовскомъ заборѣ. Вероника Платоновна долго не могла пристроиться, наконецъ приникла. Всѣ молчали. Мамаша отвалилась вся красная, какъ пивка.

— Видѣла?—спросилъ Сашукъ.

Но та замотала головой и снова наклонилась къ щели, будто не вѣря собственнымъ глазамъ.

Нѣтъ, ни зрѣніе, ни сыновья ея не обманули. Посреди песчаной площадки, передъ сходомъ съ балкона, невинно, пышно, какъ ни въ чемъ не бывало, нагло (вотъ именно, нагло), бросая алый свѣтъ, стоялъ красный шаръ на клумбѣ и въ немъ, какъ рубиновая пуговица, сбоку отражалось солнце.

Боскеткина сѣла у забора молча. Сыновья стояли почтительно.

— Бѣги домой! бумаги и карандашъ, — наконецъ проговорила она.

Доримедонтъ бросился, какъ лягашъ, хлюпая по болоту и хлопая туфлей о туфлю. Сашукъ присѣлъ ждать. Мать все молчала. Мальчикъ, желая отвлечь ее отъ печальныхъ мыслей, началъ было:

— Какъ давно у насъ не было ватрушекъ!—но мать взоромъ дала знать, какъ неумѣстны въ настоящую минуту идиллическія мечты. Наконецъ бумагу принесли. Вероника Платоновна написала двѣ строчки и опять мрачно скомандовала:

— Лѣзь черезъ заборъ и прикрѣпи къ шару. И шаръ-то завели красный, мужики, бурбоны!

Вероника Платоновна была такъ удручена, что даже не двинулась съ мѣста и, поднявъ голову, смотрѣла на подошвы и зазелененное сидѣнье парусиновыхъ брюкъ Доримедонта прямо надъ нею.

Но бумажка никакъ не держалась на гладкой покатоности. Сашукъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ кусокъ чернаго хлѣба. Онъ его перебросилъ въ сосѣдній садъ, не желая покидать матери, которая слѣдила за дѣйствіями Доримедонта сквозь ту же щель.

— Поплюй на мякишъ!—посовѣтовала она, не отодвигаясь отъ отверстія.

Пришлось просто положить бумажку на видное мѣсто, придавивъ камнемъ. На ней было написано:

— Это некорректно. Просимъ къ намъ больше не являться. Это называется поступать по свински.

Неизвѣстно, чей поступокъ Боскеткина называла свинствомъ, но вѣдь нерѣдко дипломатическія ноты кажутся двусмысленными.

4.

Навѣрное, сама судьба хотѣла обставить поэтичнѣе свиданія Жени и Женички. Теперь имъ приходилось видѣться ночью, тайкомъ, боясь всякаго треска, такъ какъ Полукласовымъ былъ закрытъ простой доступъ къ сосѣдямъ. Женичка даже для чего-то лазилъ черезъ заборъ, а Женя надѣвала соломенную шляпу.

Молодой человѣкъ, сѣвъ верхомъ на доски забора, замедлилъ, поднявъ къ лунѣ простое лицо со вадернутымъ носомъ.

— Прощай, кума!—сказалъ онъ вслухъ—кланяйся Женѣ.

Потомъ, быстро спрыгнувъ, медленно пошелъ домой, везя ногами по травѣ. Нѣсколько упавшихъ листьевъ, скорчившись, бросали крошечную тѣнь на песокъ, бѣлый отъ луны.

— Скоро въ городъ! — подумалъ Женичка, снялъ шляпу и пошелъ еще медленнѣе.

Женя, вернувшись, не снимая шляпы, сѣла на пуфъ передъ дѣвичьимъ туалетомъ, на которомъ лежалъ между мыломъ, зубнымъ порошкомъ, и бутылкой съ одеколономъ разный вздоръ: коробочка изъ подъ конфетъ, недоѣденное яблоко, простые камушки, выглаженные рѣкою, стрекоза въ папиросной коробкѣ и кукольный лифчикъ. Луна смѣшно голубила стекло одеколоннаго флакона и амуръ этикетки прозрачный на свѣтъ, казался лиловымъ утопленникомъ. Женя зажгла огарокъ и улыбнулась себѣ въ зеркало.

— Будто бабушка въ этой шляпкѣ! Я думала, она не пригодится, я же не знала, что встрѣчу Женичку. Женичка, Женичка! Милая луна! Теперь днемъ скучно, но можно будетъ позднѣе вставать и начать читать „Войну и миръ“.

Она рѣшила не спать, но заснула на открытомъ окнѣ. Проснувшись, она увидѣла лучи изъ за сарая и передъ собою цыпленка; онъ спокойно клевалъ цвѣточки на ея платьѣ, такъ какъ она не шевелилась. Женя тихонько размѣялась, а тотъ неуклюже соскочивъ, побѣжалъ на длинныхъ лапахъ, смѣшно унося свой вздернутый мохнатый задъ. Лучше еще лечь, чѣмъ приниматься за Толстаго! Конечно, онъ—геній, но Женичка милѣй.

Каждый день луна дѣлалась все болѣе кривобокой, но флюсъ не уменьшалъ ея свѣта и не прекращалъ свиданій на скамейкѣ подъ шаромъ, подъ настоящимъ зеленымъ шаромъ. Скамейка сохраняла ихъ секретъ и

ихъ буквы, потому что онѣ были вырѣзаны съ нижней стороны доски. Лежа на спинѣ, Женичка рѣзалъ, а Женя смѣялась, боясь, что тотъ прорѣжетъ скамейку насквозь или схватить Женю за ноги.

— Здѣсь, здѣсь?—спрашивалъ Женичка, стуча ножикомъ въ скамейку по разнымъ мѣстамъ.

— Ты не посмѣешь этого сдѣлать, а я все равно не встану.

Ребята сверху могли писать сколько угодно глупостей,—„ихъ“, буквы будутъ сохранны!

Женя тоже подсунула голову, чтобы посмотреть, какъ вышелъ вензель, но молодой человѣкъ въ награду себѣ сталъ ее цѣловать, такъ что она отбивалась ногами и сдѣлала разсерженный видъ.

Это было, когда еще днемъ они могли видѣться. Ночью, при лунѣ, до рѣзвы ли?

— Птицы въ лѣсу больше не поютъ давно; какое число у насъ?

— Не скажу.

— Почему? вотъ новости!

— Я тебя поцѣлую столько разъ, какое число.

— Тогда, пожалуй, выйдетъ семдесятъ шестое Августа!

— Вотъ увидишь!—и онъ поцѣловалъ ее пять разъ.

— Только-то?

— Пятое Августа.

— Ахъ такъ?

— Хочешь, будетъ сотое Сентября? я не собьюсь.

— Довольно глупостей, Женичка. Скоро придется увѣзжать! Не будетъ ни скамейки, ни луны, ни шара.

— Можно его взять съ собою.

— Что же, ты думаешь, что и въ городѣ въ немъ будетъ отражаться нашъ садъ? Ты вродѣ того господина, который привезъ изъ Карлсбада такой же шаръ

и очень обидѣлся, когда дома не нашель въ немъ Карлсбадскаго парка. Ты—удивительно глупый!

— Но и въ городѣ въ немъ будетъ отражаться, какъ мы цѣлуемся.

— Что-жь ты будешь вездѣ съ собой его носить? ты просто дурачекъ.

— Потому что тебя люблю?

— Нѣтъ, не потому, а потому что завель и у себя шаръ. Въ немъ никто не цѣлуется. И глупый, и безвкусный. Красный завель... фп! хоть бы посовѣтывался со мною.

— Да вовсе не я его и покупаль-то! я его и не видѣль даже.

— Ну да, и все-таки вашъ шаръ противный, а нашъ милый. Мама совершенно права.

— Да при чемъ же я тутъ?

— При томъ. Всѣ перессорились и это очень досадно и глупо. Ну, повтори: досадно и глупо.

— Досадно и глупо.

— И Полукласовскій шаръ противный, а нашъ милый.

— А нашъ милый.

— Нѣтъ, ты не хитри, а повтори: „а Боскеткинскій милый“.

— А Боскеткинскій милый.

— Гдѣ же первая половина?

— Какая?

— Полукласовскій шаръ противный?

— Полукласовскій шаръ противный.

— А Боскеткинскій милый.

— А Боскеткинскій милый.

Женя замолкла подъ своей шляпой, а Женичка машинально ломалъ ей пальцы.

— Зачѣмъ ты мнѣ ломаешь пальцы? что я тебѣ горничная?

— Почему горничная?

— Такъ ухаживаютъ за горничными.

— Я не знаю, я не ухаживаль.

— Я тоже не ухаживала.

— Я и за тобой не ухаживаю.

— Что же ты дѣлаешь?

— Люблю тебя.

— Нѣтъ, ты не любишь меня, а влюбленъ, понимаешь, влюбленъ. Любятъ, это папа маму, меня, сестеръ, любятъ пирожное, а ты—влюбленъ. Хорошо?

— Не знаю. По-моему, я люблю тебя.

— Фу, какой скучный! Я хочу, чтобъ было лучше, а онъ упрямится. Ну хочешь такъ? ты и влюбленъ въ меня и любишь меня,—оба вмѣстѣ.

Подумавъ, она сказала:

— А знаешь, по моему ты и не любишь меня и не влюбленъ.

— Это почему? Женья, что за фантазія?

— Это не фантазія, а правда. Если бы ты любилъ меня, ты не купилъ бы краснаго шара.

— Женья, я же говорилъ, что не я его покупаль.

— Все равно, у васъ бы его не было.

— Ты сегодня упрямая!

— Я упрямая? самъ упрямя, какъ три осла! Однимъ словомъ, пока у васъ торчитъ ваша красная гадость, не смѣй приходить сюда. И теперь не смѣй смотрѣть въ нашъ шаръ! онъ—шарунчикъ, онъ—зеленуша, онъ—душанъ! И я его люблю, а тебя не люблю.

Она стала цѣловать блестящую зелень шара, но когда приближала къ нему свое лицо, тамъ придвигался такой ротъ, такой носъ, что, забывъ о ссорѣ, она тянула за рукавъ Женичку, чтобъ посмотреть.

— Нѣтъ, ты посмотри, что за уродъ! Нѣтъ, ты попробуй самъ. Похоже на Женичку Полукласова? Черезъ пять лѣтъ ты будешь такимъ.

Вздохнувъ, она посмотрѣла на лунную точку въ носкѣ лакированной туфли и сказала скорбно:

— Вотъ какія дѣла. Когда же ты придешь?

— Завтра, конечно.

— Ты не думай, что я шутила.

— Я и не думаю.

— И не вздумай меня надуть.

— До завтра,—отвѣтилъ только Женичка и остался смотрѣть, какъ Женья огибала флигель, чтобы дойти до своего незапертаго окна. Все-таки она обернулась и сама, забывшись, сказала: „до завтра“.

5.

На слѣдующій день Женичка пришелъ, слѣдовательно... слѣдовательно утромъ Анна Львовна, выйдя въ садъ и оглядѣвшись съ довольнымъ видомъ, вдругъ нахмурилась, протерла глаза и снова взглянула съ ужасомъ и негодованіемъ. Дѣйствительно, на клумбѣ не только краснаго пятна, но даже палки не было, и бархатѣль лишь оранжевый кружокъ ноготковъ. Она поглядѣла почему-то на небо, будто, въ свою очередь, въ солнцѣ могъ отразиться пропавшій предметъ. Коврикъ желтыхъ цвѣтовъ только издали былъ нетронутъ, вблизи оказывалось, что его осыпали осколки красные съ лица со свинцовой изнанкой. Они же валялись и на пескѣ, и въ каждомъ горѣло по солнцу и было по неподвижному небу.

Вспомнилась и записка, лежавшая здѣсь же дня четыре тому назадъ, и Анна Львовна замахала рукой къ балкону, будто отъ возмущенья потеряла языкъ. Но ея жесты увидѣлъ отлично ея мужъ, похожіи те-

перь на дранку безъ загиба, такъ какъ онъ не разговаривалъ съ низенькимъ и толстымъ сосѣдомъ. Поднявъ вострый носъ, чтобы надѣть пенснэ, такъ какъ Полукласовъ былъ близорукъ, онъ поспѣшилъ къ женѣ, стараясь соблюдать бывшую военную походку. Дѣтская ссора заставляла всегда его вспоминать о своей прежней службѣ, когда дѣло касалось Боскеткиныхъ. Анна Львовна молча показала ему на осколки, которые обнюхивала прибѣжавшая собачка.

— Что это?—обращаясь снова въ согнутую дранку и придерживая пенснэ, спросилъ Александръ Яковлевичъ. Жена еще разъ указала на осколки рукою, другою опершись на мужа и съ укоромъ взглянувъ на него. Машукъ, прыгая на одной ногѣ, приближалась къ мѣсту происшествія.

— А гдѣ же шаръ?—раздался ея голосъ.

Анна Львовна только сильнѣе оперлась на мужа.

— А гдѣ же шаръ? — переспросила Машукъ и скакнула на кусокъ, который кракнулъ.

Изъ окна показался Женичка съ флейтой у рта. Тихо и печально, очень спокойно, будто дулъ въ бутылку, началъ онъ гамму.

— Замолчи, дуракъ!—крикнулъ ему отецъ и обратясь къ женѣ, продолжалъ:

— Если это—они, то это не имѣетъ названія.

— Кто же, какъ ни они? Письмо, теперь эта наглость,—жалобно проговорила Анна Львовна. Машукъ не унималась. Давя каблуками поочереды каждый осколокъ, при чемъ отраженные солнца все умножались, будто почкованіемъ, она повторяла уже безъ всякаго смысла:

— А гдѣ же нашъ шаръ, а гдѣ же нашъ шаръ?

— Бѣдная малютка, какъ на нее это подѣйствовало,—томно произнесла Полукласова.

За заборомъ пробурчалъ сдержанный смѣхъ и потомъ, какъ эхо, повторили:—А гдѣ же нашъ шаръ?

— Они еще подслушиваютъ, подлецы! — пронзительно, внезапно получивъ обратно весь голосъ, воскликнула Анна Львовна и лѣвую руку устала въ бокъ.

Голова молодого человѣка моментально пропала, будто онъ опустился въ театральнй люкъ, лишь осталась часть флейты, неизвѣстно чѣмъ державшаяся. Папаша закричалъ въ пространство, будто команду:

— Я—вась! ослы и невѣжи!

— Наглецы,—настаквала г-жа Полукласова.

За заборомъ было тихо. Машукъ остановившись на послѣднемъ осколкѣ, ожидала съ интересомъ.

— Негодяи!—закричалъ еще разъ Александръ Яковлевичъ въ кусты.

И флейта исчезла, въ окнѣ ничего не осталось. Машукъ всплеснула руками и быстро побѣжала, подгоняя себя пятками. Коротенькіе штанишки, одна штанина длиннѣе другой, мелькая, дѣлали дѣвочку совсѣмъ маленькой.

— Куда ты?

— Въ дворницкую! — донеслось изъ - за третьей клумбы.

— Бѣдняжка совсѣмъ разстроилась! — проговорила мамаша и сама заплакала.

— Ни денегъ жалко, ни вещи, но обидно за хамство.

— Этого такъ оставить нельзя!—отвѣтилъ мужъ и велѣлъ запрягать лошадь, еще разъ обернувшись къ забору, за которымъ ничего не было слышно.

6.

Тарелка съ синей мельницей, неизвѣстно почему упавшая, такъ ничѣмъ и не была замѣнена въ столовой Боскеткиныхъ. Торчалъ голый гвоздь и на него именно и смотрѣли два посѣтителя, никому не извѣстные, прїѣхавше отъ Александра Яковлевича Полукладова строго оффиціально. Они до такой степени были никому неизвѣстны, что можно было подумать, что даже самъ пославшій ихъ не знаетъ, кто они. Одно было достовѣрно, что они прїѣхали изъ города. Высокій, похожій на приказчика, сидѣлъ, вытянувъ руки на колѣняхъ и смотрѣлъ на гвоздь, куда были направлены глаза и другого, въ почтовой формѣ. Часы, заведенные нянькой, снова стояли. Кажется, прїѣзжіе не были знакомы даже другъ съ другомъ, потому что не разговаривали въ теченіе получаса.

— Навѣрное, висѣло что-нибудь, да сняли!—сказалъ одинъ, указывая на гвоздь.

— Да, не иначе,—отвѣтилъ другой, сгоняя съ щеки муху, которая сейчасъ же сѣла ему на носъ.

— Долго заставляетъ себя ждать г. Боскеткинъ.

— Спать, можетъ быть.

Собесѣдникъ молча посмотрѣлъ на эмалированные часы и показалъ ихъ сосѣду.

— Одиннадцать, четырнадцать.

Дверь скрипнула. Вероника Платоновна, не будучи знакома, не сочла нужнымъ переодѣтъ капота, прибавивъ къ нему лишь лиловый чепецъ. Пренебрежительно, но съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ оглядѣвъ гостей, она ихъ не пригласила сѣсть, потому что тѣ уже сидѣли, думая, что выходъ Вероники Платоновны ихъ не касается.

— Вы къ мужу?—спросила она прямо.

— Мы къ Дмитрію Петровичу Боскеткину,—отвѣчали тѣ какъ-то разомъ и разомъ поднялись.

— По какому же дѣлу?

— Мы, собственно, лично къ нему.

— Вздоръ! Все равно, я—его жена, не стѣсняйтесь.

— Насъ прислалъ г. Полукласовъ, Александръ Яковлевичъ,—началь одинъ изъ посѣтителей.

— Мы должны бы поговорить съ уполномоченными противной стороны,—проговорилъ другой болѣе официально.

Почувствовавъ серьезность разговора, Вероника Платоновна сейчасъ же сдѣлалась болѣе независимой, и даже наступательной.

— Отъ Полукласовыхъ? вы меня простите, но это такіе глупые и наглые люди, что я даже удивляюсь, какъ можно брать на себя какія-нибудь порученія отъ нихъ.

— Глупые и наглые, вы говорите?

— Да, и словъ своихъ назадъ не беру.

— Дамскія слова по закону въ счетъ нейдутъ.

— Притомъ Полукласовы буквально то же самое говорили про васъ,—прибавилъ почтовый.

— Про насъ?

— Да. Мы, собственно, затѣмъ и пришли, что бы г. Боскеткинъ направилъ насъ къ лицамъ, съ которыми мы могли бы сговориться, гдѣ и когда съ оружіемъ въ рукахъ можно будетъ доказать, кто глупѣе и наглѣе,—сказалъ приказчикъ очень торжественно.

Хозяйка помолчала, потомъ вдругъ закричала совсѣмъ не торжественно, но громко:

— Вонъ! дуэль затѣвать? чего тамъ рѣшать кто глупѣе и наглѣе, когда я безъ всякихъ дуэлей могу вамъ доказать, что вы, именно вы, даже не сумасшед-

шій Полукласовъ, всѣхъ глупѣе и наглѣе. Во всякомъ случаѣ, всѣхъ смѣшнѣе. Идите вонъ!

Въ дверяхъ не показался, а прямо оказался Боскеткинъ стоящимъ.

— Вотъ—мой мужъ. Можете съ нимъ говорить, сколько вамъ угодно. Я увѣрена, что онъ вамъ скажетъ то же самое, что вы слышали отъ меня.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Дмитрій Петровичъ.

— Они пришли передавать тебѣ картель,—сказала жена такъ пренебрежительно, что всякіе менѣе неизвѣстные люди провалились бы на мѣстѣ.

— Я принимаю, я принимаю! что же г. Полукласовъ думаетъ, что разъ онъ прослужилъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ полку безъ году недѣлю, такъ онъ можетъ всѣхъ оскорблять? Я не только принимаю, я самъ вызываю! Слышите? пошли вонъ!

— Видите?—кратко замѣтила Вероника Платоновна,—я говорила, что мужъ скажетъ то же, что и я.

— Позвольте, но вашъ супругъ говоритъ совершенно противоположное вашимъ словамъ.

— Что же, я вру по вашему или вы оглохли?

— Мама, я все слышала, но я не виновата—вдругъ раздался изъ сада голосъ Жени и ея голова поднялась въ окно до подбородка. Всѣ умолкли, а голосъ продолжалъ спокойнымъ ручейкомъ:

— Эти господа вызываютъ папу на дуэль за то, что у Александра Яковлевича разбили шаръ, но папа тутъ не при чемъ. Это я разбила и Полукласовъ долженъ со мной считаться,—мнѣ уже семнадцать лѣтъ.

— Какъ, это ты сдѣлала, моя дѣвочка?—воскликнула Вероника Платоновна и нагнулась въ садъ поцѣловать дочь, при чемъ между кофточкой и юбкой сейчасъ же высунулось бѣлье. Г. Боскеткинъ ждалъ у окна, когда дойдетъ очередь до его поцѣлуевъ, терпѣ-

ливо вода глазами по окрестностямъ. Его голосъ зазвучалъ необыкновенно мягко и мирно, почти сладко, когда онъ произнесъ:

— И ты же, конечно, спрятала на время нашъ шаръ, чтобы его не постигла та же участь со стороны враговъ?

Разнявъ объятъ, мать и дочь посмотрѣли на клумбу, гдѣ, какъ у сосѣдей, ничего не блестѣло, Секунданты приблизились тоже на цыпочкахъ.

— Нѣтъ, нашего шара я не трогала... я не знаю— отвѣтила Женья и группа застыла, какъ передъ фотографомъ.

— Его украли!— вскрикнула мамаша и снова все стихло. Осторожно одинъ изъ пріѣзжихъ спросилъ:

— А какого цвѣта былъ вашъ шаръ?

Г-жа Боскеткина даже не обернулась. Менѣе похожая на Ниобею, Женья задумчиво и печально отвѣтила:

— Зеленый.

— Вонъ тамъ ближе къ сараю что то зеленѣеть... не онъ ли?

И всѣ, какъ мореплаватели, обратили свои взоры къ сараю. Ниобея не выдержала.

— Идіотъ! что же шаръ самъ будетъ переходить съ мѣста на мѣсто? Зеленое! это мой лифчикъ сушится. Если вы слѣпы, возьмите себѣ подозрную трубу! И чего вы стоите, пинковъ ждете? Маршъ! Ну, что смотрите? еще шаръ въ комнатахъ ищете? Что? вашу шапку? вотъ она ваша шапка!

И необыкновенно проворно и ловко она сшибла форменную фуражку со стула, поймала носкомъ ноги и выбросила въ окно прямо на проходившую насѣдку.

Гостями больше не занимались. Женья, ухватившись за подокожникъ снаружи, горько плакала.

— Неужели, мама, всѣ люди такъ злы?

— Успокойся, дитя мое, все это временно—говорила Вероника Платоновна, обнимая дочь и смотря на выброшенную фуражку, около которой хлопотали цыплята.

7.

На половину обгрызанная луна всходила все позднѣе и все тусклѣе свѣтила, обѣщая ворами, что скоро она будетъ къ нимъ совершенно благоприятна. Но все же было достаточно свѣтло, чтобы Женя могла замѣтить, какъ Женичка перелѣзалъ заборъ тамъ, гдѣ со стороны Боскеткинскаго сада было даже вытоптано мѣсто его ежедневныхъ скачковъ. Сегодня онъ не поспѣлъ опуститься на это обычное мѣсто, потому что еще когда онъ чернѣлъ, сидя на заборѣ, на менѣе темномъ небѣ, Женя окликнула его. Онъ сначала не узналъ, что это его Женя, потому-что раздалось:— „Евгеній Александровичъ!“

— Кто тутъ?

— Это я—Женя Боскеткина.

— Почему же такая официальность?

— Потому что теперь я не только вижу, что вы меня не любите, но и объявляю вамъ, что все между нами кончено.

— Что такое?—молодой человекъ былъ уже по эту сторону забора.

— Что такое?—нѣтъ, ты повтори, что ты сказала!

— Да какъ же я повторю, когда ты мнѣ весь ротъ занялъ своими губищами?

— Ну вотъ я отпустилъ—говори!

— Между нами все кончено! — дѣвушка говорила вполголоса, но очень быстро.

— Потому что это невозможно. Мнѣ все это надо-

ѣло, это смѣшно и жалко, но вмѣстѣ съ тѣмъ это возмутительно, возмутительно...

— Что такое возмутительно?

— Вся эта глупая возня съ шарами. И еслибъ ты меня любилъ, меня уважалъ, ты могъ бы какъ-нибудь устроить, чтобъ этого не было. Да, да. Это всякій бы сдѣлалъ, конечно, кто любитъ. А теперь я вижу, какая черная у тебя душа и что ты меня нисколько не любишь. Эти ссоры, вызовы на дуэль... Что-жь ты думаешь, что я съ тобой сбѣгу? папа теперь меня не отдастъ за тебя...

— По-моему, ты хочешь сказать, что ты меня разлюбила. Съ больной головы на здоровую.

— Какъ съ больной на здоровую? это у тебя-то здоровая? скажите, пожалуйста! а кто вырѣзывалъ мое имя подъ скамейкой, кто клялся, кто лазалъ каждый вечеръ въ нашъ садъ?...

— Тише, Женья...

— Какъ тише? что ты кричишь на меня? можетъ быть, ты бить меня станешь,—не долго ждать!..

— Да я совсѣмъ не потому...

— Вы всѣ такіе, дай вамъ волю! только бы оскорблять и обижать, потому-что ты увѣренъ, что я тебя люблю. Ошиблись, Евгеній Александровичъ, я не такая дура, чтобы настолько васъ любить, чтобы переносить, чтобы, чтобы...

Женья не могла докончить, потому что ей закрыли ротъ рукою и самое ее увлекли въ тѣнь съ освѣщеннаго мѣста. Когда она пришла въ себя отъ негодованія, она увидѣла, что негодовать было не на что. Очевидно, къ нимъ приближался народъ, даже не приближался, а бѣжалъ. Тяжелый бѣгъ слышался все ближе, наконецъ, можно было даже слышать запыхавшееся дыханье.

— Что это, Женичка? что это?—съ испугомъ спрашивала дѣвушка, забывъ ссору. За заборомъ бѣжали молча. Сквозь щель можно было замѣтить двухъ людей, за ними слѣдовали на нѣкоторомъ разстояніи двѣ другихъ тѣни, у выхода изъ болотистаго лѣска выплывало на освѣщенную дорогу еще человѣка два.

— Что это?—еще разъ спросила Женя.

— Они сейчасъ вернутся. Я страшно боюсь, какъ бы ихъ не застали тамъ... раздался чей-то голосъ со всѣмъ близко въ саду.

Вероника Платоновна осторожно ступала, ведя за собою полуодѣятаго мужа. Часть луны вдругъ снялась облакомъ. Боскеткина нагнулась къ щели, отдѣленная отъ дочери шиповникомъ. Женя взялась невольно за Женичкинъ рукавъ.

— Сашукъ, Доримедонтъ, не поддавайтесь! скорѣи бѣгите!—вдругъ закричала Вероника Платоновна—и все стало ясно.

Отъ лѣса несло:—Машукъ, Лаврушка, догоняй ихъ, воровъ! Вотъ такъ, гони не въ свою голову!—

Женя даже не могла смотрѣть, а только обняла Женичку.

Родители обѣихъ сторонъ кричали подбодренья, пятки мелькали, шаръ въ рукахъ Сашука пытался блестя безъ луны, завалившейся за сарай.

— Постой!—кричала погоня.

— Я те постую!—отвѣчали бѣгущіе.

— Безобразіе, воры!

— Сами воры! некорректно!—перебрасывались зрители. Александръ Яковлевичъ скovyрнулъ, потерявъ пенснѣ,—ликованіе по эту сторону забора.

— Такъ тебѣ и нужно, дуэлянтъ собачій!

— Лѣзя, лѣзь, Сашукъ! подбирай пятки! кидай шаръ, я поймаю!—вопила въ безпамятствѣ Боскеткина,

разставляя руки на два аршина. Въ темнотѣ обрывается, сопитъ, крики сзади, вдругъ полетъ, палка въ землѣ, дребезгъ объ голову Вероники Платоновны, Сашукъ стоитъ на головѣ секунду. Хорошо, что луны нѣтъ!

Въ молчаньи только вздохи и дыханье. Снаружи вопросъ: — разбилось? что-то треснуло вѣдь... или это ваша голова?

Ударъ будто благодѣтеленъ для Боскеткиной.

Простой сосѣдкой она говорить:

— Доигрались! Чуть было голову мнѣ не разбили. Какъ вамъ не стыдно, Анна Львовна и Александръ Яковлевичъ? Положимъ, мы и сами были виноваты отчасти...

— Разумѣется, и вы были виноваты, тѣмъ болѣе, что вы первые начали — отвѣчала Полукласова черезъ заборъ.

— Положимъ, первыми начали ваши дѣти, но если бы мы даже и начали, мы не доводили дѣло до столкновений, мы не посылали вызововъ.

— Ну, да вѣдь какъ вы и обошлись съ нашими секундантами!..

— Какъ они этого заслуживали. Но теперь, разъ шары разбиты, я думаю, можно прекратить счеты. Дмитрій Петровичъ, по крайней мѣрѣ, готовъ хоть сейчасъ, даже поцѣловаться, если нужно...

— Александръ Львовичъ ничего не имѣетъ противъ, разъ вы извинились.

Желаніе мира вдругъ охватило Боскеткину, такъ что она не подняла вызова, заключавшагося въ послѣднихъ словахъ Полукласовой, а только подтолкнула мужа къ щели, гдѣ уже стоялъ подведенный женою другой противникъ. Хорошо, что луна ушла!

Только что отзывчалъ поцѣлуй помирившихся со-

перниковъ, какъ вродѣ эхо за кустомъ раздался другой и еще разъ.

— Это вы Вероника Платоновна?

— Вы съ ума сошли! съ кѣмъ же мнѣ цѣловаться? Я думала, это вы...

— Нѣтъ, это не мы.

— Мама! — съ ужасомъ закричала Сашукъ — чей то сапогъ и нога въ немъ!!

Когда Женя и Женичка вышли изъ за куста, первая заговорила съ большою словоохотливостью о томъ, какъ жалко разбитого шара. Вероника Платоновна, наклонясь, спросила:

— А что это было?.. мы слышали...

— Ничего особеннаго. Мы тоже помрились.

— Вотъ и прекрасно.

Женичка высочилъ:

— А завтра я съѣзжу въ городъ и привезу вамъ новый шаръ.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не надо, — сказали всѣ, а Женя добавила тихо:

— Вѣдь скамейка то осталась и безъ шара тою же.

Вихрастыя облака желтѣли уже отъ зари и пастухъ игралъ на трубѣ совсѣмъ какъ въ „Снѣгурочкѣ“.

БОРИСУ САДОВСКОМУ.

Набѣгъ на Барсуковку.

I.

Не ладилось почему-то въ этотъ день вышиванье у Машеньки, то въ синее поле нанижетъ зеленаго бисеру, то лиловаго въ розы пустить, то желтыйъ разсыпется, будто не прежніе у нея были, проворные и искусные на ошущь пальчики, а какіе-то обрубки, набитые ватой. А между тѣмъ день былъ самый обыкновенный, такой-же, какъ вчера, какъ третьяго дня и, вѣроятно, какъ будетъ завтра, шестого августа, въ день Преображенія Господа нашего Іисуса Христа, когда будутъ святить яблоки и печь пироги съ ними. Вѣдь, и тревога, съ которой Машенька смотрѣла изъ своего мезонина на разстилавшуюся за садомъ дорогу, была та же, что и прежде, ничего особеннаго въ ней не было; отчего же синій бисеръ попадалъ въ зеленый, а желтыйъ самъ рассыпался?

Вздохнувъ, она отложила неконченнымъ длинный кошелекъ съ розами и незабудками и, опершись на локоть, стала просто смотрѣть на такую извѣстную съ дѣтства ей картину: дворъ, садъ, дорога за нимъ на пригоркѣ, мельницы, еле видное озеро вдали. Въ тотъ день ни солнечный, ни хмурый, съ лѣнливымъ солнцемъ и рѣдкимъ дождемъ,—все казалось такимъ обыкновеннымъ, что Марья Петровна Барсукова даже знала не только всѣхъ прохожихъ, но куда и откуда они идутъ, и зачѣмъ, и почему,—такъ что наблюденія могли

приносить только удовольствіе подтвержденія, что Фекла идетъ со скотнаго на кухню, что Кузька бѣжитъ на погребъ за квасомъ, потому что баринъ Петръ Трифонъчъ, Машинъ отецъ пробудился отъ послѣобѣденнаго сна, что старуха Марковна пронесла грибы къ ужину. Все было ей отлично извѣстно и хотя неизмѣняемость явленій вносить извѣстное успокоеніе въ душу, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ и тягостное, безнадежное чувство, похожее на скуку.

Не только всѣ прохожіе были извѣстны Марьѣ Петровнѣ, но даже звуки, источники которыхъ не были доступны зрѣнію, были ей такъ же извѣстны, равно какъ ихъ причины и назначеніе. Вотъ скрипнули ворота, впускаютъ скотъ, который все ближе, ближе мычитъ и блеетъ, вотъ рубятъ котлеты на кухнѣ, поютъ пѣсни на выгонѣ, шлепаютъ вальками на пруду, братъ Ильюша разыгрываетъ Гайдна въ круглой гостиной и скоро раздался свистъ изъ-за куста сирени, свистъ, всегда ожидаемый и даже ожидаемый, но всегда заста-вляющій биться сердце и ланиты покрываться розами. Послѣ этого свиста всегда прибѣжитъ босою Феня, камеристка и наперстница Марьи Петровны, всегда съ видомъ заговорщицы, съ однимъ и тѣмъ же радостнымъ ужасомъ на кругломъ лицѣ. Прошепчетъ „свистятъ-съ“, на что Маша отвѣтитъ „слышала; покарауль, Феня“. Каждый разъ дѣвка промолвитъ: „вотъ страсти-то, барышня! Попадемся Петру Трифонъчу, быть мнѣ поротой, а вамъ за косы драмой“, и стремглавъ нырнетъ въ кусты, мелькнувъ голыми пятками.

И на этотъ разъ только что раздался въ кустахъ сирени еле уловимый свистъ, какъ на порогъ появилась босоногая Феня и діалогъ между барышней и служанкой повторился съ неукосительною точностью. И эта повторность словъ и біенія сердца, чувства страха и

любви не казались скучными, а, наоборотъ, каждый день были новыми, небывалыми, неожиданными. Сама того не сознавая, Марья Петровна съ ночи думала, засыпая, какъ лакомка, какой завтра найдетъ ее свиданіе, а она—Гришу Ильичевскаго: веселымъ, страстнымъ, разочарованнымъ, гордымъ, печальнымъ, вдыхающимъ?

Путаясь въ платъѣ, цѣпляясь корзиночкой поверхъ гладко причесанныхъ волосъ за низкіе сучья деревьевъ, Маша достигла отдѣльной бесѣдки съ цвѣтными стеклами и двумя входами; на потолокъ доморощенный художникъ воспроизвелъ „аврору“ Гидо Рени со словъ Петра Трифоньча, побывавшаго въ Италіи и небезчувственнаго къ искусствамъ.

Поставивъ Феню у входа, Марья Петровна не успѣла переступить порога, какъ была заключена въ объятія высокимъ, плотнымъ юношей, чей неподдѣльный румянецъ, бѣлѣйшіе зубы, непокорные русые волосы и наивные сѣрые глаза свидѣтельствовали о нестолчномъ его происхожденіи. Отдавъ дань первымъ восторгамъ невиннаго свиданія, влюбленные, не разнимая рукъ, опустились на банкетку. Дѣвушка склонила свою голову на плечо юноши, а тотъ ее спрашивалъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:

— Не говорила еще съ батюшкой?—

— Возможно-ли? Такъ полагаю, что скорѣе жизни лишитъ, чѣмъ согласится. Я даже братцу Ильюшѣ не рѣшаюсь открыться.

— Этому нѣтъ необходимости: чѣмъ меньше народа знаетъ, тѣмъ крѣпче тайна хранится. Но не унывай, у меня знатный, хотя и дерзкій, планъ созрѣлъ. Богъ поможетъ, удастся, и ничто насъ тогда разъединитъ не сможетъ, будь только ты храбра и довѣрься мнѣ.

— Можешь-ли сомнѣваться въ этомъ, Гришенька?— спросила Марья Петровна, глядя съ упованіемъ и любовью въ наивные и открытые глаза своего возлюбленнаго, гдѣ читалось простодушіе, чистота и покорность, но никакъ не знатный и смѣлый планъ, о которомъ говорилъ Григорій Алексѣевичъ.

Крѣпко сжавъ руку дѣвушки и помолчавъ, тотъ дѣловитымъ и таинственнымъ голосомъ продолжалъ:

— Никакимъ розказнямъ и слухамъ не вѣрь, что бы про меня ни говорили. Видь подавай, что вѣришь, сердцемъ же не вѣрь. Черезъ Василья извѣщать буду, что дѣлать, дѣлай безпрекословно, слушай его, какъ Святое писаніе. Ко всему будь готова и помни, что ничего худого не произойдетъ. Больше покуда ничего не скажу.

Маша крѣпче прижалась къ молодому человѣку и начала печально:

— Хоть-бы одинъ конецъ, Гришенька! не въ силахъ я томиться; каждый день до твоего свиста ровно въ лихорадкѣ горю, сегодня даже выпивать не могла, весь бисеръ перепутала.

— Дома-то не замѣчаютъ?

— Навѣрное, нѣтъ. Батюшка спитъ, да по хозяйству кричить, а Илья что? книжки читаетъ, гуляетъ, да на клавирѣ наигрываетъ... когда и я пою... но бесѣдуетъ со мною мало. Скоро осень!

— Грибовъ очень много: видалъ, проходя.

— Каждый день кушаемъ. Просилась съ дѣвками— не пустили.

Въ это мгновеніе въ отверстіе двери проснулось круглое лицо ихъ вѣрнаго сторожа, и, махая рукой, Феня заговорила громкимъ шопотомъ:

— Барышня, къ ужину ищутъ, совсѣмъ недалеко!

Крѣпко обнявъ Машеньку и прошептавъ ей на прощанье: „будь готова, другъ мой, не унывай!“ Григорій Алексѣвичъ вышелъ черезъ другую дверь и скрылся въ кустахъ, межъ тѣмъ, какъ Марья Петровна въ сопровожденіи своей босоногой камеристки, не слѣша, будто гуляя, пошла навстрѣчу казачку по направленію къ дому, откуда слабо доносились менуэты Гайдна, словно шипѣнье самовара, и гдѣ на балконѣ темнѣла по вечернему небу тучная фигура батюшки, Петра Трифончы Барсукова.

II.

Покойный отецъ Григорія Алексѣвича Ильичевскаго былъ связанъ узами непримиримой вражды съ сосѣдомъ своимъ Барсуковымъ. Были забыты причины этой распри, восходившей еще къ ихъ дѣдамъ и заключавшейся, вѣроятно, въ какомъ-нибудь неподѣленномъ кускѣ земли, чужомъ скошенномъ лугѣ, перенятомъ медвѣдѣ или тому подобнымъ, на нашъ взглядъ, пустякахъ, считавшихся кровными обидами. Все это было забыто, и перешла ко внукамъ только глухая и непримиримая вражда, распространившаяся и на сына Ильичевскаго, Григорія Алексѣвича. Ихъ фамилія не упоминалась иначе, какъ въ соединеніи съ болѣе или менѣе нелестными эпитетами въ родѣ „каналыи, мошенники, фармазоны“ и даже въ горницѣ Машеньки имя Ильичевскихъ не произносилось, а назывался только Григорій Алексѣвичъ, и мечтали только о Гришенкѣ, забывая, гоня отъ себя мысль, что онъ — Ильичевскій.

Марья Петровна не опоздала къ ужину, такъ что ея отсутствіе не было замѣчено; впрочемъ, она, вообще, пользовалась извѣстной привилегіей сельской свободы, которая болѣе, чѣмъ въ столицахъ, допускаетъ про-

гулки молодымъ дѣвицамъ, предполагая, что природа и деревенское разнообразіе развиваютъ мечтательность, полемъ дѣйствія которой, конечно, естественнѣе служить садъ и даже поля и рощи, чѣмъ комнаты съ кисейными занавѣсками и лежанками. Притомъ постояннымъ защитникомъ свободы являлся братъ Машеньки, Илья Петровичъ, петербургскій студентъ, поклонникъ Руссо и англичанъ, изрядный музыкантъ, что особенно цѣнилось его отцомъ, который, какъ мы уже сказывали, не былъ безчувствененъ къ искусствамъ. Хотя отецъ не понималъ Бетховена, а предпочиталъ Россини, увертюру котораго къ „Елисаветѣ“, впоследствии вставленную въ „Севильскаго ширюльника“, часто насвистывалъ, и находилъ, что Улыбышевъ правъ въ своемъ сужденіи о Бетховенѣ—однако, онъ охотно прислушивался къ сухой игрѣ сына, когда тотъ исполнялъ „нѣмцевъ“ въ круглой гостиной, лишь временами въ угоду отца разсыпая шипучія брызги „Итальянки въ Алжирѣ“, или „Сороки-воровки“. Отецъ не соглашался, но любилъ и думалъ о меланхолическомъ огнѣ, оживлявшемъ его уединеннаго и мечтательнаго сына. Машенька занималась искусствомъ только для домашняго обихода, играла въ четыре руки, что полегче, запинаясь и считая вслухъ, или пѣла романсы девяностыхъ годовъ подъ гитару; бабушкина арфа стояла нѣмою въ углу и просыпалась только подъ метелкой казачка, убиравшаго комнаты. Рукодѣльничала Марья Петровна тоже неохотно, вотъ уже четвертый мѣсяцъ вышивая бисерный кошелекъ Гришенькѣ, разсыпая бисеръ и путая цвѣта; хотя досугъ и не развилъ въ ней видимой мечтательности, но въ глубинѣ души она ждала трагическихъ или жестокихъ приключеній, съ восторгомъ слушая рассказы Фени, какъ у сосѣднихъ старовѣровъ-умыкали дѣвицъ, какъ мужа тиранили невѣрныхъ, а

иногда и вѣрныхъ женъ и, хотя уже и въ то время такіе приемы были лишь проформой и купеческіе женихи отлично знали, что тятеньки умыкаемыхъ ими невѣстъ гнались за ними съ допотопными ружьями только для соблюденія обряда,—тѣмъ не менѣе рассказы эти волновали Сарышню Барсукову глухимъ и тяжелымъ волненіемъ. Потому неясныя слова Григорія Алексѣевича поразили ее радостною тревогою, и, смотря въ его сѣрые глаза, она читала тамъ не простодушіе и покорность, а удалъ и любовную отчаянность. Можетъ быть, если бы даже Гришенька не былъ врагомъ Петра Трифоньча и не приходилось терпѣть за себя и за него, сидя въ проходной бесѣдкѣ съ авророй Гидо Рени на потолкѣ,—можетъ быть, не такъ дорожила бы Машенька этими минутами, не такъ ждала бы знакомаго свиста, не такъ путала бы бисеръ. Сама паружность ея казалась приготовленной скорѣе для умычекъ, побоевъ, отравленій постылаго мужа, чѣмъ для томныхъ воркованій подъ арфу. Лицо у нея было круглое, нѣсколько широкое, глаза бойкіе и упрямые, волосы густые, брови почти срослись, подбородочекъ упорный, шея, какъ точеная балясина.

Ужинъ близился къ концу, и Петръ Трифоньчъ рассказалъ уже всѣ хозяйскія новости и поспорилъ, о чемъ полагается, съ Ильей Петровичемъ, какъ вдругъ казачекъ вошелъ въ горницу и положилъ прямо передъ приборомъ хозяина небольшую книжечку въ кожаномъ переплетѣ.

— Это что такое? — съ недоумѣніемъ спросилъ тотъ.

— Извольте сами взглянуть,—былъ отвѣтъ.

Старикъ взялъ книжечку, повертѣлъ и, густо покраснѣвъ, снова сурово спросилъ:

— Гдѣ взялъ?

Блестя глазами и предчувствуя исторію, казачекъ отвѣтилъ:

— Въ бесѣдкѣ, когда барышню кликаль къ ужину.

Петръ Трифоньчъ еще бы побагровѣлъ, если бы это было возможно. Мелькомъ взглянувъ на дочь, онъ спросилъ, будто не у нея:

— А что же Марья Петровна изволила дѣлать въ той бесѣдкѣ, гдѣ потомъ находятся такія знатныя находки?

Машенька отвѣтила не совсѣмъ твердо, силясь разсмотрѣть или, по крайней мѣрѣ, догадаться, что это за книга, возбудившая такой гнѣвъ у отца.

— Ничего особеннаго: гуляла съ Феней до ужина.

Старикъ поднялъ толстый указательный палецъ вверхъ и сказалъ, будто разсуждая:

— Что, сударыня, называть особеннымъ и не особеннымъ? Для меня чрезвычайно особенно, въ высшей мѣрѣ особенно то обстоятельство, что послѣ твоей прогулки, ничего особеннаго не представлявшей, въ томъ же самомъ мѣстѣ находятъ книгу, гдѣ напечатано: „изъ бібліотеки г-дѣ Ильичевскихъ“. Я не могу найти никакихъ натуральныхъ объясненій сему явленію.

— Книга могла быть тамъ обронена значительно раньше,—замѣтилъ Илья, но казачекъ, опуская вѣки на слишкомъ заблестѣвшіе глаза, вымолвилъ:

— Намъ сначала невдомекъ. Но какъ барышня Марья Петровна вышли-сь, слышно, въ кустахъ шабаршаты. Какъ вѣтру, сами изволите знать, не было, мы подумали: воръ. Видимъ, человѣкъ бѣжитъ, нагибается, и на ступенькахъ книжка оставленная.

— Ты слышишь, Марья? — сказалъ Петръ Трифоньчъ, не выпуская несчастнаго томика изъ рукъ.

— Конечно, слышу: я не глухая.

— Грубить? Что же ты скажешь на это?

— Спросите у Кузьки: очевидно, онъ всёхъ болѣе знаетъ, что случилось. Во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ я.

— И спрошу, у всёхъ спрошу, а пока не узнаю, тебя посажу, сударыня, подъ замокъ.

— Подумай, отецъ, прилично ли благороднаго человека, свою дочь, лишать священнаго права человечества,—свободы?—вступился, было, Илья, но Петръ Трифоновъ, запахнувшись въ стеганный халатъ по домашнему и не выпуская книги изъ толстыхъ пальцевъ, громко закричалъ:

— Нѣтъ ужъ, гуманность гуманностью, но когда замѣшанъ Ильичевскій, всёхъ Руссо и Бетховеновъ къ чорту посылаю, такъ и знай.

Марья Петровна встала рѣшительно изъ-за стола и, прямо глядя изъ подъ сросшихся бровей на отца, произнесла спокойно и внятно:

— Ты можешь не спрашивать объ этой книгѣ ни у кого изъ двора. Эту книгу, очевидно, выронилъ изъ кармана Григорій Алексѣевичъ, съ которымъ я выдаюсь и котораго люблю душевно.

Петръ Трифоновъ долго молчалъ, потомъ расшаркнулся и произнесъ:

— Благодарю покорно—но Машенька не слышала, вѣроятно, этихъ словъ, потому что, сказавъ про Ильичевского, она молча все склонялась и склонялась, пока не упала на ближайшій стулъ. Всѣ переполошились, побѣжали за водой, Петръ же Трифоновъ шепнулъ казачку Кузькѣ.

— Бѣги до Марковны, пусть посмотритъ: не брюхата-ли грѣхомъ; отъ этихъ каналій все станется.

III.

Барсуковъ исполнилъ свою угрозу, посадивъ Машеньку подъ замокъ, что было тѣмъ болѣе тягостно, что было совершенно неизвѣстно, когда этотъ затворъ кончится, такъ какъ разслѣдовать причины появленія книги Ильичевскаго въ бесѣдкѣ не было смысла послѣ Машенькинаго признанія, слѣдовательно, что же? Ждать, когда онъ окончательно раздѣляется, уничтожить Григорія Алексѣевича, или что? Къ счастью, послѣ того, какъ Марковна дала самыя утѣшительныя свѣдѣнія о состояніи барышнинаго здоровья, къ Марьѣ Петровнѣ стали допускать Феню, слѣдовательно, можно было поддерживать сношенія съ внѣшнимъ міромъ, то-есть, узнавать, какъ сердится и что, повидимому, готовится предпринять отецъ и ничего не узнавать о томъ, о другомъ, судьбой котораго, конечно, она больше интересовалась, нежели своей собственной. Будто ему кто сказалъ, какое несчастье произошло въ Барсуковкѣ: онъ не свисталъ, въ бесѣдку не проходилъ и никакихъ тайныхъ гонцовъ не присылалъ. Всякій разъ, что приходила Феня, она говорила все тѣ же самыя мало утѣшительныя новости: не свистѣли, не приходили, Ваську не присылали.

Только на пятый день вѣстница явилась съ сообщеніями, еще болѣе смутившими и безъ того смущенную Марью Петровну. Феня говорила нѣчто до того странное, что, только памятуя послѣднія наставленія Гришеньки, барсуковская барышня не впала въ окончательное отчаянье.

Будто бы появилась шайка разбойниковъ и даже съ пушкой, которые напали на имѣнье Ильичевскихъ, при чемъ молодой баринъ не то убить, не то въ плѣнъ

взять: во всякомъ случаѣ, пропаль, невѣдомо, куда. Чтобы стала дѣлать запертая Машенька, еслибы не помнила словъ:—никакимъ розказнямъ и слухамъ не вѣрь. Видь подавай, что вѣришь, сердцемъ же не вѣрь.

Но были ли это просто тѣ слухи, которымъ нельзя было вѣрить или могло случиться то, чего не предвидѣла простодушная голова молодого Ильичевского? Такъ что героиня наша не только подавала видъ, что огорчена и смущена, но и, на самомъ дѣлѣ, смутилась и огорчилась въ глубинѣ своего мужественнаго, но нѣжнаго сердца.

Дома все, казалось, оставалось покойно и безъ перемѣнъ; такъ же доносился стукъ ножей и вилокъ изъ буфетной и менуэты Гайдна изъ зала, тѣ же люди проходили мимо оконъ Машеньки, какъ-будто на Ильичевскихъ не нападали таинственные разбойники, не пропадалъ Гришенька (въ плѣну? убитъ?), не была заперта его возлюбленная. Вѣсти о разбойникахъ принесъ не Василій, а появились они, неизвѣстно, откуда, такъ что и здѣсь даже нельзя было судить и опредѣлить, съ вѣдома ли Григорія Алексѣевича распускаются такіе слухи. или, дѣйствительно, съ нимъ произошло то, что вовсе не входило въ программу его поступковъ.

Петръ Трифонычъ въ пылу гнѣва сначала хотѣлъ на слѣдующее утро поѣхать къ сосѣду и избить его, „какъ щенка“, но, подумавъ и поговоривъ съ сыномъ, рѣшилъ стрѣляться съ Ильичевскимъ, такъ какъ послѣдній, хотя „каналья и масонъ“, былъ дворянинъ тѣмъ не менѣе, и не подобало унижать благороднаго званія. А тутъ какъ разъ подоспѣли вѣсти о разбойничьемъ нападеніи и исчезновеніи Григорія Алексѣевича. Какъ проникли эти слухи въ Борсуковку, было

никому неизвѣстно, но на слѣдующій день было обнаружено подметное письмо на балконѣ, которое глаголю:

— Мы не жаждемъ крови вашей и жизни, мы хотимъ лишь, не дожидаясь небеснаго Правосудія, восполнить отъ вашего избытка то, чего лишены мы несправедливостью человѣческихъ законовъ и случайностями фортуны. Посему во вторникъ ждите насъ мирно и безъ страха, не оказывая сопротивленія и предоставляя намъ всѣ ключи отъ комнатъ и сундуковъ, ларей и столовъ. Не слѣдите за нами и мирно продолжайте ваши занятія, или молитесь, въ противномъ случаѣ мы не можемъ увѣрить васъ, что не прольется кровь. каковое дѣло считаемъ низкимъ и безчестнымъ. Не думайте противостоять намъ, ибо имѣется у насъ достаточно ружей, рукъ и пушекъ, чтобы достигъ желаемого, какой бы то ни было цѣной. Ваши руки ослабли, сынъ вашъ не привыченъ держать оружіе, дворянъ же распушена и склонна къ предательству. Говоримъ вамъ все это, жалѣя ваши лѣта и не желая насильственнымъ путемъ поправлять ошибки судьбы. Но мы не остановимся ни передъ чѣмъ.

Написано это было грамотно, хотя и каракулями на снѣжной оберточной бумагѣ мѣломъ.

Тотъ же казачекъ принесъ это посланіе вмѣстѣ съ утреннимъ чаемъ еще не встававшему по случаю праздника барину.

— Это что?

— Извольте прочитать, на балконѣ оставлено.

Петръ Трифоновъ, прочитавъ, помолчалъ, затѣмъ сказалъ тихимъ голосомъ:—Позвать сюда Илью Петровича,—а пальцы его барабанили Преображенскій маршъ, что всегда свидѣтельствовало о величайшемъ его волненіи. Когда Илья Петровичъ переступилъ порогъ

спальни. отецъ продолжалъ находиться въ томъ же мрачномъ и молчаливомъ возбужденіи.

Молча передалъ онъ сыну синій клочекъ и только, когда тотъ, прочитавъ, поднялъ вопросительно глаза на отца, старикъ Барсуковъ тихимъ голосомъ спросилъ:

— Что скажешь, сударь?

— Я плохо понимаю, отецъ; написано это грамотно, но мысли нѣсколько странныя и смѣлости рискованной.

Петръ Трифонычъ вдругъ вскочилъ съ постели въ одномъ исподнемъ и заоралъ:

— Неслыханная наглость! Необычайная! Мнѣ, Петру Барсукову, отставному полковнику лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, получать такія цидулки?! Что я: человекъ, или пугало воронье? нашли простака! Грамотно! я имъ покажу грамотно! вилами до околицы не допущу, самъ изъ двухъ ружей стрѣлять буду! Грамотно!

Илья слушалъ молча, не ища логики или благоразумія въ словахъ отца. Затѣмъ, поднявъ блѣдноватое лицо свое, спокойно замѣтилъ, слегка скрививъ губы:

— По сердцу и по разуму сказать: гораздо больше варварства я вижу въ твоемъ, отецъ, благородномъ негодованіи, нежели въ письмѣ этихъ бродягъ и разбойниковъ, каковыми ты ихъ считаешь. Ты жаждешь кровопролитія и подвергаешь опасности жизнь близкихъ тебѣ людей, они же, конечно, совершаютъ насиліе, но безкровное и, можетъ быть, дѣйствительно, лишь для восстановленія погранныхъ правъ своихъ.

Петръ Трифонычъ опустилсѣ на кресло и, сжимая синій листъ, тихо произнесъ:

— Теперь я вижу, что въ одномъ злодѣи правы: не только въ лѣтливой и распутной челяди—въ родномъ сынѣ своемъ предателя обрѣтаю.

Затѣмъ, почти безъ шума поднявшись, что было особенно удивительно при его тучности, вышелъ, хлопнувъ дверь. Илья послѣдовалъ за нимъ въ проходную, догнавъ и, взявши за рукавъ рубашки, сказалъ съ очевиднымъ волненіемъ, столь несвойственнымъ его философическому поведенію:

— Отецъ, прости, если я тебя обидѣлъ, но размысли нѣсколько,—и ты убѣдишься, что я правъ.

Не оборачиваясь къ сыну и продолжая шествовать въ одномъ бѣльѣ, старый Барсуковъ лишь буркнулъ:— пойду говорить съ тѣми, кто лучше сына понимать меня можетъ.

И какъ Илья Петровичъ все держалъ рукавъ отцовской рубахи, тотъ сильно рванулъ и вышелъ на черное крыльцо, такъ что сынъ поспѣлъ только послать ему въ догонку „подумай о Машенькѣ“, на что отвѣта не послѣдовало. Илья горестно пожалъ плечами и сѣлъ за Гайдна, не смотря, какъ къ крыльцу стала стекаться „лѣнливая и распутная“ дворня, почесывая животы и космы густыхъ волосъ.

Но когда подъ вечеръ онъ читалъ въ третій разъ „Эмиля“, мечтая о правильномъ воспитаніи своихъ будущихъ дѣтей, скрипнула дверь, и бокомъ вползъ Петръ Трифонъчъ, имѣя видъ сконфуженный и убитый. Молча онъ сѣлъ у шифоньеры, такъ что уже самъ Илья Петровичъ, видя отца неразговорчивымъ, задалъ ему вопросъ:

— Ну, что же сказали тебѣ люди, которые понимаютъ тебя лучше родного сына?

Отеревъ потъ съ лица большимъ фуляромъ, старикъ заговорилъ съ неожиданнымъ и внезапнымъ воодушевленіемъ:

— Въ первый разъ такая оказія со мной случается. Какъ горько мнѣ, Ильюша,—видитъ Богъ, но ты ока-

зался совершенно правымъ. Что имъ, туеядцамъ, честь моя и мое добро?! Запороть ихъ всѣхъ мало, но, зная непріятеля близкимъ, не осмѣливаюсь. Претерплю, но зато покажу имъ, канальямъ, кузькину мать! Узнаютъ, негодяи, какъ труса праздновать и хозяйское добро не беречь!

Потомъ онъ также неожиданно заплакалъ и, склоняясь тучнымъ тѣломъ на плечо своего хилаго сына, прошепталъ:

— Не чаялъ дожить до этого, свѣтъ.

Тотъ неловко обнялъ отца и спросилъ:

— Ты рѣшилъ поступать какъ я совѣтовалъ... просиль?

— Да, но каково мнѣ это?

Помолчавъ, Илья сказалъ утѣшительно:

— Конечно, минуты непріятныя, но унизительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Это не въ твоей власти, какъ не въ твоей власти остановить вывѣску, которая валится тебѣ на голову. Кто же можетъ тебя винить за это? И самъ ты этого дѣлать никакъ не можешь. Можно ли обижаться на простолюдина, что онъ сморкается въ руку, когда у него нѣтъ носовыхъ платковъ и когда онъ съ дѣтства такъ воспитанъ? Что же спрашивать съ грабителей?

Петръ Трифонычъ слушалъ разсужденія сына, не подымая головы и громко всхлипывая.

ГЛАВА 4-я.

Въ назначенный разбойниками вторникъ вся Барсуковка съ ранняго утра ожидала набѣга. Петръ Трифонычъ, нарочно для пренебреженія одѣтый въ старый халатъ, потребовалъ себѣ всѣ ключи и сидѣлъ въ круглой залѣ, читая календарь за 1811 годъ, а Илья Петро-

вичъ здѣсь же перелистывалъ „Эмиля“. Машенька оставалась запертой и, казалась непричастной общей ажитации. Наконецъ, часовъ около одиннадцати, казачекъ Кузька, блестя раскосыми глазами, прибѣжалъ впопыхахъ и почтительно, несмотря на катастрофичность момента, доложилъ:—около амбаровъ ѣдутъ.

— Мерзавцы!—выругался баринъ и добавилъ.

— Много?

— Четыре телѣги; человекъ тридцать. Тройками.

— Пушка есть?

— Имѣется!

Въ молчаніи прошло еще съ полчаса. Наконецъ, тотъ же Кузька ввелъ въ залу человекъ пять мужчинъ, одѣтыхъ по крестьянски, съ бородами и безъ бородъ, всѣ съ пистолетами и масками на лицахъ. Молча передалъ Петръ Трифонычъ подносъ съ ключами выдѣлившемуся впередъ молодому, высокому мужику. Тотъ молча же поклонился, прибавивъ явно дѣланнымъ басомъ:

— Возвратимъ въ цѣлости.

— Чортъ бы тебя побралъ,—отвѣтилъ Барсуковъ. Илья Петровичъ, заложивъ пальцемъ страницу книги, поднялъ близорукіе глаза, ожидая ссоры, но мужикъ, ничего не сказавъ, взялъ всѣ ключи и пошелъ внутрь дома, оставивъ у дверей стражу съ заряженными пистолетами, курки которыхъ были взведены.

Когда непрошенные гости удалились, молчаніе снова воцарилось въ круглой залѣ, и было странно видѣть массивную фигуру Петра Трифоныча съ багровымъ пятнами лицомъ, сидѣвшую за тѣмъ же календаремъ на 1811 годъ и сутуловатаго философа, изучающаго „Эмиля“, межъ тѣмъ какъ по верхнимъ половицамъ были слышны тяжелыя шаги, а у дверей стояли бородатые мужики съ ножами за поясомъ, съ

пистолетами, курки коихъ были взведены у всѣхъ на глазахъ и съ масками на неизвѣстно какихъ лицахъ.

Нельзя особенно винить людей Барсуковскихъ, что они такъ равнодушно и даже скорѣе сочувственно въ пользу неизвѣстныхъ грабителей, отнеслись къ опасности, грозившей не жизни, а лишь благосостоянію ихъ господъ. Нѣкоторые старики, отъ которыхъ мало было бы проку, выражали готовность положить свои дряхлые животы за барское имущество, но, кто помоложе, сочувствовали болѣе удали пришельцевъ, даже не изъ ненависти къ рабскому игу, а просто изъ озорства или въ надеждѣ получить, если не наживу, то угощеніе отъ своихъ же братьевъ простолюдиновъ, каковыми они съ извѣстнымъ вѣроятіемъ считали разбойниковъ. Перспектива неизбѣжнаго наказанія представлялась имъ въ такомъ отдаленіи, что не могла перевѣсить удовольствія невиданнаго зрѣлища или даже опасности, которой могла подвергнуться ихъ жизнь въ случаѣ вооруженнаго столкновенія.

Черезъ извѣстное время, когда первыя три тройки прозвенѣли уже, отъѣзжая, въ круглую залу вошелъ другой мужикъ поменьше и съ бородой, внесъ поднось съ ключами и, возвращая его Петру Трифончу, промолвилъ высокимъ теноркомъ:

— Извольте пересчитать, сударь.

Тотъ неспѣшно пересчиталъ ключи и сказалъ:

— Чортъ бы тебя побралъ,—будто разучившись другимъ, болѣе сильнымъ нелюбезностямъ. Тотъ махнулъ рукою и вышелъ, за нимъ удалились тѣ, что стояли у дверей, и послѣдняя подвода съѣхала со двора. Тогда Петръ Трифончъ разразился отборными ругательствами, получивъ утерянный на время даръ слова и пошелъ осматривать порчи, нанесенныя его благосостоянію пріѣзжими. Къ удивленію, почти все осталось

нетронутымъ, и взято было такъ мало и такихъ нестоющихъ предметовъ, что могло считаться, что ничего не было взято. Не было конца догадкамъ о глупости разбойниковъ, пока не пришло время ужина, потому что, когда понесли кушанья барышнѣ и отомкнули дверь, то горницу нашли пустою. Когда доложили объ этомъ старому барину, онъ впалъ въ необычайную ярость и, хлопнувъ себя изо всей мочи по лысому лбу, воскликнулъ:

— Ахъ, я пугало воронье! Самъ ключи выдалъ мерзавцамъ, фармазонамъ, Гришкѣ Ильичевскому,—и, не докончивъ даже бараньяго бока, самъ самолично отправился въ погоню, хотя Илья Петровичъ и доказывалъ ему, что въ пять часовъ, которые прошли со времени отъѣзда послѣдней тройки до сей минуты, можно было такъ далеко заѣхать и такъ далеко зайти, что никакія погони не помогутъ.

ГЛАВА 5-я.

Марья Петровна съ первыхъ моментовъ, какъ неизвѣстные маскированные люди открыли дверь въ ея спальню и она убѣдилась, что, дѣйствительно, существуютъ разбойники, а, слѣдовательно, справедливы всѣ слухи объ исчезновеніи Ильичевского,—впала въ безчувственное состояніе и такъ пребывала до тѣхъ поръ, пока не открыли ей завязаннаго рта на отдаленномъ отъ Барсуковки постояломъ дворѣ. вмѣстѣ съ возвратившимися къ ней чувствами къ ней вернулось и сознаніе, что вотъ Гриша ея навсегда потерянь, отецъ и братъ, быть можетъ, умерщвлены злодѣями, и сама она находится, конечно, между двухъ ужасныхъ жребіевъ: быть убитой или опозоренной. Въ избѣ сидѣло двое замаскированныхъ разбойниковъ, хозяйка двора воилась у печи, да пицаль младенецъ въ зыбкѣ.

Марья Петровна жалостно вздохнула, обозрѣла въ тоскѣ двери, низкія окна, людей во дворѣ, выпрягавшихъ лошадей и, видя, что на бѣгство нѣтъ никакой надежды, начала, обращаясь къ мужикамъ:

— Чего вамъ надобно отъ меня, братцы? Зачѣмъ томите? Если жизнь моя—что же вы медлите? Если позоръ мой, то знайте, что только съ мертвой сможете вы сдѣлать то, что замыслили! Прошу васъ объ одномъ—вонзите мнѣ въ сердце этотъ ножъ! Родные мои, навѣрное, умучены вами, женихъ мой Гришенька отъ вашей руки палъ—поспѣшите же соединить меня съ нимъ!

Видя, что тѣ безмолвствуютъ,—только дворничиха заслушалась ея, подперевъ ладонью щеку, — Марья Петровна снова начала съ большимъ воодушевленіемъ:

— Можетъ быть, вы ждете за меня выкупа, но кто же его дастъ, разъ всѣ, кому я была дорога, и кто былъ дорогъ мнѣ, погибли? Довершайте вашъ ударъ, лишайте меня немедленно этой несчастной и неснотной жизни. Ахъ, Гришенька, радость моя, былъ бы ты около меня,—ничего этого не приключилось бы!—и она залилась слезами, упавши на столъ.

Тогда одинъ изъ сидѣвшихъ подошелъ къ дѣвушкамъ и сказалъ ей тихо:

— Барышня, Марья Петровна, не убивайтесь такъ; Григорій Алексѣевичъ сейчасъ сюда будутъ и все вамъ разъяснятъ.

— Какъ онъ придетъ съ того свѣта, и почему я буду тебѣ вѣрять, душегубу?

Онъ снялъ маску и, улыбаясь безбородымъ лицомъ, промолвилъ:

— Я—Василій, барышня, неужто не признали?

Но затуманенные глаза Марьи Петровны плохо видѣли Василя, котораго она и прежде-то еле знала въ

лицо. Покачавъ сомнительно головою, она задумчиво произнесла:

— Откуда притти ему?

Въ эту минуту двери распахнулись, и высокій мужчина въ маскѣ, низко нагбаясь, бѣгомъ бросился къ плѣнницѣ и заключилъ ее въ объятія. Марья Петровна пронзительно крикнула, но тотчасъ смолкла, такъ какъ маска упала и она увидала близко отъ своего лица простодушный обликъ Григорія Алексѣевича. Отстранивъ его нѣсколько рукою, она заговорила:

— Какъ, ты живъ, не погибъ, не въ плѣну? Что же это все означаетъ: гдѣ мой отецъ и братъ, почему эти маскарады и почему я здѣсь?

— Чтобы быть со мною, навсегда со мною, милая моя! Иначе ничего нельзя было сдѣлать!

— Такъ что нападеніе, разбойники, кровопролитіе...

— Все обманъ, все одна видимость, радость моя! Но спѣши, священникъ ждетъ насъ, надо поспѣшить, пока родитель твой не отыскалъ насъ.

— Пойдите, не будьте такъ поспѣшны, Григорій Алексѣевичъ; я вовсе не собиралась за васъ замужъ, особенно послѣ такихъ событій.

Ильичевскій смотрѣлъ растерянно: не онъ ли все такъ остроумно и рискованно устроилъ, и что же, что нужно этой непонятной дѣвушкѣ?

— Но, Машенька, что же случилось? Родные твои живы и невредимы, я остался по прежнему вѣренъ тебѣ и твоимъ клятвамъ, ничего не стоитъ между нами, что же тебя можетъ удерживать?

Марья Петровна долго сидѣла, задумавшись, наконецъ, подняла на Ильичевского заплаканные глаза свои и, будто съ трудомъ выговаривая слова, молвила:

— Но вы забыли, Григорій Алексѣевичъ, что я

перечувствовала за это время: вѣдь, взаперти, тамъ я считала васъ убитымъ и оплакала васъ, теперь я считала, что жизнь моя и то, что дороже жизни, подвержены неминуемой опасности, что родные мои погибли,— все это, не бывшее, на самомъ дѣлѣ, для меня существовало въ дѣйствительности, все это я пережила, какъ правду, и удивляюсь, какъ я жива осталась, что же удивительнаго, что и чувства мои нѣсколько измѣнились?

Григорій Алексѣевичъ слушалъ такъ, будто Машенька говорила по испански; наконецъ, тряхнувъ головой, онъ твердо вымолвилъ:

— Конечно, ты въ разстройствѣ, радость моя; я прошу прощенья, если доставилъ тебѣ безпокойства, избѣжать которыхъ было невозможно, но я полагаю, что чувство любви усидчивѣе воробья, скачущаго съ вѣтки на вѣтку и потому не отчаиваюсь въ своемъ счастьѣ. Теперь же я пойду говорить съ твоимъ отцемъ, который пріѣхалъ; я не хочу говорить при тебѣ, чтобы не растраивать тебя еще больше, и чтобы дать тебѣ время собрать разсѣянные чувства.

Съ этими словами онъ вышелъ, и Машенька осталась одна. Незвѣстно, собирала ли она свои разсѣянные чувства и о чемъ она думала, когда недвижно просидѣла все долгое время, пока враги-сосѣди объяснялись. Такою же неподвижной пребывала она, когда въ избу вошли Петръ Трифонъчъ, Илья Петровичъ и Ильичевскій. Веселымъ голосомъ старый Барсуковъ заговорилъ:

— Ну, Марья, видно, быть не по вашему и не по нашему, а выходить тебѣ за Ильичевского.

— Я не пойду,—тихо отвѣтила Машенька.

Отецъ оглянулся, будто ослышался, потомъ заоралъ:

— Въ бесѣдки бѣгать, на постоянныхъ дворахъ сидѣть,

обнявшись—это твое дѣло, а подь вѣнецъ итти—нѣтъ? Плетью погоню! Даромъ что ли, я съ нимъ, еретикомъ, помирился?

— Онъ обманщикъ,—еще тише молвила Маша.

Старикъ разсмѣялся:

— Слышали это! Машкарадомъ недовольна? Такъ что жь ты хочешь, чтобы всѣ мы были перестрѣляны, а ты у разбойниковъ въ лапахъ сидѣла? Такъ суженый твой, повѣрь, и такъ разбойникъ изрядный.

Тогда выступилъ Григорій Алексѣвичъ, взявъ Марью Петровну за руку и сказалъ:—неужели за минуту необходимой хитрости ты забыла всѣ клятвы, поцѣлуи, сладкіе часы любви—все, все? Вѣрнымъ другомъ и рабомъ буду я тебѣ. Неужели, сердце въ тебѣ одеревенѣло?—И онъ заплакалъ.

Петръ Трифонычъ отвернулся къ окну, а Машенька наклонилась къ плачущему жениху и сказала:

— Конечно, я люблю тебя попрежнему и женой твоей быть согласна, но ахъ, зачѣмъ все это приключеніе—не болѣе, какъ маскарадная шутка?

ГЕОРГІЮ ИВАНОВУ.

Образчики добраго Өомы.

ГЛАВА 1-я.

Хотя суконное заведеніе моихъ хозяевъ находилось около Пистойи, я никогда не бывалъ во Флоренціи. Когда мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, хозяинъ прибавилъ мнѣ жалованья, и поручилъ вести переговоры съ заказчиками. Наконецъ однажды, призвавъ меня къ себѣ на антресоли, гдѣ онъ почти все время сидѣлъ за расходными книгами, окруженный счетами и расписками, онъ взглянулъ на меня поверхъ очковъ, и объявилъ, что мнѣ нужно собираться и завтра съ утра отправиться во Флоренцію съ партіей образчиковъ, которые я долженъ разнести по указаннымъ адресамъ и принять на нихъ заказы. Я поблагодарилъ хозяина за довѣріе и не могъ всю ночь заснуть, предвкушая удовольствіе видѣть большой городъ, о которомъ мнѣ такъ много и удивительно рассказывали бывшіе въ немъ. Давъ мнѣ адреса, по которымъ я долженъ былъ разнести образчики, посоветовавъ остановиться въ гостинницѣ „Древней дѣвы“ и снабдивъ еще практическими наставленіями, хозяинъ отпустилъ меня еще до „Ave Maria“, чтобы я могъ, какъ слѣдуетъ, выспаться и на слѣдующій день чуть свѣтъ покинуть домъ, къ которому я, сирота, привыкъ, какъ къ родному.

Въ пути со мною ничего не случилось. Впрочемъ я всю дорогу такъ мечталъ о Флоренціи, что едва за-

мѣчалъ, что встрѣчалось моею одноколкѣ. Конечно, кромѣ хозяйскихъ наставленій я не упустилъ случая разспросить наканунѣ стараго приказчика, который мнѣ поразказалъ кое-что и другое о большомъ городѣ, гдѣ повидимому меня ждали не только визиты къ заказчикамъ, но и новыя знакомства, кофейни, рестораци, театры и дамы получше пистойскихъ. Мечты именно о этихъ неиспытанныхъ еще удовольствіяхъ и занимали мою голову, едва оставляя мнѣ достаточно сообразительности, чтобы припомнить,halb, или направо нужно было, по словамъ хозяина, поверотить мнѣ мою соловую кобылу,

Гостинница, указанная мнѣ хозяиномъ, находилась за С. Кроче, такъ что мнѣ пришлось проѣхать почти весь городъ. Боже мой, какое великолѣпіе! Вѣроятно, былъ часъ прогулокъ, такъ какъ всѣ улицы были наполнены каретами, всадниками и нарядными пѣшеходами. Лорнеты господъ такъ и сверкали, ленты и вуали дамъ развѣвались, собаки шныряли подъ ногами, хлопали бичи и табакерки, пыль пахла духами и скошенной травой, стрижи, какъ угорѣлые, носились надъ самыми головами и высоко на горѣ звонили колокола. На перекресткѣ моя одноколка остановилась, такъ какъ лошадь, испугавшись внезапно раскрытаго розоваго высокаго зонтика, противъ ожиданія не понесла, а наоборотъ остановилась и не хотѣла идти ни направо, ни halb, ни впередъ, ни назадъ, не обращая вниманія на всѣ мои понуканія, словно Валамова ослица. Я самъ растерялся ни меньше своей кобылы и хлесталъ ее изо всей мочи, смотря только на ея соловый крупъ и хвостъ, которымъ она взмахивала при каждомъ ударѣ. Я не замѣчалъ нѣкоторое время ничего, не слышалъ ни ругани, ни смѣха, какъ вдругъ меня привелъ въ чувство нѣжный женскій голосъ,

который произнесъ: „Вы совсѣмъ убьете ваше животное, нѣтъ большой чести соперничать въ упрямяствѣ съ лошадыю.

Это говорила какъ разъ та самая дама, зонтика которой испугалась моя лошадь. Я пробормоталъ извиненіе и готовъ былъ провалиться вмѣстѣ со своей одноколкой, такъ мнѣ стало стыдно и своего костюма, и поведенія и норова моей кобылы. Дама съ розовымъ зонтикомъ, казалось, не была разсержена, что, впрочемъ замѣтилъ я и по ея голосу, насмѣшливому, но отнюдь не сердитому. Кромѣ того она была необыкновенно красива въ высокой шляпѣ кораблемъ и съ мушкой у лѣвой брови. Не знаю, зачѣмъ я раскланялся съ нею и сейчасъ же отвелъ глаза. По другую сторону моей одноколки стоялъ молодой человѣкъ, смотрѣвшій такъ, будто онъ хотѣлъ заговорить. Почти сейчасъ же онъ это и сдѣлалъ.

— Изъ деревни?—спросилъ онъ улыбаясь и указывая на лошадь.

— Да, да. Вотъ не знаю, что съ ней случилось. Никогда этого не бывало.

— Ничего, она оправится! Вы позволите?—И раньше, чѣмъ я успѣлъ позволить, онъ проворно вскочилъ въ мой экипажъ и взялъ возжи изъ моихъ рукъ. Дѣйствительно, почему-то лошадь тронулась и мы продолжали путь уже вдвоемъ. Въ дорогѣ я узналъ, что моего спутника зовутъ Яковомъ Кастаньо, что онъ Флорентинецъ, не женатъ и живетъ съ матерью. Я въ свою очередь рассказалъ, что мнѣ имя Тома Губерти, что я суконщикъ изъ подъ Пистойи, ѣду съ образчиками и намѣреваюсь остановиться въ гостинницѣ „Древней Дѣвы“ за С. Кроче. Онъ выслушалъ довольно равнодушно всѣ эти сообщенія, замѣтивъ только:

— Все это прекрасно, но вечеромъ во всякомъ слу-

чаѣ мы встрѣтимся въ „Фениксѣ“ около собора. Посидимъ, поболтаемъ, больше ничего. Для скрѣпленія дружбы. Нужно же вамъ имѣть друзей въ городѣ.

У гостинницы онъ со мной простился, взявъ съ меня слово вечеромъ встрѣтиться у „Феникса“.

На вывѣскѣ моего новаго жилища была изображена полная дама въ старинномъ костюмѣ, указывающая пальцемъ на надпись:

Кто спроситъ: „гдѣ остановиться?“

Отвѣтитъ древняя дѣвица:

„Остановитесь, путникъ, тутъ,

Здѣсь очень дешево берутъ,

Обѣдъ и ужинъ здѣсь не плохъ

И простыни всегда безъ блохъ...

Стихи были довольно длинные, но я не успѣлъ ихъ разобрать, потому что хозяинъ уже отворялъ мнѣ ворота, а изъ второго жилья кивала какая-то полная женщина, вѣроятно, хозяйка гостинницы.

ГЛАВА 2-я.

На слѣдующее утро я едва помнилъ, какъ мы проводили вечеръ наканунѣ, Голова трещала и мысли путались, но сосчитавъ деньги въ кошелькѣ, я убѣдился, что тамъ не хватало ровно столько, сколько стоить ужинъ, такъ что мой новый другъ не оказался ни воромъ, ни мошенникомъ. Просто я самъ не совсѣмъ еще пріучился къ веселому времяпрепровожденію. Адреса, данные мнѣ хозяиномъ тоже не были потеряны, такъ что все, кромѣ моей головы, было въ порядкѣ. Выпивъ крѣпкаго кофе я сталъ разсматривать списокъ будущихъ заказчиковъ.

1. Синьоръ Антонъ Кальяни, борго С. Апостоли

противъ дворца Турки. Звонить не громко. По три капли въ день натошакъ.

2. Синьора Сколастика Риди за Арно у дворца Питти. Полное спокойствіе, не ѣсть мясного, по утрамъ холодное обтиранье, носить шерстяные чулки.

Другіе адреса были въ такомъ же родѣ, т. е. съ прибавленіемъ характеристикъ и медицинскихъ совѣтовъ, приписанныхъ моимъ хозяиномъ, вѣроятно, для того, чтобы дать мнѣ темы для бесѣдъ, еслибы эти господа захотѣли вести со мною частные разговоры, сообразно вкусамъ и фантазиі каждаго изъ нихъ. Я не долго раздумывалъ, а почистившись, надѣвъ лучшее свое платье и взявъ подъ мышки свертокъ съ образчиками, отправился на борго С. Апостоли. Помня написанное наставленіе, я тихонько постучалъ въ старыя двери высокаго невзрачнаго дома. Слуга былъ, очевидно, не большой любитель разговаривать, такъ какъ, впустивъ меня въ большую полутемную переднюю, онъ куда-то исчезъ, указавъ мнѣ лишь неопредѣленнымъ жестомъ на дверь, изъ за которой слышалось женское пѣніе. Не получивъ на свой стукъ никакого приглашенія, я осторожно пріоткрылъ одну створку и увидалъ широкую свѣтлую комнату, посреди которой стоялъ невысокій человѣкъ въ цвѣтномъ халатѣ, приложивъ одну руку къ сердцу, другую поднявъ къ потолку, словно обращая вниманіе слушателей на живопись, изображавшую спящаго Эндиміона. Господинъ такъ закинулъ голову, что лица почти не было видно, а зрѣнію представлялось лишь бѣлое жирное горло, которое словно клокотало, потому что это именно онъ и пѣлъ женскимъ голосомъ.

Мнѣ стало смѣшно, что повидимому не мальчикъ, и даже не юноша, а варослый мужчина поетъ по бабьи, но нужно признаться, что дѣлалъ онъ это очень

искусно, временами его голосъ положительно напоминалъ волюнку, особенно когда онъ пѣлъ слѣдующіе слова:

„О я, несчастная Семела.
На что дерзнула, что посмѣла!?
Вотъ я нѣмью,
Пламенью,
Холодью,
Цѣпенью
Отъ жгучей страсти“.

— Не тотъ акцентъ, не тотъ акцентъ, дьяволь васъ побери, госпожа племянница! Видно, что вы еще не испытывали не только жгучей, но вообще никакой страсти. Нельзя аккомпанировать, какъ курица!

И господинъ въ халатѣ отбѣжалъ въ глубину комнаты, гдѣ я теперь замѣтилъ фортепьяно и сидящую за нимъ даму. Лица ея мнѣ не было видно, за то я могъ вволю разсматривать черты пѣвца, который считалъ себя, повидимому, большимъ знатокомъ жгучей страсти. Безъ парика, въ одномъ зеленомъ фулярѣ, лицо его казалось необыкновенно толстымъ, будто подъ кожей по всѣмъ мѣстамъ были наложены подушечки, но огромные темные глаза и довольно правильный ротъ придавали извѣстную пріятность этой безформенной массѣ. При быстрыхъ движеніяхъ, халатъ обтягивалъ полныя и круглыя формы несчастной Семелы.

Такъ какъ на меня не собирались обращать вниманія, то я кашлянулъ разъ и два довольно громко. Тогда господинъ, вытащивъ лорнетъ изъ подъ халата, надѣтаго прямо на бѣлье, сталъ меня разсматривать, какъ жука, или мебель. Я выдвинулся впередъ и готовился сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ, какъ вдругъ хозяинъ разсмѣялся и схвативъ меня за обѣ руки, быстро заговорилъ:

— Безъ комплиментовъ, безъ комплиментовъ! я понимаю ваше смущеніе, молодой человекъ, но вполне цѣню вашу энтузіазмъ. Вы не видѣли меня въ Тизбѣ? Вы не слышали той арии, которую несчастная дѣвушка поетъ надъ окровавленнымъ плащомъ Пирама? нѣтъ, вы этого не слышали? Тогда вы ничего не слышали, вы не жили, вы еще не родились! О, это божественно!— Онъ долго еще говорилъ, не выпуская моихъ рукъ, наконецъ вздохнулъ и умолкъ, будто отъ напряженности переполнявшаго его восторга. Тогда я рѣшилъ умѣстнымъ представиться и сказать цѣль своего посѣщенія.

— Конечно, вы—образчикъ, вы—образчикъ истиннаго поклоненія талантамъ.

Я привезъ вамъ образчики и зовутъ меня Ома Губерти—старался я ему втолковать.

— Я васъ понимаю, вполне понимаю. Вы завтра же пойдете слушать „Пирама и Тизбу“, я и маэстро тамъ превосходимъ другъ друга.

Я поблагодарилъ г. Кальяни и опять упомянулъ про свои образчики, которые хотѣлъ бы ему показать. Тотъ постоялъ нѣсколько секундъ молча, потомъ улыбнулся, взялъ меня подъ руку и понизивъ голосъ, произнесъ:

— И это возможно мой другъ. Энтузіазмъ и настойчивость все преодолеваютъ. Мы посмотримъ ваши образчики, но это нужно заслужить. Вы, конечно, завтракаете съ нами? Позвольте мнѣ представить мою племянницу, которая ничего не понимаетъ въ музыкѣ, но добрая дѣвушка. Клементина Кальяни.

Дѣвушка поднялась отъ инструмента, и я тотчасъ узналъ въ ней мою даму съ розовымъ зонтикомъ. Не знаю, признала ли она меня, но протягивая мнѣ руку,

она такъ пристально на меня посмотрѣла, что я думаю, что это такъ.

Ея опекунь, не переставая болтать, отправился переодѣваться, я же остался вдвоемъ съ г-жей Клементиной. Не успѣла дверь затвориться за г. Кальяни, какъ дѣвушка обратилась ко мнѣ:

— Скорѣй дайте письмо.—

— Какое письмо?—

— Письмо отъ Валеріо.—

— Простите, я не знаю никакого Валеріо и письма у меня нѣтъ.—

— Вы не знаете Валеріо Прокаччи и посланы не имъ? Вы слишкомъ глупы, или не въ мѣру осторожны.—

Въ это время уже возвращался самъ знаменитый пѣвецъ, переодѣвъ халатъ. Онъ казался толще и ниже ростомъ въ обыкновенномъ платьѣ. Еще съ порога онъ заговорилъ, улыбаясь: „завтракать, завтракать! Вы познакомились съ Клементиной? Я вамъ завидую: завтра вы услышите впервые меня въ роли Тизбы. Она мнѣ особенно удается. Успѣхъ безумный! Многіе даже называютъ меня синьоръ Тизба... это недурно, а? о, во Флоренціи масса остроумныхъ людей!

ГЛАВА 3-я.

На слѣдующее утро я отправился къ Синьорѣ Сколастикѣ Риди. Эта дама жила почти за городомъ въ домѣ окруженномъ большимъ и тѣнистымъ садомъ. Привратника не было у калитки, которая оказалась открытой. Я вошелъ въ садъ и направился наобумъ къ бѣлѣвшей вдали терасѣ. Вездѣ были слѣды обветшавшей и неподдерживаемой пышности. Нѣкоторыя статуи свалились въ прудъ и оттуда торчали позеленѣвшіе отъ ила ноги, другія были такъ загажены птицами,

что было жалко смотрѣть. Отъ дома неслись звуки гитары, которые и вели меня изъ аллеи въ аллею. На террасѣ находилась богато одѣтая женщина съ напудреннымъ лицомъ и загорѣлой шеей, и два молодыхъ человѣка въ ливреяхъ. Какъ разъ когда я подходилъ, дама пѣла нѣсколько силнымъ, но пріятнымъ голосомъ очень извѣстную мнѣ пѣсню:

„Волынщикъ, мой волынщикъ,
Пойди со мной подъ клѣтъ,
Хочу твою волюнку
Поближе разглядѣть“.

Такъ какъ я зналъ слова этой пѣсни и считалъ ихъ не слишкомъ пристойными, то очень удивился, какъ можетъ пѣть такую пѣсню приличная и нарядная дама. Передъ компаніей стоялъ кофейный приборъ и ликеры, скатерть была залита въ нѣсколькихъ мѣстахъ и на полу валялись апельсиныя корки. Дама отбросила гитару, которую на лету поймалъ одинъ изъ кавалеровъ, и разстегнувъ лифъ, проговорила: „уфъ! ну, я наблась! не знаю, какъ вы?“

Тутъ она замѣтила меня и стала махать рукою, приглашая къ столу. Молодые люди вскочили было при моемъ приближеніи, но потомъ опять опустились на стулья, не представляясь мнѣ. „Садитесь, будьте гостемъ!“ сказала дама и наклонилась всѣмъ тѣломъ, при чемъ ея груди какъ-то неестественно колыхнулись, видныя черезъ большое декольте. Ея тѣло, начинающая съ шеи, не было ни набѣлено, ни напудрено и было похоже, что на туловище изъ амбры поставили алебастровую голову. Но она была чудо какъ хороша, эта дама! Кавалеры не напоминали маркизовъ. Несмотря на странность этой картины, я почтительно снялъ шляпу и поклонившись, спросилъ, не г-жу ли Риди я имѣю удовольствіе и честь видѣть. Синьора

громко разсмѣялась, потомъ надулась и отвѣтила басомъ:

— Ее самую, чортъ бы ее побралъ!—

Я хотѣлъ было заикнуться про свои образчики, но дама дала знакъ рукою, чтобы я прекратилъ и сказала такъ же серьезно: „О дѣлахъ потомъ, теперь садись и пей. Беппо, еще кофею!“ Одинъ изъ молодыхъ людей вышелъ и сейчасъ же вернулся съ новой чашкой и чистой рюмкой, а другой все что-то хихикалъ въ кулакъ.

— Чего ты?—спросила она у смѣшливаго кавалера.

— Я смѣюсь на этого оригинала, который носитъ свои образчики подъ мышкой.

— У всякаго свои привычки,—отвѣтила Сколастича серьезно, на что оба гостя расхохотались.

— Полно. Онъ мнѣ нравится и если вы будете его обижать, я васъ отдую по щекамъ.

Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, синьора Риди сказала ласково:

— Не обращай на нихъ вниманія. Они — дураки и ничего не понимаютъ. Дай я тебя поцѣлую.

Отъ нея пахло пудрой, виномъ и кофеемъ и она все наклонялась то въ одну, то въ другую сторону, колыхая бюстъ. Принесли еще бутылки. Я уже осмѣлѣлъ и самъ обнялъ сосѣдку, чтобъ она не такъ бултыхалась. Кавалеры вынули карты и стали ихъ тасовать, какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочила дѣвочку лѣтъ десяти и громкимъ шепотомъ сказала: „пріѣхали!“ Синьора вскочила, тотчасъ опять сѣла, снова вскочила, повторяя заплетающимся языкомъ:

— Убирайте! убирайте все! захватите гитару! Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!—

Наконецъ сгребла оставшуюся посуду: рюмки, чашки, ложки въ подолъ и пошла въ комнаты. На правомъ

чулкѣ ея была большая дыра. На ступенькахъ синьора свалилась, зазвенѣвъ посудой, не могла подняться и такъ, не выпуская изъ одной руки подола, почти на четверенькахъ уползла въ двери. Молодыхъ людей уже давно не было. Я не зналъ, что подумать и сдѣлать надъ залитой скатертью, ожидая, что будетъ дальше.

Изъ сада по той же аллеѣ, по которой пришелъ и я, приближалась молодая, высокая женщина въ свѣтломъ платьѣ съ очень блѣднымъ, слегка опухлымъ лицомъ въ сопровожденіи мальчика лѣтъ пятнадцати. Только взойдя на террасу, она, казалось, замѣтила меня. Отвѣтивъ на мой поклонъ, она отослала мальчика и молча ждала, что я ей скажу. Наконецъ, поднявъ сѣрые глаза, она медленно спросила.

— Васъ прислалъ ко мнѣ синьоръ Валеріо Прокаччи? Чего ему нужно отъ меня?—

Я замѣтилъ, что никакого Валеріо не знаю. Тогда дама пробормотала.

— Странно. Въ такомъ случаѣ я знаю, кто васъ ко мнѣ послалъ!—но это должно было быть завтра. по моему. Привѣтствую васъ, милый братецъ.

Она умолкла, стоя у стола. Я думалъ, что она разсматриваетъ кофейныя и ликерныя пятна, но оказалось, что она ихъ не видѣла, и размышляла неизвѣстно о чемъ. Наконецъ, она снова взглянула на меня, будто удивляясь, что я еще здѣсь, и слабо проговорила:

— Да, такъ завтра я васъ жду. Кланяйтесь. Господь вамъ поможетъ.—

Вѣроятно мальчишка гдѣ-нибудь подслушивалъ, потому что безъ всякаго зова явился, чтобы проводить меня до калитки. Я пробовалъ разузнать у него, что все это значитъ и кто была первая синьора, но онъ былъ или глухимъ, или полнѣйшимъ кретиномъ, по-

тому что на всѣ мои разспросы, только улыбался, ничего не говоря.

ГЛАВА 4-я.

Мысль о синьорѣ Валеріо Прокаччи не давала мнѣ спать, даже вытѣсняя, какъ воспоминанія о прелестной г-жѣ Риди первой, такъ и недоумѣнія, почему мой хозяинъ снабдилъ меня адресами такихъ странныхъ заказчиковъ. Вообще, флорентинцы очень любезны, скоро дружатся, но всѣ со странностями. Вѣроятно, этотъ Валеріо какой-нибудь вліятельный, пожилой человѣкъ, отъ котораго зависитъ благополучіе и судьба многихъ людей. Я былъ такъ взволнованъ впечатлѣніями отъ первыхъ двухъ визитовъ, что рѣшилъ на это утро никуда не ходить въ новое мѣсто, тѣмъ болѣе, что сегодня меня ждали и у синьора Тизбы, гдѣ я могъ встрѣтить Клементину, и у г-жи Риди, гдѣ я надѣялся увидѣть ея родственницу. Я сидѣлъ въ кофейнѣ, раздумывая о всѣхъ событіяхъ, какъ вдругъ снова услышала имя Валеріо Прокаччи. Я такъ быстро обернулся, что чуть не опрокинулъ весь столикъ. Рядомъ сидѣло двое молодыхъ людей, лицо одного изъ которыхъ поражало своею необыкновенною веселостью и беззаботностью. Казалось, не могло быть такого подозрительнаго и черстватаго сердца, которое сразу не открылось бы при видѣ этого круглолицаго юноши со вздернутымъ носомъ, большимъ ртомъ и смѣющимися глазами. Это именно онъ и произнесъ имя Валеріо. Я собрался съ духомъ и подбодряемый наружностью молодого господина, подошелъ къ нему и спросилъ:

— Вы знаете Валеріо Прокаччи?—

— Я думаю, что знаю, когда это я самъ и есть, Валеріо Прокаччи.

— Вы—Валеріо Прокаччи? не можетъ быть.—

— Почему это васъ удивляетъ?

— Я не думалъ, что вы такъ молоды; вообще, я не думалъ, что вы такой.—

Молодой человѣкъ заинтересовался, гдѣ я слышалъ о немъ и вообще, откуда я его знаю. Я чистосердечно разсказалъ ему всю мою исторію съ самаго начала. Валеріо внимательно выслушалъ мою повѣсть и произнесъ:

— Странно, добрый Гома, что судьба васъ послала именно къ тѣмъ людямъ, съ которыми я наиболѣе связанъ. По-моему это не безъ умысла со стороны Провидѣнія. Я думаю, что вы можете мнѣ помочь. Я вамъ тоже разскажу хотя бы тѣ дѣла, въ которыхъ вамъ суждено быть участникомъ. Откровенность за откровенность.—

Изъ словъ Валеріо я узналъ, что онъ безумно влюбленъ въ Клементину, племянницу извѣстнаго кастрата Кальяни, который во чтобы то ни стало хочетъ выдать ее за графа Парабоско, смѣшнаго и надутаго стараго мота. Родители же самаго Валеріо хлопочутъ о его бракѣ съ синьорой Риди, почтенной и богатой вдовой, но которая совершенно ему не нравится и сама не чувствуетъ къ нему расположенія, считая его за пустого и легкомысленнаго человѣка.

— Я въ этомъ ее не разубѣждаю; наоборотъ, дѣлаю все возможное, чтобы этотъ бракъ былъ ей не по душѣ. Меня бѣситъ не она и даже не мои родственники, а эти двѣ чучелы: графъ и синьоръ Тизба. Вы себѣ не можете представить, до какой степени они несносны своимъ чванствомъ и смѣшною манерностью. Я очень радъ, что въ васъ я найду друга, который можетъ мнѣ помочь!—

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что я

всегда могу рассчитывать со своей стороны на его помощь и содѣйствіе.

Положительно, я приобретаю друзей совершенно мимоходомъ. Или во Флоренціи люди очень склонны къ дружбѣ, или въ моей наружности есть что-то располагающее. Дома меня не цѣнили, но вѣдь всѣмъ извѣстно, что для отечества не существуетъ пророковъ. Въ такомъ расположеніи духа я рѣшилъ купить себѣ новыя туфли съ бантами и отправился къ господину Кальяни. Тотъ встрѣтилъ меня весьма радушно, сталъ сейчасъ же рассказывать о своихъ сценическихъ успѣхахъ, томничать, ворковать и закатывать глаза, какъ вдругъ съ улицы донесся звукъ настраиваемыхъ скрипокъ.

— Серенада! клянусь честью, серенада! я не отпираться: извѣстность имѣетъ свои прелести!—

Онъ открылъ жалюзи, скрипки явственнѣе слышались, но не начинали играть еще, какъ слѣдуетъ. Мы оба подошли къ окну. Оказалось, что музыканты совсѣмъ уже расположились было играть, какъ вдругъ изъ за угла появилась другая партія, которая стала гнать первыхъ, увѣряя, что передъ этимъ домомъ должны играть именно они, вновь пришедшіе. Сначала перебранивались, потомъ пустили въ ходъ камни мостовой, смычки, футляры отъ инструментовъ и, наконецъ, самыя скрипки. Въ домѣ все было слышно отъ слова до слова. Г. Кальяни въ необычайномъ возбужденіи кричалъ изъ окна: „такъ ихъ, бей, молодцы, вправо, вправо!“— какъ вдругъ будто что вспомнивъ, закричалъ на всю улицу:

— Кому послана серенада?—

— Синьоринѣ Кальяни Клементинѣ.

Пѣвецъ быстро захлопнулъ окно и повернувшись ко мнѣ, произнесъ пренебрежительно:

— Пустяки! эти молодые люди всегда устраиваютъ собачью свадьбу и кошачьи концерты изъ за первой юбки!—

Я не посмѣлъ ему напомнить о пріятностяхъ славы, тѣмъ болѣе, что въ комнату вошла синьора Клементина, на которую опекунъ сейчасъ же и набросился.

— Что это за шумъ?—спросила она, входя.—

— Что это за шумъ! святая невинность! Это вамъ лучше знать, что это за шумъ. Ваши обожатели дерутся. Нѣтъ того, чтобы подумать о больномъ дядѣ, который васъ содержитъ и который можетъ каждую минуту умереть! Вы не подумаете, какая это будетъ потеря для искусства! Вамъ все равно, только бы была орава любовниковъ. Змѣя!—

— Какая орава любовниковъ? въ умѣ ли вы? вы сами мнѣ навязываете разныхъ дурацкихъ жениховъ, графа Парабоску и т. д.

— А Прокаччи кто тебѣ навязалъ? тоже я, скажешь?—

— Валеріо тутъ не причемъ.

— Какъ не при чемъ? Я тебя лишу наслѣдства!—

— У меня есть свой капиталъ, если вы его не разстратили.

— Дерзости!—

— Вы потеряете голосъ.

— Да, я потеряю голосъ, я обнищаю, я умру и ты будешь виновницей!—

— Не срамьтесь, на улицѣ все слышно.

— Пусть слышать! Я никого не боюсь.—

— Вы—смѣшны!

— Кто—я—смѣшонъ? Палку, палку мнѣ сейчасъ же! Въ передней за ларемъ, налѣво въ углу толстая палка!— визжалъ Кальяни. Съ улицы доносился уже лягъ шпагъ и крики о помощи. Я поспѣшно спустился съ лѣстницы, желая узнать, не раненъ ли Валеріо, но меня

сразу такъ толкнули въ бокъ, что я попалъ въ со-
сѣдній переулокъ, по которому и побѣжалъ домой.

Глава 5-я.

Такъ я и не видѣлъ г. Прокаччи, къ которому такъ быстро почувствовалъ искреннее расположеніе и преданность. Дѣло въ томъ, что послѣ того дня Валеріо исчезъ и никто не зналъ гдѣ онъ. Можно было бы подумать, что его убилъ графъ Парабоско, если бы Клементина не сохраняла полного спокойствія, конечно, невозможнаго въ случаѣ смерти Валеріо. Прошло дней пять; я узналъ, посѣтивъ еще разъ синьору Риди, что плѣнившая меня госпожа—не болѣе, какъ служанка синьоры Сколастики, у которой, какъ часто бываетъ у святыхъ женщинъ, была одна изъ самыхъ распущенныхъ дворней города. Долженъ сознаться, что это открытіе нисколько не уменьшило въ моихъ глазахъ ея прелестей,—наоборотъ, даже какъ-будто увеличило ихъ, показавъ ихъ болѣе доступными. Наконецъ, она, мнѣ назначила свиданье, но почему то не у себя въ комнатѣ, не у меня въ гостинницѣ, но, вѣроятно, соблазнившись теплой погодой, за городомъ въ роцѣ.

— У хижины анахорета,—заклчила она.

— Какого анахорета? Развѣ такіе существуютъ въ наше время?

— А то какъ же? развѣ ты не знаешь, что совсѣмъ на-дняхъ появился около города отшельникъ и молва уже успѣла раструбить объ его святости. Но онъ бѣжитъ отъ людей, что еще болѣе привлекаетъ къ нему послѣднихъ.

Я ничего не слышалъ объ анахоретѣ, но согласился прийти вечеромъ въ роцу.

Она находилась верстахъ въ трехъ отъ города. Я

забрался туда далеко еще до той минуты, когда солнце начинает скашивать лучи и дѣлается пріятнымъ изнѣженнымъ горожанамъ. Въ тотъ день зной уменьшался густыми облаками, проползавшими по небу отъ времени до времени, обѣщая перейти въ дождевую тучу. Вскорѣ пошелъ дождь, а Сантины, какъ, оказывается, звали мою предполагаемую синьору Риди, все не было. Въ концѣ концовъ мнѣ надоѣло мокнуть подъ дождемъ и я рѣшилъ укрыться въ хижину анахорета, оказавшуюся простымъ заброшеннымъ сѣноваломъ безъ сѣна. Осторожно тронувъ не прикрытую дверь, я вошелъ въ полутемное помѣщеніе, гдѣ никого не было. Забравшись по лѣстницѣ на верхъ, гдѣ прежде сушилось сѣно, я старался сквозь щели разглядѣть, не идетъ ли моя возлюбленная, но въ то же время прислушиваясь, что дѣлается внизу.

Вскорѣ двери открылись, и показался самъ пустынный, ведя за собою маскированную и промокшую женщину.

— Вотъ, подумалъ я, такъ отшельникъ! привелъ къ себѣ даму на свиданье! впрочемъ, можетъ быть, она просто заблудилась и онъ ее пригрѣлъ и пріютилъ по отечески.—

Но отшельникъ, несмотря на бороду, совсѣмъ не годился въ отцы приведенной имъ дочери, да и сталъ вести себя нѣжно, но совсѣмъ не по родительски. Они такъ цѣловались и обнимались, что я даже позабылъ про Сантину и про ея коварство. Между тѣмъ парочка внизу все болѣе разгорячалась. Онъ снялъ плащъ съ дамы и сталъ покрывать поцѣлуями ея открытыя плечи. Наконецъ, онъ къ моему удивленію снялъ бороду и оказался никѣмъ инымъ, какъ Валеріо Прокаччи. Его собесѣдница тоже, не боясь лишнихъ глазъ, сняла маску и вышла Клементіной Кальяни. Я чуть не вскрик-

нуль отъ восхищенія, когда увидѣлъ это, потому что они оба и ихъ счастье были близки моему сердцу и потому они были такъ милы, что всякій поразился бы, глядя на нихъ. Дождь уже пересталъ, а г-жа Клементина все еще не уходила. Я видѣлъ, какъ прошла Сантина къ условленному мѣсту и обратно, но не могъ никакъ ей дать знать, не выдавая себя нижней парф. Но, вѣроятно, отъ досады я сдѣлалъ все-таки неловкое движеніе и заскрипѣлъ досками, такъ какъ дама, оторвавъ свои губы отъ устъ Валеріо, спросила:

— Что это скрипитъ? наверху кто-нибудь есть?—

— Кому тамъ быть? тебѣ почудилось—отвѣтилъ молодой человѣкъ, снова ее цѣлуя.

— Нѣтъ, право, тамъ кто-то шевелится.—

Тутъ я не вытерпѣлъ и чтобы успокоить ихъ, просунулъ голову внизъ и громко сказалъ:

— Не беспокойтесь, синьоръ Валеріо: это—я!—

Клементина вскрикнула и убѣжала ланью за дверь, а Валеріо послѣ минутнаго недоумѣнія и даже гнѣва, вдругъ расхохотался, повторяя: „Ѳома, Ѳома, ты меня уморишь. Хорошо, что ты не объявился раньше, а то бы я тебя просто-на-просто отколотилъ! Но откуда ты взялся?“

Я слѣзъ съ вышки и прежде всего высказалъ свою радость по поводу того, что Прокаччи живъ, здоровъ и, повидимому, счастливъ. Посмѣявшись вдоволь надъ маскарадомъ Валеріо и моимъ наблюдательнымъ постомъ, мы разговорились о дѣлахъ, при чемъ я узналъ, что вскорѣ опять понадобится моему другу. Онъ переодѣлся изъ монашескаго платья въ свое обычное и пожавъ мнѣ руку, обнялъ меня и мечтательно проговорилъ:

— Тебѣ бы, Ѳома, жениться на синьорѣ Схоластикѣ!—

— Господь съ вами! да вѣдь она за меня не пойдетъ.

- Это ужъ тебя не касается.—
— Какъ же, помилуйте, не касается, когда мнѣ придется быть ея мужемъ.
— Это можетъ устроить г. Альбино.—
— Въ первый разъ слышу.
— Возможно, но это дѣла не мѣняетъ.—
— Дѣло въ томъ, что я никогда не думалъ объ этомъ бракѣ и по правдѣ сказать онъ меня не особенно привлекаетъ.
— Это другое дѣло.—
— Мнѣ бы скорѣй хотѣлось, напримѣръ, жениться на служанкѣ г-жи Риди, Сантинѣ.
Валеріо улыбнулся.

— Ну это ты говоришь сгоряча. Сантина вовсѣ не такая особа, на которой стоило бы жениться. Когда ты будешь пріѣзжать сюда, она всегда будетъ къ твоимъ услугамъ.—

Лишь только я подумалъ о своемъ хозяйнѣ, нашей фабрикѣ, какъ понялъ всю справедливость словъ Прокачки и отбросилъ мысль о женитьбѣ съ удовольствіемъ мечтая, какъ я буду пріѣзжать во Флоренцію.

Валеріо казался не то что печальнымъ, а болѣе серьезнымъ, чѣмъ обыкновенно. Вообще, кажется, его лицо по самой своей структурѣ не могло выражать меланхолическихъ чувствъ. Онъ проводилъ меня почти до самаго города, еще разъ повторивъ, что я всегда могу рассчитывать на его помощь и защиту. Я долго смотрѣлъ вслѣдъ Валеріо и затѣмъ побрелъ въ городъ, больше думаю о судьбѣ г-жи Клементины, нежели о моемъ несостоявшемся свиданіи.

Глава 6-я.

На слѣдующій день Сантина меня не встрѣтила

бранью, какъ я ожидалъ, но холодно опустила глаза и старалась держаться сдержанной, насколько позволялъ ей это ея пылкій и живой характеръ. Мнѣ почему-то было все равно, сердится она, или нѣтъ, потому я болѣе смѣло разглядывалъ ея смуглыя щеки и вздрагивающія вѣки. Проходя по террассѣ, я даже слегка обнялъ горничную г-жи Риди за талию. Это, повидному сломало ледъ, потому что Сантина прошептала мнѣ „мерзавецъ паршивый“ такъ очаровательно, что мнѣ снова пришла въ голову оставленная было уже мысль о женитьбѣ. Г-жа Сколастика печально сидѣла у окна и пересчитывала серебряныя деньги въ шкатулкѣ. Она подняла сѣрые глаза и тихо сказала:

— Добрый Ѡма, синьоръ Альбано говорилъ мнѣ о васъ, онъ говорилъ, какъ вы скромны, какъ преданны. Только мое болѣзненное состояніе не позволило мнѣ обратить должнаго вниманія на ваши высокія качества, но отъ Господа ничто не останется скрытымъ.

Я вспомнилъ о предложеніи Прокаччи и со страхомъ смотрѣлъ, какъ рука синьоры Сколастики легла на мой сѣрый рукавъ.

Дама говорила, какъ во снѣ, медленно и страстно, не спуская съ меня глазъ и не отнимая руки съ моего обшлага. Мнѣ вдругъ стало необыкновенно тоскливо и я подошелъ къ окну, выходящему на улицу. Тамъ привлекли мое вниманіе двѣ фигуры, которыя вскорѣ появились и въ комнатѣ г-жи Риди. Это былъ синьоръ Кальяни и съ нимъ какой-то высокій тощій господинъ, въ настоящую минуту безъ парика и со спущенной подвязкой на лѣвой ногѣ, при чемъ остальные части его туалета ясно показывали, что такой безпорядокъ вовсе не былъ свойственъ спутнику синьора Тизбы.

— Боже, что случилось, графъ Парабоско?—воскликнула Сколастика, подымаясь къ нимъ навстрѣчу. Зна-

чить, Клементину прочили за эту жердь! Я понимаю тогда все негодование Прокаччи. Кальяни выказывалъ большее присутствіе духа, нежели отставной женихъ и довольно бодро сообщилъ, что его племянница вчера во время спектакля убѣжала съ Валеріо и обвѣчалась съ нимъ у анахорета. Я раздумывалъ, какъ Прокаччи могъ обвѣнчать самаго себя, межъ тѣмъ какъ графъ безпомощно продолжалъ сидѣть на томъ же стулѣ, куда опустился, какъ только пришелъ. Его носъ покраснѣлъ и лѣвой рукою онъ все натягивалъ чулокъ, который сейчасъ же сползалъ обратно.

— Змѣя, змѣя!—шептали его губы.

Синьоръ Тизба гоголемъ подошелъ къ г-жѣ Риди и очень развязно, хотя и галантно, произнесъ:

— Я больше забочусь о васъ, дорогая г-жа Сколастика, нежели о пропавшемъ молодомъ человѣкѣ, или о своей племянницѣ. Они получаютъ то, чего искали, но вы, вы! такъ невинно пострадать! Такая неоцѣненная доброта, благородство!—

— Вы мнѣ льстите!

— Нисколько; я знаю, какъ вы относились къ этому молодому человѣку; что касается меня, такъ я отчасти радъ, что освободился отъ этой неблагородной обузы. Вчера она даже не досидѣла до конца 2-го акта „Пирама и Тизбы“, она сбѣжала отъ моего шедевра, моего торжества! Знаете, людямъ искусства нуженъ покой, а если и волненія, то легкія, пріятнаго характера.

Графъ Парабоско началъ снова хныкать на своемъ креслѣ. Синьоръ Кальяни направился къ нему, но вдругъ, повернувшись на одной ножкѣ, воскликнулъ:

— Я гениаленъ! кто будетъ сомнѣваться въ этомъ?—

Сколастика молча смотрѣла, что будетъ дальше.

— Вы и онъ! хи-хи-хи! развѣ это не гениально? Отмщеніе, сладкая месть!—

- Я васъ не понимаю!
- Выходите замужъ за графа.—
- Вы думаете?
- Конечно, я думаю. Кто же иначе? Ну, графъ, становитесь на колѣни.—
- Пойдите, у меня все чулокъ валится.
- Что? чулокъ?.. Это ничего.—
- Пойдите, синьоръ Кальяни, я еще подумаю,— протестовала г-жа Риди, но пѣвецъ уже торжествовалъ.
- Когда женщина собирается думать, она уже согласна!—

Тутъ онъ только замѣтилъ меня.

— А, и милый Тома здѣсь?—и потомъ, понизивъ голосъ, добавилъ: Теперь я немного освобожусь и охотно посмотрю ваши образчики“.

Но мнѣ не пришлось воспользоваться его приглашеніемъ, такъ какъ дома я нашелъ письмо отъ хозяина, вызывавшаго меня немедленно въ Пистойю, а также самого Якова Кастаньо, который, какъ оказывается, все время меня искалъ, чтобы взять у меня обратно адреса своихъ кліентовъ и вернуть мнѣ мой списокъ, которые мы перепутали въ первой же вечеръ. Валеріо благополучно живетъ съ Клементиной, часто пишетъ мнѣ, синьоръ Сколастика, кажется, сама не замѣтила, какъ обвинчалась съ графомъ. Синьоръ Кальяни также блистаетъ въ роли Тизбы, такъ и не выдавъ моихъ образчиковъ. Зато какіе образчики доставила мнѣ Флоренція на всю мою жизнь, любви и претензій, забавныхъ и печальныхъ случаевъ, сплетеній судьбы и истиннаго чувства!

Остановка.

Въ городѣ можно было бы въ случаѣ крайней нужды и усталости сѣсть хотя бы на кучу сѣраго снѣга, а здѣсь въ семи верстахъ отъ Царскаго!...

Автомобиль лежалъ на боку, отдѣленный большой канавой отъ дороги въ лужахъ. Екатерина Петровна посмотрѣла вслѣдъ уходившему безъ шубы шофферу и улыбнулась.

— Видите, миссъ Битти, какъ опасно дѣлать такія признанія: даже автомобиль не выдержалъ и скovyрнулся...

Маленькая англичанка протянула руки впередъ, будто прося о помощи.

— Ничего, ничего! Теперь придется маршировать по грязи часа два. Что-жъ дѣлать! Не влюбляйтесь!

— Катя, вы сама, вы сами...

— Что я сама? Я сама влюбилась въ Володю? У насъ это запрещено закономъ, а я — человѣкъ разсудительный. Володя—мнѣ братъ.

— Вы сами заставили меня признаться... Вырвали у меня мой секретъ и смѣетесь... Вы — злая дѣвушка, Катя!

— Я не смѣюсь, я шучу. Если вамъ это неприятно, я перестану. Очень скучно ждать. Хорошо, что не холодно и нѣтъ дождя.

Екатерина Петровна подняла лицо къ блѣдно-бурому небу и, запахнувшись широкимъ пальто, продолжала:

— Только бы мама не стала беспокоиться. Въ театрѣ, конечно, мы опоздали.

Миссъ, казалось, не замѣчала печальнаго и смѣшнаго ихъ положенія, можетъ быть, даже нѣсколько опаснаго посреди пустынной дороги, въ мокротѣ, безъ всякаго прикрытія и защиты отъ возможнаго дождя и фантази перваго встрѣчнаго. Она словно позабыла, что она должна служить руководительницей и охраной ввѣренной ей дѣвушки, и какъ младшая, прижалась къ Екатеринѣ Петровнѣ. Та будто поняла состояніе своей спутницы, улыбулась покровительственно и произнесла:

— Ахъ, миссъ, миссъ, какъ это вы такъ? Не ожидала отъ васъ этого!

— Не надо смѣяться, но поговорите о немъ! Я такъ долго молчала!

— Что же мнѣ говорить о Володѣ! Лучше вы расскажите, какъ это съ вами случилось... Вы, дѣйствительно, такъ долго молчали, что я рѣшительно ничего не знаю.

Англичанка прошла отъ лужи до лужи и начала неувѣренно:

— Что же сказать, Катя? Я не знаю... Это случилось не вдругъ, не съ первой встрѣчи. Я считала Владиміра Петровича пустымъ молодымъ человѣкомъ, онъ даже лицомъ мнѣ не нравился. И потомъ я же знала, что онъ—мнѣ не пара, не женится на мнѣ, такъ зачѣмъ же любить? Мнѣ всегда казались смѣшными мечтательныя привязанности, о которыхъ читаешь въ романахъ. Кто бы могъ подумать, что со мною случится то же, что съ героинями повѣстей, надъ которыми я такъ смѣялась!? Это произошло еще въ сентябрѣ, когда Владиміръ Петровичъ сталъ собираться на войну. Однажды онъ всталъ рано, такъ что за утреннимъ кофе мы оказались вдвоемъ. Беря чашку, онъ произнесъ: „Вотъ, миссъ Бетти, я скоро уѣду, некому будетъ наливать

кофе. Можетъ быть, вспомните обо мнѣ“. Онъ говорилъ это безъ особеннаго значенія, просто такъ, какъ говорилъ бы со швейцаромъ, но меня такъ поразило, что, можетъ быть, я, дѣйствительно, никогда не увижу этого лица, которое мнѣ совсѣмъ не нравилось, что я схватила вашего брата за руку и сказала нѣсколько живѣе, чѣмъ слѣдовало бы: „Нѣтъ, мы васъ не забудемъ, я васъ не забуду, Владиміръ Петровичъ!“ Онъ ничего не замѣтилъ и отнесся попрежнему ласково и безразлично: „Спасибо, миссъ. Вотъ какая вы добрая!“ — отвѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты. Но чѣмъ-то онъ былъ озабоченъ. Съ того дня все и началось. И теперь я не могу, не могу, Катя, молчать.

— Вы хорошо сдѣлали, миссъ, что рассказали мнѣ все это. Всегда бываетъ легче когда выскажешься.

— Вотъ еще странность: я ничего не понимала въ газетныхъ извѣстіяхъ о войнѣ, все путала (я не очень тверда въ географіи). Съ тѣхъ же поръ, съ того дня у меня будто открылись глаза, я даже стала соображать, гдѣ какое мѣстечко находится, и что значить то или другое военное передвиженіе. Часто я понимала лучше, т.-е. въ болѣе выгодную для насъ сторону то, что написано, но и тутъ чувство меня никогда не обманывало.

— Вы—ужасная фантазерка, милая миссъ, но хорошая, славная фантазерка! И все-таки мнѣ васъ нѣсколько жаль.

— Почему, Катя, почему? Вы думаете, что вашъ братъ меня не любитъ? Я это знаю, но люблю его отъ этого нисколько не меньше.

Екатерина Петровна на минуту нахмурилась и проговорила сквозь зубы:

— Ну, я бы такъ не могла!

Она остановилась и молча стала смотрѣть въ даль

дороги, на которой ничего не показывалось. Взглянувъ на часики, она спокойно проговорила:

— Скоро шесть. Куда это Петръ пропалъ? Меня одно тревожитъ, что дома будутъ безпокоиться.

Обѣ дѣвушки такъ внимательно смотрѣли въ одну сторону, что не замѣтили, какъ съ другой, подсакивая на ухабахъ, приближался чей-то автомобиль, едва чернѣя въ сумеркахъ. Только когда онъ подѣхалъ совсѣмъ близко и зачѣмъ-то остановился, пытая по лужѣ, онѣ обернулись. Изъ окна высунулась женская голова и рука въ перчаткѣ, которая помогала не совсѣмъ долетавшему до мѣста голосу новой пассажирки. Изъ быстрого говора можно было разобрать только отдѣльныя французскія слова. Наконецъ, видя, что пѣшеходы къ ней не подходятъ, дама рискнула выйти изъ каретки и сама направилась къ нимъ, не переставая говорить. Маленькаго роста, она все время жестикулировала, изображая своимъ миловиднымъ, съ сильнымъ гримомъ лицомъ, ужасъ.

— Съ вами, что-нибудь случилось?—спросила Екатерина Петровна.

— Со мною? Нѣтъ! Что со мною случится? Съ вами, съ вами, бѣдное дитя! Я вижу: двѣ дамы, моторъ на боку... говорю Андре остановиться... Вы ждете вашего шоффера? Это такой ужасный народъ! Теперь хоть не такъ пьютъ. Я бы давно прогнала своего, но онъ дѣлаетъ такое виноватое лицо, что я не могу!... Я не могу видѣть виноватыхъ лицъ. Какъ говорится у вашего Достоевскаго: „Всѣ—тебя, ты—всѣхъ,—и никто не виновать“. О, вы — свѣжая нація! Вы не думайте, что я читала Достоевскаго... Мнѣ некогда, а это мой другъ всегда говорить, когда измѣняется.

Дама вдругъ остановила свой потокъ, вздохнула, но черезъ секунду снова заговорила:

— Вы, конечно, поѣдете со мною. Шофферу мы оставимъ записку. И вы заѣдете ко мнѣ выпить рюмочку, вы совсѣмъ промокли и продрогли. Не больше, какъ на четверть часа. Потомъ я васъ доставлю домой. Нельзя же оставлять людей въ такомъ положеніи!...

Екатерина Петровна и миссъ Брайтонъ не протестовали, потому что не могли найти даже минуты, въ которую можно было бы произнести какую-нибудь реплику. Приѣзжая дама все говорила и въ то же время отгѣсняла ихъ къ своему экипажу, будто загоняла циплять. Хлопнувъ дверцей, она вздохнула съ облегченіемъ и сѣвъ глубже на диванчикъ, произнесла:

— Я—Клодина Пелье. Вамъ, вѣроятно, ничего не говоритъ это имя, но есть круги, гдѣ оно очень извѣстно, даже знаменито. Всякій знаменитъ, чѣмъ можетъ.

Услышавъ фамилію Гамбаковой, французенка мелькомъ, но пристально, взглянула на Екатерину Петровну и спросила:

— У васъ нѣтъ родственниковъ на войнѣ?

— Мой братъ—военный. Можетъ быть, вы его знаете?

— Не думаю... Теперь у всѣхъ кто-нибудь „тамъ“!...

Клодина настояла, чтобы дѣвушки заѣхали къ ней. Она просила такъ мило и искренне,—это было по дорогѣ, Екатерина Петровна и Бетти, дѣйствительно, продрогли и проголодались,—такъ что все соединилось, чтобы просьба сердобольной французенки была исполнена.

— Не больше, какъ на четверть часа!—повторила она еще разъ, введя спутницъ въ небольшое зальце, и вышла распорядиться о кофе и коньякѣ.

— Вотъ приключеніе!—проговорила Екатерина Петровна вполголоса, — вообще, какая-то романическая поѣздка: сначала ваше признаніе, несчастье съ мото-

ромъ, теперь эта встрѣча. Надѣюсь, что на этомъ и кончится все...

— Кѣмъ бы могла быть эта дама?—произнесла англичанка въ раздумьи.

— Не все-ли равно! Какая-нибудь актриса, пѣвица съ открытой сцены... Я не знаю! Вѣроятно, это послѣдній разъ, что мы ее видимъ. Добрый человѣкъ во всякомъ случаѣ.

— У меня только одно желаніе: уѣхать скорѣе домой, или хотя бы позвонить туда.

Миссъ Брайтонъ направилась къ небольшому рабочему столу, гдѣ среди коробокъ и фотографій стоялъ телефонъ. Но не успѣла она поднять трубку, какъ опустилась на близъ стоящій стулъ.

— Что же вы не звоните, миссъ?

Отвѣта не было. Екатерина Петровна быстро подошла къ неподвижной и блѣдной англичанкѣ и, взявъ ее за руки, спросила:

— Но что случилось? Что съ вами?

Та молча показала глазами на карточку, изображавшую молодого военного и украшенную надписью: „Милымъ ножкамъ Кло-кло ея Вова“.

— Что это, Володина карточка?

И Екатерина Петровна прочла вслухъ надпись. Кажется, разстроенное сознаніе миссъ только и ждало этихъ словъ, вслухъ произнесенныхъ, чтобы окончательно покинуть ее. Англичанка не свалилась, такъ какъ сидѣла уже на довольно широкомъ стулѣ, но голова ея безпомощно закинулась и руки, сжимавшія грудь, упали.

— Миссъ, миссъ, придите въ себя! Это глупо! Мы сейчасъ поѣдемъ...

Изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ приближавшейся Клодины: „Кто сейчасъ уѣдетъ? Что я слышу?“

Не раньше, чѣмъ выпьемъ кофе! Что это, вашей подругѣ дурно? — воскликнула она, едва переступивъ порогъ зала. Она быстро разстегнула дѣвушкѣ лифъ и смочила виски одеколономъ, стоявшимъ тутъ же.

— Она сейчасъ придетъ въ себя, она устала: подъемъ нервовъ, потомъ упадокъ... Вы не бойтесь, мое дитя, это бываетъ. Ваша подруга — не замужемъ, т.-е. она дѣвушка?

— Дѣвушка.

— Бѣдняжка! — произнесла француженка и поцѣловала сидѣвшую въ лобъ.

— Откуда у васъ карточка брата?

— Ахъ, эта! Ну, откуда! Откуда всегда бываетъ... Онъ знакомъ со мною. Я не могу объяснить вамъ точнѣе...

— Я понимаю, — перебила ее Екатерина Петровна и смолкла.

— Конечно, вы можете понимать меня, какъ вы меня поняли, но я люблю его отъ души. Это — настоящая любовь, это — не устройство. Я просто люблю его, потому что онъ красивый, веселый, и потомъ онъ — герой. Я знаю: это — дѣло сердца, безъ котораго женщина прожить не можетъ. Можетъ быть, вамъ не слѣдуетъ этого говорить. Простите, такъ вышло само собою.

Клодина даже покраснѣла отъ волненія. Она не выпускала изъ рукъ карточки, жестикулируя ею во время рѣчи. Гостя вдругъ пожала руку француженкѣ и быстро проговорила:

— Конечно, я неопытна въ такой жизни, но я все понимаю. Благодарю васъ.

Хозяйка обрадовалась, какъ прощенный ребенокъ. Сразу повеселѣвъ, она даже слегка обняла за талью Екатерину Петровну и дружески продолжала:

— Вѣдь правда? Кому это мѣшаетъ? Если вашъ

братъ вздумаетъ, скажемъ, жениться, развѣ я буду устраивать скандалъ? Никогда на свѣтѣ! Конечно, если бы моя подруга стала съ нимъ кокетничать, я бы ее отколотила зонтикомъ или оттаскала за косы, а такъ... дѣла—дѣлами, любовь—любовью... не правда-ли?

Екатерина Петровна улыбнулась, но ничего не успѣла отвѣтить, такъ какъ миссъ Брайтонъ уже пришла въ себя. Казалось, она слышала часть разговора, или во время обморока ей стало яснымъ, почему въ этомъ домѣ находится фотографія Гамбакова, — во всякомъ случаѣ, взявъ хозяйку за руку, она тихо прошептала:—

— Какъ вы счастливы, m-lle!

Та взглянула на Екатерину Петровну вопросительно.— Да, да! — отвѣтила дѣвушка чуть слышно. Брови Клодины нахмурились и она готова была уже вырвать свою руку изъ тонкихъ пальцевъ англичанки, но наблюдавшая эту нѣмую сцену Гамбакова, вступила дружески:

— Вамъ не слѣдуетъ ревновать, m-lle Клодина. Любовь миссъ Брайтонъ вамъ не опасна. Лучше давайте всѣ троимъ ждать Володю и желать ему остаться цѣлымъ. Мы всѣ его любимъ по своему.

Хозяйка, отвѣдя дѣвушку въ сторону и понизивъ голосъ, спросила:

— Можетъ быть, эта англичанка имѣетъ какія-нибудь права на Вову? Это бываетъ. Живетъ она у васъ въ домѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ... увѣряю васъ. Она даже не выдавала и никогда не выдаетъ своей любви...

— Такъ что это—пустяки, фантазія?

— Ну да!

— Смѣшно!

— Не забывайте, что она—англичанка.

— Вы правы: когда разсудительный человѣкъ начнетъ глумить и мечтать, то это—прочно, добросовѣстно.

Клодина совсѣмъ развеселилась и все тащила пить кофе, но было уже поздно. Простились, какъ подруги. Миссъ Брайтонъ, будто собравшись съ духомъ, вдругъ сказала:

— Простите меня, m-lle, но позвольте мнѣ какъ-нибудь зайти къ вамъ. Вы мнѣ расскажете что-нибудь о Владимірѣ Петровичѣ.

— Конечно, конечно, я вамъ расскажу про него такія штучки!—воскликнула Клодина, смѣясь.

Екатерина Петровна ее остановила:

— Ну, слишкомъ много не болтайте, Клодина. Не забывайте, что это—англійская дѣвица.

— Нѣтъ!—отозвалась англичанка,—все... мнѣ можно и штучки... ничего!...

— Но, милая, мы вотъ такъ говоримъ, а Володя пріѣдетъ и женится на барышнѣ нашего круга, которую будетъ любить.

Обѣ слушательницы посмотрѣли удивленно.

— Ну да,—начала Клодина,—что-жъ дѣлать! Всякій можетъ остепениться! А человекъ ко всему приноравливается. Я не умру. Нѣтъ. Я слишкомъ весела для этого!

— А я?—замѣтила миссъ Брайтонъ,—а я, что же? Я не измѣнюсь конечно! Вѣдь я не ищу никакихъ правъ, я просто люблю!

Своему дѣлу мастеръ.

Этимъ лѣтомъ у однихъ монаховъ близкихъ знакомыхъ служило двѣ дѣвушки, и обѣ—Поли. Одну звали Пелагея, другую—Павла, но кликали обѣихъ Полей, прибавляя для отличія Поля „комнатная“ и Поля „кухонная“. Семейство было достаточно разсудительно, чтобы сообразить, что невозможно примѣнять къ прислугѣ мѣрку, удовлетворить которой едва ли могли бы и сами господа, а потому обращали вниманіе только, чтобы служащіе были симпатичны и безъ неудобствъ исполняли свое ближайшее дѣло. Такъ что въ смыслѣ гуляній и романовъ свобода была почти полная, но обѣ женщины пользовались ею по разному.

Павла, или Поля-кухонная, почти не понимала спокойныхъ чувствъ, и, если любовь не сопровождалась соперницами, измѣнами, побоями, опасностью быть облитой кислотою, то она почти не считала это за интересную интригу. Менѣе романтически настроенная, Поля-комнатная просто свела знакомство съ мастеромъ изъ сосѣдней парикмахерской и къ концу лѣта ходила уже невѣстой. Мы всѣ видѣли и ея жениха, не только заходя бриться, но и на прогулкѣ подъ руку съ Полей-комнатной въ новенькомъ костюмѣ при перчаткахъ и тросточкѣ.

Звали его Денисъ Петровичъ Котовъ, но самъ себя по свойственной его профессіи галантности и витіеватости онъ называлъ не иначе, какъ м-сье Діонисъ, что насъ очень смѣшило, чѣмъ-то напоминая романъ „Гнѣвъ Діониса“.

Самъ Діонисъ былъ болѣзненный молодой человекъ, бѣлокурый и слегка косою, что не мѣшало ему очень аккуратно брить, причемъ онъ не примѣнялъ французской манеры, главный шикъ которой состоитъ въ умѣннн за одинъ взмахъ бритвы оголить всю щеку (не очень пріятный способъ), а по-русски, мелко и легко скоблилъ каждое мѣстечко, будто занимаясь какимъ близорукимъ рукодѣльемъ. Былъ крайне кротокъ, чувствителенъ и изысканъ въ разговорѣ. Лучшаго мужа тихой комнатной Полѣ было не найти, тѣмъ болѣе, что, несмотря на франтовство, Діонисъ сумѣлъ сэкономить извѣстную сумму, на которую собирался вскорѣ открыть собственное заведеніе.

Все это сообщалось намъ съ такимъ простодушнымъ и нескрываемымъ удовольствіемъ, что было пріятно наблюдать за этою чувствительной и идиллической исторіей.

— Вы бы, Поля, послали Деннса Петровича на кумысъ что-ли поправиться. Ужъ очень у него хворый видъ какой-то.

— Развѣ? Нѣтъ, онъ — здоровый, онъ отъ природы такой неполный, непредставительный, а онъ здоровъ. Ну, да вѣдь, и я не великанша, — съ меня хватить...

Едва-ли мы ошибались, думая, что просто влюбленной Полѣ не хочется отпустить отъ себя жениха, и она стремится поскорѣе устроить свой домъ, свою жизнь весело и любовно съ косенькимъ м-сье Діонисомъ.

И вдругъ до насъ доходитъ слухъ (какъ разъ тутъ началась война), что парикмахеръ идетъ добровольцемъ. Сообщила намъ объ этомъ Поля съ такимъ же милымъ и веселымъ лицомъ, какъ и о своей предстоящей свадьбѣ.

Такое равнодушіе было тѣмъ болѣе удивительно,

что дѣвушка была намъ извѣстна за чувствительную до крайности. Но она уже заранѣе взяла на себя роль веселой и бодрой помощницы своего будущаго мужа, съ которой тотъ совѣщается о каждомъ шагѣ, котораго она считаетъ совѣстливымъ и справедливымъ, и чьи рѣшенія готова поддерживать, какія бы они печали ни доставляли ея несообразительному сердцу. И въ данномъ случаѣ въ ея словахъ можно было сейчасъ же разслышать витіеватыя рѣчи Діониса, не совсѣмъ ей понятныя, но принятыя любовью.

— Какъ же Денису Петровичу оставаться, когда такое время, что мальчики и солидные люди—всѣ туда идутъ? Его вѣдь даже неохотно брали,—слабый онъ у меня и косить немного,—но онъ упросился. Подумайте, вѣдь, можетъ быть, и не доживемъ до вторыхъ такихъ дней! Тяжкія испытанія, что говорить, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажешь и „слава Богу, что при насъ это происходитъ, что видѣли очи наши“.

— А какъ же вы, Поля, останетесь?

Дѣвушка какъ-будто даже удивилась, что можетъ быть разговоръ о ней.

— Я? Господи! Да останусь, какъ всѣ остаются. Что же я—особенная какая-нибудь? Конечно, сыграемъ свадьбу до отъѣзда Дениса Петровича, сейчасъ послѣ Успенья, чтобы было крѣпче, а потомъ буду ждать. Не вѣчно же война будетъ... Мы все-таки помѣщенье то хотимъ за собой оставить.

Пока же Поля опять сдѣлалась Полей комнатной, т.е. поступила на старое мѣсто къ моимъ знакомымъ. Діонисъ, дѣйствительно, обвѣнчался и уѣхалъ съ полкомъ, а жена его по-прежнему надѣла фартукъ и взяла метелку.

Съ переѣздомъ въ городъ я рѣже видѣлъ своихъ знакомыхъ и какъ-то упустилъ изъ виду храбраго

Діониса и его нѣжную подругу. Но, въ концѣ-концовъ, собрался. Комнатная дѣвушка показала мнѣ что-то смутной, но я подумалъ, что, можетъ быть, сумракъ передней даетъ такое впечатлѣніе, и спрашиваю у хозяйки:

— Что, съ вашей комнатной Полей ничего не случилось?

— Вотъ и видно, что вы у насъ не были цѣлую вѣчность, — не знаете важныхъ новостей! Вѣдь у бѣднаго Діониса оторвало обѣ ноги?

— Что вы говорите! Бѣдный Діонисъ, бѣдная Поля! Гдѣ же онъ теперь?

— Представьте себѣ, — все тамъ же!

— На позиціяхъ?

— Да.

— Но какъ же это могло случиться? Безъ ногъ!

— Конечно, не въ качествѣ воина уже!.. Да вотъ я лучше покажу вамъ его письмо.

Хозяйка вышла на минуту и вернулась съ листкомъ бумаги, который молча передала мнѣ. Не сообразивъ сразу, что парикмахеръ лишился ногъ, а не рукъ, я еще подивился на его красивый почеркъ. Дѣйствительно, каллиграфія была замѣчательная, равно какъ и тонъ письма, доказывавшій, что, несмотря на пиджачки и смѣшную кличку, Денисъ Котовъ былъ настоящимъ русскимъ человѣкомъ, достойнымъ и степеннымъ, который на письма смотритъ не какъ на эфемерныя отписочки, а какъ на историческія посланія.

„Любезная супруга наша Пелагея Ниловна, въ первыхъ сихъ строкахъ, пожелавъ вамъ здравія и благополучія, увѣдомляю, что самъ я живъ и здоровъ. Съ непріятелями встрѣчались разъ пять, да когда и не было форменнаго сраженія, все время опасная перестрѣлка, такъ что выходитъ одно на одно. Но это не-

ловко только первые дня два, потомъ привыкаешь и ведешь себя нормально, какъ. если бы ничего не было. Кормятъ насъ ничего и недостатка ни въ чемъ нѣтъ, да и то сказать: много ли человѣку надо? Мѣстность теперь вездѣ оказывается одной и той же, а въ мирное время, навѣрное, хорошо здѣсь, особенно, если жить въ родѣ, какъ на дачѣ. Кисетикъ вашъ, который вы мнѣ сшили, я потерялъ еще въ поѣздѣ. Еще извѣщаю васъ, Пелагея Ниловна, что семнадцатаго сего сентября случилась со мною непріятность: снарядомъ оторвало лѣвую ногу, а когда въ лазаретѣ осмотрѣли, то увидѣли, что придется отнять и правую. Все это обошлось благополучно, и я не писалъ вамъ, только чтобы не беспокоить васъ понапрасну раньше, чѣмъ не выяснится окончательный конецъ моего положенія. Теперь же все желательно окончилось, и я могу сказать вамъ, что рѣшилъ снова вернуться въ армію, конечно, уже не рядовымъ, а въ тылъ, какъ по природѣ своей чего я мастеръ, а тамъ въ такихъ рукахъ недостатокъ есть. Каждый служить, чѣмъ можетъ. Предлагали мнѣ показать мою ногу, но я не захотѣлъ ея видѣти. Сознаюсь вамъ, драгоценная Пелагея Ниловна, что отъ однихъ словъ этихъ у меня проступили слезы. Конечно, это было сейчасъ послѣ операции, и я былъ еще очень слабъ, а то не обратилъ бы вниманія. Да и лѣкаря говорили мнѣ, это не въ насмѣшку, а попросту, потому—другіе интересуются видѣть, что такое у нихъ ампутировали. Я такъ о васъ полагаю, что, узнавши, что я въ настоящее время живъ и здоровъ и снова нахожусь на своемъ положеніи, вы не будете понапрасну огорчаться, а поблагодарите вмѣстѣ со мною Всемилостивѣйшаго Спаса“.

Затѣмъ идутъ поклоны, какъ полагается, но въ концѣ все-таки корреспондентъ не выдержалъ и подписался: „извѣстный вамъ мосье Діонисъ“.

Хозяйка, подождавъ, когда я кончу чтение, промолвила:

— Удивительно такое безчувствіе! Вѣдь, совсѣмъ интеллигентнымъ человѣкомъ казался, а поскребите— и вышелъ мужикъ!“

— Вы, какъ будто, не одобряете такое присутствіе духа?

— Нѣтъ, я только удивляюсь.

— Ну, а какъ же Поля приняла это извѣстіе?

Дама пожалала плечами и, покраснѣвъ, прибавила недовольно:

— А она и совсѣмъ меня убила. Вотъ ужъ не ожидала отъ нея!

Я полюбопытствовалъ, конечно, узнать, чѣмъ могло разогорчить и даже „убить“ мою знакомую такое кроткое существо, какъ комнатная Поля.

— Да помилуйте! Ну, сначала, разумѣется, стала плакать, глаза тереть, а потомъ въ тотъ же вечеръ приходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: „Какъ вы думаете, барыня, теперъ Денись Петровичъ обезножилъ, такъ ему придется какіе-нибудь особенные, короткіе штанцы носить, а у него длинныхъ три пары осталось, хорошихъ,—такъ что же съ ними дѣлать? продать что ли?“ Я, знаете, даже онѣмѣла отъ возмущенія, но потомъ накричала на нее, накричала, довела ее до слезъ и мы помирились. Нѣтъ, вы представьте себѣ такое безчувствіе: мужъ обѣ ноги потерялъ, а она сидитъ и думаетъ, что съ его брюками дѣлать!

— Это, конечно, чудовищно и смѣшно съ перваго взгляда, но знаете, что я думаю? что мужъ ея, несмотря на свою профессію, на свой разговоръ, на то, что онъ—мосье Діонисъ и въ тетрадку стишки переписываетъ, галстучки носить,—онъ понялъ бы, какъ мастеръ своему дѣлу, этотъ хозяйственный порывъ Поли. И потомъ,—

другая бы плакала, отказалась бы отъ своего безногаго мужа, жаловалась бы на судьбу,—а эта тотчасъ же соображаетъ, какъ ей жить при данномъ положеніи, сейчасъ—устройство на умѣ, не ропотъ, не бунтъ, не отчаяніе, а крѣпкая вѣрная любовь и хозяйственность. Жена и хозяйка—помощница. Это, по-моему, имѣетъ свое достоинство, и не малое.

— Не знаю. Вы всегда оригинальничаете.

Но, кажется, я не болѣе оригинальничаль, нежели сама Поля, подававшая въ это время чай увѣренно и гостепріимно, съ молчаливою ласковостью, какъ мастерица своему дѣлу.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

Покойница в доме. Сказки.

Вышло в 1914 г. в С.-Петербурге в изд-ве М.И. Семенова как четвертая книга рассказов.

Покойница в доме. Впервые в ж. *Русская мысль* 1913/7: 1-33 и 8:154-195 с подзаголовком «повесть»:

10,10	из некоторой апатии и душевной подавленности
21,19	неправда, неправда, неправда
43,6	Сладкий и какой-то [...] нагонял ли
50,12 сн.	мне кажется, я сойду с ума.
53,4	поддерживать ее.
62,17	прохладный и ясный
74,10 сн.	со вложенными ассигнациями.
88,8 сн.	больше влияния
97,15	ведут они
98,22	поступать
105,11-12	и не ослабевать, не ослабевать до конца.

Принц-желание. Впервые в детском ж. *Галченок* 1912/45: 2-5. Эту публикацию не удалось достать.

Рыцарские правила. Впервые в ж. *Новое слово* 1912/10: 22-24:

130,2	Если куртка продралась, нужно отдать зашить ее и если обед готов

130 Абзац, начинающий с «Правила, мол, у меня хорошие» следует после абзаца «У меня правил нет». Последний слит в один с абзацем «Ты внимательно слушай». Кроме того, после слов «совестливый и беспокойный» (130,18 нашего издания) идут слова «возразил пастух».

Перепечатано в ж. *Северная звезда* 1915/9:52-57.

Шесть невест короля Жильберта. Впервые в ж. *Новое слово* 1913/4:57-60 с несколько иной пунктуацией и разбивкой на абзацы:

131,2 сн.	а она на все будет фикать
135,2-3 сн.	своею рукою
136,25	не только можно, должно
137,9-10	кроме лавки, лошадей, коров
138,5	разговаривать
139,14-15	а, главное, сами люди

Дочь Генуэзского купца. Впервые в ж. *Огонек* 1913/39:2-6.

Золотое платье. Впервые в ж. *Русская мысль* 1913/4:165-170:

154,9	все услышали странный шум на площади

Где все равны. Впервые в ж. *Русская мысль* 1913/4:170-174.

О совестливом лапландце и патриотическом зеркале. Впервые в ж. *Сатирикон* 1913/46:6-7.

Высокое окно. По-видимому, до книги не публиковалось. Перепечатано в ж. *Северная звезда* 1915/14:57-63.

Послушный подпасок. По-видимому, до книги не публиковалось.

Зеленый соловей.

Вышло в Петрограде в 1915 г. в изд-ве М.И. Семенова. На обложке стоит: Собрание сочинений, Том Пятый; на титульном листе под заглавием: Пятая книга рассказов. *Литературная энциклопедия* (т. 5 [1931], стр. 703) приводит 2-е изд. этой книги (1923), которое нам не удалось достать.

Зеленый соловей. Впервые в ж. *Лукоморье* 1915/14:2-5. Перепечатано в ж. *Северная звезда* 1916/4:33-36.

Платоническая Шарлотта. Впервые в ж. *Огонек* 1914/23: [10-17].

Завтра будет хорошая погода. Впервые в ж. *Лукоморье* 1914/3:1-4 без посвящения.

Напрасные удачи. Впервые в ж. *Лукоморье* 1914/15:1-6.

Соперник. Впервые в ж. *Аргус* 1914/22:71-75 без посвящения. Перепечатано в ж. *Северная звезда* 1915/5:52-57.

Измена. Впервые в альм. *Стрелец. Сборник I-ый* (1915, 61-65) без посвящения. Перепечатано в ж. *Северная звезда* 1915/7:43-46.

Шар на Клумбе. Впервые в альм. *Петроградские вечера*, кн. 3, 1914:183-209 без посвящения и с подзаголовком «Летний рассказ»:

73,4-5 и, особенно, живые

- 78,17 служил
 90,23 их молча соседу
 93,8 как и у соседней
 93,9 — Не толкайтесь, — проворчала Боскет-
 кина, давая локтем назад, — сопит прямо
 в затылок!

Набег на Барсуковку. Впервые в ж. *Свободный журнал*,
 ноябрь 1914:13-28 без посвящения:

- 105,23 каналы, прощальги, негодяи, франма-
 соны, еретики
 112,2 подложное письмо
 114,3 за ним в холодную
 116,18 наклонился [опечатка?]
 117,27 [так же]
 118,24 завязанный рот

Образчики доброго Фомы. Впервые в альм. *Стрелец*.
Сб. I-ый (1915, 133-154) без посвящения:

- 131,28 Позвольте мне представить мою племян-
 ницу, мою опекаемую племянницу
 146,30 плетений судьбы

Остановка. Впервые в ж. *Огонек* 1915/10:[1-6] без посве-
 щения. Перепечатано в ж. *Северная звезда* 1915/11:42-47.

Своему делу мастер. Впервые в г. *Биржевые ведомости*
 (утр. выпуск) от 22 марта (4 апреля) 1915 (№ 14741) стр. 5:

- 162,32 весёлым видом
 165,7 С «Кнсетик» начинается новый абзац.

СОДЕРЖАНИЕ

Покойница в доме

Покойница в доме 5

Сказки

1. Принц-желание 113
2. Рыцарские правила 123
3. Шесть невест короля Жилберта 131
4. Дочь Генуэзского купца 140
5. Золотое платье 148
6. Где все равны 156
7. О совестливом Лопландце 162
8. Высокое окно 166
9. Послушный подпасок 174

Зеленый соловей

- Зеленый соловей [197]
- Платоническая Шарлотта [207]
- Завтра будет хорошая погода [219]
- Напрасные удачи [231]
- Соперник [245]
- Измена [257]
- Шар на клумбе [265]
- Набег на Барсуковку [293]
- Образчики доброго Фомы [317]
- Остановка [341]
- Своему делу мастер [353]

Примечания к четвертому тому 362

Kuzmin, Mikhail Alekseevich, 1872–1936.
Proza.

ISBN 0-933884-44-3